

Валерий Куринский

Когда нет гувернантки...

Автодидактика для детей и взрослых

Москва — Санкт-Петербург — Нью-Йорк 1997

© Куринский В. А., 1997

© «Автодидакт», 1997

Редакторы *Л.В. Смакова, Л.И. Жилина*

Младший редактор *Р.З. Безродная*

Корректор *Н.Л. Максимова*

Компьютерный набор *В.Г. Галубева*

Подготовка оригинал-макета *И.И. Чижиков*

«Автодидакт» ЛР №063286 от 14 февраля 1994 г.

© Avtodidaktika.com 2009. Форматирование в электронном виде

Содержание

О словах-пришельцах, а также понемногу обо всем, о чем пойдет речь дальше.....	3
Многообразие движений.....	7
Как сделать интерес.....	12
Сказ про то, что нужно кроме фуганка, рубанка и наждака, чтобы себя построить	16
Учимся бросать дело, чтобы скорее его сделать	21
Атомарная честность.....	23
И опять — движение, движение, движение, или Человек — книга движения мыслей	25
О человеке, который увяз в болоте, потому что не прочел главу: »Творческий повтор».....	27
Что такое настройки мозга, незапоминание понарошку и противоречия, из которых все вырастает	30
Кто поощряет человека за творчество:.....	32
Правила автодидактики.....	34
Стратегия и тактика для тех, кто хочет правильно вытащить репку	37
Мантровый способ засыпания, или Колыбельная на букву «С»	39
Сколько языков мы учим	41
Для чего нужен самоанализ, или Как я сам с собой могу поссориться.....	43
Самоопрос и другие приемы самоанализа	48
Ассоциирование.....	52
Медленное чтение.....	55
Арабский шах Алгоритм и предметы, которыми мы себя окружаем.....	58
Садимся делать уроки	63
Лингва-, лингве-, лингвистическая модель, или Как стать Мастером ?	72
Веселый повтор: — Опять зубришь? — Нет. Пою.	79
Бокс с Хэмингуэем, или Какие книжки мы читаем.....	84
Сколько инструментов нужно Мастеру?.....	89
Способы ускорения в обучении, или Как спешить не спеша.....	94
Как сжать время, чтобы не продула скука	101
Как найти свой талант	108
Об авторе	114

О словах–пришельцах, а также понемногу обо всем, о чем пойдет речь дальше...

Вы слышали о «контактёрах» с пришельцами из Космоса? Где только не пишут о них — в газетах, журналах, книгах. И кто только о них не говорит — дедушки, бабушки, мамы и даже малыши из подготовительной группы. Кому из этих «контактёров» верить? Может, кто-то сказал неправду? Иногда так случается, даже когда человек уверен, что сказал правду (неправда есть правда для него). Контакт с правдой и должен занимать нас прежде всего, когда мы говорим на какую-либо тему. Но я заговорил о контактёрах совсем не потому, что собираюсь посвятить им эту книжку.

Мы использовали иностранное слово «*контакт*». И еще — производное от него «*контакте?*». А остальные слова в языке — родные или иностранные? Вы этого еще не знаете, *контактируя со словами*. Они, должно быть, как живой человек, как *нечто*, приходящее из Космоса.

Маша с первого этажа и Сережа с четвертого — тоже контактёры. Потому что слово — *пришелец* в каждом детстве. Когда вы были совсем маленькими, слова *отождествлялись* у вас с предметами (то есть были тем же самым, что и предмет, который они обозначают). А когда подросли и пошли учиться в школу, стали их часто безвозвратно разъединять — слово и предмет (я говорю об *абстракциях*).

Со словами, переставшими быть предметами, скучно. А как они перестают быть предметами? Очень просто — я не понимаю чего-то и использую слово без понимания. Детям часто объясняют то, что вы могли бы понять только тогда, когда увидели бы собственными глазами. Слова остаются словами, если не было увидено и услышано то, что в них заключено. Поэтому нет контакта с сутью слова. А где же суть? Суть — в кончиках пальцев, в переживаниях, которые появляются, когда видишь изображенное этим словом наяву, в жизни.

Можно мысленно ощупать форму предмета, можно нарисовать его самому, можно спеть вслед за ручьем то, что он прожурчал. Можно подражать пению птицы — как какой-нибудь пустельги. И каждый раз эта проба будет такой, какой еще не было никогда. Поэтому и смысл понятого будет иным в каждом случае. Мы пользуемся знаками — плюс и минус, например, цифрами, буквами и другими. Плюс — две перекрещенные палочки — означает прибавление, сложение, сочетание одного с другим, означает, что чего-то станет больше. В этом знаке тоже есть смысл. Его автор взял палочку и прибавил к ней еще одну. А чтобы получился другой знак — минус — отнял палочку. Если будешь знать, как придумали эти два знака, запомнишь их хорошо. Так точно и со словами. Все, что было сказано по делу, всегда выражено таким образом, что в основе своей имело слово, тоже делом произведенное. Каждый словесный корень шел от потребности выразить действие.

Французский психолог Анри Валлон рассказал потрясающую историю, которая называется «От действия к мысли». Он совершенно прав: всякое действие только тогда представляет ценность для нас, когда оно связано с *внутренним* действием, когда мы можем его внутренне прожить. А иначе будет просто говорение, формальное говорение, или риторика.

Кое-кто считает, что дети не могут понять такие слова. Почему? Вы же можете понять, когда играете искренне в какую-то игру, что здесь есть, скажем, «рай», а здесь — запретная зона, называемая «адам»... Это так же просто, как говорить, допустим, «демократизация» или «экология». А взрослые боятся называть вещи своими именами так же просто, как жизнь детская, быт детский предлагают. Вот отсюда я и отталкиваюсь, когда считаю, что можно в разговоре с вами употребить вроде бы сложное слово — *«морфологизация»*. Позже из нашего разговора станет ясно, что суть его (или: этого действия, процесса) известна каждому ребенку. Мир ощущается, мир завоевывается органами чувств. И если мы знаем устройство слова на уровне смысла, который понимаем, ощущаем, а не на уровне этимологического словаря (спроси у взрослых, о каком словаре идет речь), то это ценнее, чем знать происхождение слова.

Маленький человек, который хочет увидеть что-либо, наверное, уже был охвачен интересом, уже был как бы предрасположен к понятию (представлению о чем-либо), которое в нем формируется, обретает форму. Пока понятие не сформировалось, он обязательно будет испытывать жгучий интерес к этому предмету. Как только интерес прошел, все стало уже абстракцией, чем-то отвлеченным. Не любимой лошадкой Зорькой с белым пятнышком на лбу, а просто лошастью, каких тысячи. Слово становится отвлеченным знаком, зовом к тому, чтобы, увидев на картинке в учебнике лошадь, дать ей определение: «Это конь». Но должна быть и другая, обратная морфологизация: когда ты, увидев знак — «лошадь», вспомнишь свою Зорьку, похрустывание сена и топот копыт. Благодаря этому действию ты понимаешь теперь, как устроен сам знак (например, распознаешь «конструкцию» плюса — он, оказывается, является соединением двух палочек).

Может быть, тебе покажется, что я говорю немного сложно и тебе не все понятно, но мы уже договорились не бояться называть вещи своими именами. Если тебе что-то непонятно сегодня, завтра все обязательно прояснится. Главное — идти вперед. Мы еще разберем подробно то, о чем здесь идет речь, несколько как бы сжато, конспективно, как говорят взрослые.

И вот теперь можно сразу перейти к вопросу, сколько *«инструментов»* нужно растущему человеку. Конечно, самый главный «инструмент» — умение слышать себя. Необходимо научиться слышать себя, слушать, видеть, смотреть в себя, заглядывать. В самом ли деле я эту правду ощущаю как правду, или этого в моих чувствах нет? И были ли встречи с контакторами? Человек, что-то видящий в своем воображении, тоже видит. Он не врет, он говорит правду, но в реальности ли этого измерения существует воображенное?

Мы говорим, что существует одиннадцать измерений. Можем говорить о том, что существует двадцать измерений. Сколько же их? С позиций человека, который хочет абсолютно все расставить по своим местам, это очень важный вопрос. С позиции человека, который обладает гармоничным мышлением (а он понимает вечную ограниченность человеческого познания, шире использует интуицию, смело выдвигая самые дерзкие гипотезы, склоняя голову перед Творцом), — это совершенно не важно. Потому что количества могут оказаться бесконечными. Другими словами, смысл познания всегда шаток, всегда валок, в нем никогда нет окончательной устойчивости. И одна из самых главных посылок — утверждение познания как неустойчивого. Процесс познания идет, мы учимся, но прекрасно понимаем: психологическая опора здесь заключается в том, что мы находимся в этом процессе. И само по себе познание должно стремиться, наверное, не к информационному богатству (хочу знать как можно больше), которое очень сомнительно, а к совершенно другому богатству — богатству, связанному с **состояниями**.

Самый главный закон — не врать самому себе. Называется он законом *атомарной честности*. Атомарная — значит на уровне атома, одной из мельчайших частиц. Надо с самой большой точностью знать, на самом ли деле мне сейчас, в эту минуту интересно, или мама сказала, что мне должно быть интересно. Такая честность должна в тебе всегда присутствовать, когда ты что-то делаешь. Конечно, совершенно не нужно говорить, что ты честен. Но важно ощущать во время своих занятий, что ты испытываешь интерес, действительно постигаешь материал, что ты волнуешься по поводу того, что делаешь.

Волнение может быть с огромным количеством оттенков. Если этот оттенок связан, допустим, просто с тем, что тебя похвалят за хорошую оценку, это, наверное, не очень хорошо. Хорошо, когда ты будешь радоваться, скажем, из-за того, что помог другу или спас кошку, защитив ее от обидчика и не позволив причинить боль, — когда ты сделал доброе дело. Разные состояния и степени взволнованности по важным для человечества поводам и определяют, в конце концов, культуру человека и его способность обучаться.

Если учишься только лишь для того, чтобы тебя похвалили, постепенно станешь человеком, который не умеет, не может учиться, не способен учиться так, как мог бы. Человек, оказывается, приобретает талант (а это доказывают многочисленные эксперименты в «лаборатории», которая называется «человеческая история»), когда имеет **чистый помысел**. Поэтому надо сейчас, пока у нас за плечами совсем небольшой жизненный опыт, определить, а какие же волнения лучше испытывать — волнения по поводу похвалы за «пятерку» или по поводу того, что я, допустим, кого-то спас или кому-то помог. Это же совершенно разные волнения.

Некоторые взрослые относятся к детям снисходительно, думают приблизительно так: «Маленький — значит глупенький». На самом деле ребенок понимает гораздо больше, чем может сказать словами, которые уже знают взрослые «дяди» и «тети».

Маленький человек даже в возрасте четырех, пяти лет прекрасно понимает (по-своему, конечно) что справедливо, а что несправедливо. Но взрослые этого часто не учитывают. И оттого, что у ребенка подавляется чувство справедливости, он теряет талантливость свою, которая, конечно же, в нем есть от природы — во всяком случае, к чему-нибудь обязательно.

Если чувство справедливости притупляется, возникают затруднения в обучении. Поэтому сейчас самое главное для маленького ученика — сесть дома где-нибудь в уголке и подумать, справедлив ли он по отношению к тому, что думает о своих знаниях. Врет ли себе, когда читает задание к уроку вроде бы с интересом. То есть много ли у него вранья в жизни или нет. Вот с этого начинается справедливость. А если искать несправедливость где-то вне себя, за пределами себя, только в отношении папы, мамы или учителя к тебе, ничего хорошего из этого, конечно, не получится, потому что ты не будешь правильно видеть себя.

Учиться правильно видеть себя надо не в зеркале, а в тех действиях, которые прежде всего связаны с чувством справедливости. Называются эти действия *этическими, нравственными*. Мы совершаем их, не перемещаясь в пространстве. То есть совершаем условно, про себя, в воображении, о котором в школьные годы говорят, к сожалению, слишком поздно, когда учат психологию в старших классах. Если вообще учат. А то иногда отменяют.

Эта же часть учебы — «наука воображения» — такая, какой нам нужно ее представлять, должна быть продумана с первого класса, должна быть продумана с детского садика каждым из нас. Здесь нет совершенно никаких препятствий ни у маленьких, ни у больших. Потому что с нее начинается практически всякое действие, связанное с обучением. И отсюда же начинается удовлетворение, которое ты испытываешь потому, что стал свободен. Ты освободился, прежде всего, от тщеславия и начинаешь заниматься истинными, или, скажем лучше, как мы уже условились раньше, справедливыми делами, действиями, поступками, понимая, что они вырастают сначала в тебе, а потом уже вне тебя.

Многообразие движений

Движение всегда понимается слишком просто, даже примитивно. Едет машина, летит самолет, плывет пароход. Это все движения. Человек может перемещаться по комнате, двигать руками, ногами. Может даже шевелить ушами. Я помню ребят, с которыми учился, — они это прекрасно делали. И я лично им очень завидовал.

А что происходит, когда мы *говорим*? Прежде всего, открываем рот, а значит, двигаем челюстями. Двигаются язык, голосовые связки. Но разве это самое первое при таком движении, которое называется говорением? Разве это первично? Думаю, даже самым маленьким понятно, что должно еще что-то происходить, наверное. Где-то должно зародиться движение, где-то должен быть «родник», из которого вытекает «ручеек» движения. Очевидно, он находится в нашем организме более глубоко. Мы не будем называть сейчас те части головного мозга, нервной системы, которые принимают участие в зарождении движения. Это для нас еще слишком сложно. Нам надо остановиться на одном очень интересном движении, которое тоже происходит в мозгу, хотя оно совсем не такое, как, допустим, при ходьбе. В мозгу совершают движение очень маленькие частицы — катионы, которые я для удобства даже назвал бы существами, потому что в чем-то они и есть существа. Ведь очень трудно четко определить границу между миром минеральных веществ и миром живых существ, установить, когда прекратило существование одно и когда началось другое. Катионы, которые условно будут фигурировать у нас как живые, действуют, двигаются, изменяются под влиянием других «существ». Как в сказке! И это взаимодействие происходит из-за того, что тебе или хорошо, или плохо, и оттого, что у тебя есть какие-то *тонкости восприятия мира*.

А о каком восприятии мира можно здесь говорить? О том, которое, допустим, связано с учебой, разве нельзя говорить? Можно ведь утверждать, что я, взяв книжку сейчас, буду испытывать или не испытывать то состояние, которое называется упоением, которое называется восторгом, которое называется волнением, потому что мне интересен сюжет. Эта цепочка будет, естественно, сначала проводиться в жизнь через движение маленьких «существ», как мы их назвали. И такая внутренняя жизнь, оказывается, зависит оттого, как мы воспринимаем (вовне, естественно) книжку. И честность, оказывается, тоже начинается с такого движения.

Если мы решили, что внутренняя, атомарная честность — самая главная для обучения, то мы никогда не должны забывать об этом, потому что такие первоначальные движения будут влиять потом на наши мысли, на то, как мы будем отвечать урок по математике, как мы будем решать алгебраические задачи, на то, как будем понимать жизнь, относиться к друзьям и т.д. От первичного волнения зависит все. Именно оно способно привести в движение *родник*, из которого потечет потом ручеек мыслей, ручеек слов. Другое дело, что слова могут произноситься правильно или неправильно, уместно или неуместно. Каждому из нас, независимо от возраста, всю жизнь приходится над этим работать.

Культурный человек всю жизнь «чистит» движения речевого аппарата. Речевой аппарат — это и челюсти, и голосовые связки, и язык, и, конечно, зубы, то есть все части рта, лица, которые принимают участие в произношении — действии, нужном для звучания слов. Все мышцы органа речи должны быть развиты у человека, даже самые маленькие — микромышцы. Как это происходит? Совсем маленькие дети, которые только появились на свет, еще не умеют говорить, но постепенно начинают лепетать. Что делает малыш, когда лепечет? Просто двигает своим речевым аппаратом, совершает движения, а потом начинает вслушиваться в то, что у него получается. Правда, слушает он позже, чем производит движение, — это давным-давно доказали врачи-педиатры (врачи для детей).

Мы тоже должны сначала заниматься движением, чтобы его осознать и освободиться от *зжатости*, или *психического напряжения*. Как расшифровать эти слова? Психическое напряжение — это напряжение, связанное с душой, напряжение, связанное с тем, что я испытываю непреодолимое желание избавиться от состояния, которое хочет вызвать у меня слезы, которое вызывает у меня тревогу... А оно довольно часто связано с тем, что я испытываю напряжение мышц — мышечное напряжение, которое не осознаю. Другими словами, если я не осознаю, что какое-то движение исполняю неточно той частью тела, которой нужно его исполнять, появляется психическая зжатость, непонятная тревога.

Такая тревога появляется невольно, как говорят, подсознательно, как бы отдельно, без меня. Вот вошла и села. А я и не заметил. А она уже во мне сидит, и мне страшно, тревожно. И это происходит потому, что в тот момент, когда я говорю английское «*th*», произвожу слишком много лишних движений — маленьких, совершенно незаметных — на уровне «полусуществ» в мозгу. Потом уже и во внешних органах у меня появляется множество разных, совершенно ненужных напряжений языка, мышц, которые управляют нижней челюстью, и прочих других. Иногда даже кончик мизинца на левой ноге напрягается. Потому что в это время я занимаюсь *не* обучением своего языка и речевого аппарата, *не* произнесением нужного звука, а хочу изо всех сил получить в журнале «пятерку».

Если ты очень хочешь заслужить отличную оценку, ты поступаешь вроде бы честно: тебе хочется, чтобы твои усилия были отмечены другими людьми. Но это и нечестно. Почему? Это нечестно по отношению к делу. Ты обманываешь дело. Ты обманываешь его на уровне действия — другими словами, действие, которое совершаешь языком, челюстью, губами, требует более точного к себе отношения. Такое отношение называется *тождественным*. Выполняя действие, нужно осознавать, как в диафильме, кадры движения мышц друг за другом. И когда тебе это удастся, ты вдруг замечаешь, что действие как бы становится более гладким. Ты начинаешь испытывать ощущение совершенствования. И все время совершенствуешь свое действие, когда повторяешь его с осознанием разных необходимых напряжений: гам мышца напряглась, а теперь — в другом месте, потом — в третьем...

Чтобы необходимые напряжения тебе удавались, начинать нужно с полной расслабленности, или, как говорят ученые, *релаксации*. Добиться ее можно при помощи движения, которое мы называем движением мысли. Представляешь лучик — тоненький, совсем как лазерный, и этим лучиком проводишь, допустим, по какому-то органу своему или его части. Давай медленно проведем им по мизинцу левой руки от кончика до основания — этот пальчик расслабится. Можно лучом мысли провести по всему телу — и ты тоже получишь релаксацию. Отсюда и начинается первый урок движения. Отсюда и начинается движение естественное с внешней стороны и движение естественное с внутренней, осознанное, незажатое, истинное движение, которым нужно все время заниматься, чтобы хорошо заниматься, то есть хорошо учиться.

Если я постоянно совершенствую движения, если везде вижу исключительно движения, которые друг с другом сочетаются или не сочетаются, которые помогают друг другу или наоборот — противоречат, тогда я могу быть хорошим учеником. Если у меня нет такого отношения к учебе как к движениям, которые совершенствуются, которые приносят радость, и не только мышечную, то я — плохой учащийся. Я научился кататься на велосипеде, но набил себе лишних две шишки только потому, что мне не рассказали, каким образом расслабиться с самого начала и каким образом заниматься многими движениями сразу. Потому что одним движением заниматься плохо, нужно обязательно заниматься так, чтобы одно движение было приготовлено вместе с другими, которые как бы находятся в семье, работающей артелью. И тогда получается, что ты работаешь вместе с ними и у тебя появляются друзья — движения.

Движения, которые вместе работают, потихоньку превращаются в *навык*, потому что отрабатываются, становятся вольными, свободными, и постепенно человек приобретает **сумму навыков**. Движения, которые были у истоков навыка (вспомним тот «родничок», из которого вытекает «ручеек» движения), становятся как бы составными частичками «больших» навыков. А они, в свою очередь, составляют целые системы, которые связаны с каким-то производством, допустим. А это уже называется специальностью, **мастерством**, профессией.

Получается, что человек, который овладел движением, может овладеть специальностью. И чем лучше он осознает каждое отдельное движение с точки зрения своей внутренней честности, тем легче может это сделать. А потом к уже имеющемуся мастерству он может добавить другое, овладеть еще одной специальностью. Таким образом, его жизнь становится более полной. И тогда его хвалят — сначала мама, а потом окружающие. Но для него не это главное, потому что он, оставаясь внутри взволнованным от *всегда иного*, ценит не внешние похвалы, а то мастерство, которое совершенствуется во имя других людей. И прекрасно понимает, что мастерство и появляется потому, что он уже оценивает его в семье других профессий, других занятий человеческих. Ведь в человеческом обществе очень много видов деятельности, и каждый человек выбирает свой вид — ту профессию, которой ему хочется заниматься, которой хочется овладеть. Есть

люди, которые овладевают большим количеством специальностей, есть люди, которые овладевают меньшим количеством специальностей, но каждому из нас обязательно свойственен какой-то самый главный талант, который позволяет овладевать и другими талантами.

Талант тоже связан, естественно, с движением. И это движение к талантливости, движение к мастерству, к тому месту, которое ты потом займешь в мире, в том числе и как *Мастер*, начинается с движения внутри тебя. И чаще всего — с движений речевого аппарата. Слово подобно вещи, которую нужно сделать так, чтобы не было стыдно ее предложить кому-то. *Произнесение* (движение, которое мы осуществляем, чтобы произнести слово) должно быть осуществлено осознанно точно и не только на родном языке, но и на других языках, которые мы должны знать, чтобы общаться с людьми разных национальностей, чтобы легко пользоваться любой литературой и приобретать *инструментальные знания*.

Мы приобретаем знания, чтобы стать мастерами. Для этого, говорят, надо очень много помнить. Но для того, чтобы помнить, необходимо, наверное, многое хотя бы внимательно воспринимать... Внимательно воспринимая, мы осознаем, как правило, то, что пытаемся запомнить. Осознание связано с тем, что мы думаем. Вот и получается: для того, чтобы запомнить, нужно думать. От того, *как* ты думаешь, и будет зависеть результат. Но зависит и другое, а именно: как же ты распорядишься тем, что запомнил. Значит, для тебя важно сейчас, учишься ты в первом классе или в шестом, понимать уже: учебный материал будет запоминаться не потому, что тебе нужно запомнить, а потому, что *следующее что-то можно узнать только тогда, когда разберешься в чем-то предыдущем*. Однако об этом последующем ты должен быть заранее осведомлен. Поэтому ты должен, наверное, посмотреть оглавление всего учебника, должен увидеть, что делается в планах следующего класса, или попросить учительницу, чтобы она об этом рассказала.

Человек может учиться сам с младенческих лет. Это доказывают и история Тарзана, и жизнь Маугли. Но еще более доказывают биографии реальных, затерянных в джунглях детей, которые сами научились далеко не человеческим, но вместе с тем очень сложным действиям. Их учили вроде бы животные. Но как учат животные? Животные учат примером. Человек, значит, обучался сам, наблюдая за ними. Следовательно, если мы сейчас возьмем за основу пример, сможем легко всему научиться, потому что к нам на помощь спешит еще и слово.

Конечно, слово можно понять и неправильно, поэтому мы все время должны пытаться проверять слово своим ощущением. Нужно превращать слово в конечном счете в действие, которое мы производим в воображении. Представить, как лимон брызжет соком нужно, наверное, для того, чтобы мы могли хорошо это слово употребить, живо, или, как мы уже сказали, *тождественно*. Режут лимон — летят брызги, словно маленькие блестящие искорки. Подобное происходит тогда, когда мы думаем очень точно о чем бы то ни было. И тогда запоминание, конечно, облегчается.

Но нужно ли нам такое запоминание, о котором мы все время печемся? Если мы умеем думать автоматически, то, само собой, можно и запоминать автоматически! Может, не надо вообще заботиться о запоминании? Может, мы способны в конце концов так научиться жить, научиться такой интеллектуальной, то есть умственной культуре, что нам не нужно будет запоминать, а само мышление, само наше внутреннее содержание постоянно будет как бы само собой заботиться о том, чтобы что-то удерживать и что-то не удерживать в памяти? Если у нас будут глубокие и постоянные интересы к чему-то, — наверное, оно будет помниться. Об этом хорошо знают старые люди. Они вспоминают детство каждый день и потому очень хорошо его помнят. А то, что они сделали буквально полчаса назад, могут забыть, потому что это чаще всего бытовые, очень надоевшие действия (они еще называются рутинными). Поэтому бабушка забывает, что она носит очки у себя на лбу, и ищет их где-нибудь в комод. Таким образом, запоминать можно, оказывается, во-вторых, а во-первых надо думать.

Как мы думаем? Думаем мы, безусловно, не так просто, как кажется детям, да и взрослым, которые не занимаются специально работой мозга. Это загадка природы. Думаем мы так, как никому пока не известно. Есть даже такая шутка: «Когда-то мы знали о нашем мозге все, теперь не знаем ничего». Это неспроста. Когда-то наука считала себя всемогущей, была как бы зазнашкой. А сегодня чувствует себя скромной начинающей девочкой, которая очень много должна узнать, прежде чем считаться мастерицей. Мы думаем о многом автоматически и не знаем, как это происходит. Вместе с тем мы должны понимать: то, что мы говорим, то, что мы пишем, то, что производим в качестве художественного произведения, например, картины, скульптуры, симфонии — это результат работы живого «компьютера», который мы называем головным мозгом, нервной системой и даже, с некоторой натяжкой, человеческой личностью. Можно так, в полушутку, назвать голову живым компьютером или для удобства, наверное, даже нужно.

Как сделать интерес

Сейчас многие дети с раннего возраста учатся управлять компьютером. А своей головой управлять их не учат, потому что на ней вроде бы и кнопок нет. Но такие «кнопки» нам надо создать. Эти кнопки — наши *интересы*, то, что мы действительно в данную минуту чувствуем как интерес, как прилив интереса. И если ты сегодня научился понимать, что на самом деле чем-то интересуешься, значит, уже знаешь, где находится самая главная, самая первая «кнопка» твоего «компьютера», который ты всегда носишь с собой, самого дорогого, вероятно, компьютера в мире. Нажать эту «кнопку» просто, если владеешь мастерством управления своими интересами.

Надо начинать, наверное, с самостоятельных поисков интереса, который ты испытываешь в эту секунду, в это мгновение, в отличие от общего интереса, который испытываешь к какому-то предмету. Нельзя требовать от учителя, чтобы он все время вел урок увлекательно. В первом классе первый урок всегда интересный, во всяком случае, половина его хотя бы. Потом привыкаешь к школе, и десятый урок становится не таким интересным. Так что же должен делать учитель — плясать, петь, показывать фокусы? Он должен, вероятно, давать общие, руководящие, направляющие советы, правила, помогать ученику. Но ученик, в принципе, должен учиться сам. А чтобы он мог учиться сам, ему необходимо научиться вырабатывать, производить (как на работе папа и мама это делают, например, детали производят, если они, конечно, работают на производстве) **актуализированный интерес**, интерес этого мгновения, этой секунды. Как получить актуализированный интерес?

При помощи того, что ты *«ломаешь игрушку»*. При помощи разбивания материала, который нужно выучить, на несколько частей. Части ты выбираешь совершенно произвольно, свободно. Ты поступаешь так, как тебе хочется, и избавляешься от ощущения, что тебя принуждают учиться. В этом материале ты чувствуешь себя как на прогулке, когда идешь гулять куда-нибудь в интересное место, например, в зоопарк. Потому что можно перейти от одной клетки с каким-то диковинным зверем к другой, от вольера — к террариуму или к чему-то другому. Ты уже на этом примере понял, что твой интерес зависит от того, как ты сам будешь переключать луч внимания. Ты обязательно его поймаешь, свое внимание. Оно будет секундным, вниманием именно этого мига, этого мгновения, потому что ты действительно совершил действие. Природа как бы награждает тебя за то, что ты искал это действие, и ты ощутишь удовольствие. Оно связано еще и с тем, что ты не тяготишься временем, тебе не скучно. И это действительно награда. Потому что если тебе не скучно, ты прожил настоящее время, настоящий миг жизни. Можно увлекательно прожить целую большую жизнь, если у тебя каждый миг будет интересным. Конечно, в идеале сделать так очень трудно. Поэтому надо иметь очень много актуализированных интересов, уметь их возбуждать. Нужно сделать так, чтобы любое твое занятие было для тебя обязательно интересным уже в силу того, что является составной частью какого-то огромного интереса к жизни.

Сейчас мы поговорим о том, что нужно делать, чтобы *научиться запоминать*. Нужно думать, мыслить. О чем охотнее всего мыслить? О том, что нравится. Почему нравится, мы сейчас не будем анализировать. Когда мы занимаемся любимым предметом, нам легче его учить. Когда я занимаюсь любимой работой, она становится легкой. Недаром в последние десятилетия в русском языке появилось слово «хобби». Переводят его как «увлечение». Это значит, что человек на досуге, в свободное время занимается работой, которую он считает отдыхом. Работа для отдыха может быть очень сложной и тяжелой, но увлеченному человеку такой не кажется. Многие люди в основном как раз достигают хороших результатов, когда занимаются «хобби». Нам становится ясно: чтобы какое-то дело выполнялось легко, свободно, необходимо его любить.

А теперь нам с вами нужно немного позаниматься *философией* (наукой о любви к мудрости). Некоторые взрослые думают, что дети философии не поймут. Но они ошибаются. Если бы взрослые вспомнили, что они сами немножко дети, то ввели бы философию в младших классах школ и даже старших группах детских садов. Почему я об этом говорю, вы сейчас поймете. Дело в том, что любовь связана с ощущением правды. Нельзя любить маму и не доверять ей всецело. А раз я люблю маму, я чувствую, что мама — это совершенная правда, мама — это то, чему нельзя не доверять. Значит, когда я говорю о любви, то говорю о *правде*. Правду в ее философском проявлении называют еще *истиной*. И вот эта любовь, конечно же, является и истиной, если мы говорим о любви, связанной с доверием к кому-то.

Я люблю собаку, она меня не укусит, потому что я ее люблю. Где здесь истина? Истина заключается в том, что я точно знаю: она меня не укусит, потому что любит меня, как я ее люблю. Даже на таком уровне понимая истину-любовь, мы очень много можем делать для своего образования, которое в этом случае будет уже, конечно, ***самообразованием***.

Можно ли полюбить какой-то предмет специально? Нужно ли испытывать к нему «сделанный» интерес? Кто-нибудь из взрослых, может, скажет: «Фи, это же искусственный интерес?» В этот момент я спрошу его: «А почему нужно не одобрять искусственный интерес?» Почему нужно мириться с тем, что человек не испытывает любви, не старается полюбить, не старается заинтересоваться? Ведь полюбил бы, если б знал. Ведь если Сережа влюбляется в Катю, то, вероятно, он должен эту Катю сначала узнать. И тогда он, даже если ему только шесть лет, уже любит Катю. Взрослые думают, что Сережа не может любить Катю, потому что он еще маленький. Но потом они «исправляются» и уже прекрасно понимают, что такое бывает.

Но каким образом добывать интерес, каким образом добывать любовь? Это тоже связано с «ломкой игрушки», связано с какой-то *технологией* (деланием чего-то). Знакомство с предметом может дать увлечение. То есть, если я знакомлюсь с книжкой, в которой красиво изображен завод, это может пробудить интерес к производству, и я буду с большим удовольствием заниматься предметами,

связанными с техникой. Что такое *красиво* в данном случае? Красиво — то, что привлекает меня. Катя красивая, потому я ее и полюбил. Но речь у нас сейчас пойдет о другом — о той *красоте, которую нам нужно создавать самим*, если мы хотим почувствовать любовь к какому-то предмету. Если я почувствую красоту в нем, то обязательно его полюблю. Значит, если я смогу создавать сам некую красоту в отношениях с предметом, то даже если предмет и не полюблю, во всяком случае свои с ним отношения смогу полюбить.

Каждый ребенок, который уже немножко философ, конечно, понимает, что можно любить опосредованно, то есть не предмет (в прямом смысле), а свое отношение к предмету. И люди, которые не доверяют детям в этом отношении, очень сильно заблуждаются. Потому что дети сами могут такие отношения налаживать, сами могут их организовывать. Они начинают с игрового элемента, как говорят взрослые, а проще — начинают с игры. Игра и приводит к любви к самому предмету по прошествии времени. Почему это случается? Да потому, что у человека есть воспоминания. Человек вспоминает очень скоро, как он был маленьким. Ему семь лет, а он вспоминает, как он был маленьким, когда ему было три годика. И он начинает любить то, что было связано у него с его ранним возрастом, как будто прожил большую жизнь. И он действительно прожил жизнь, которая с точки зрения содержания, смысла необыкновенно богата.

Можно любить что-то, только вспоминая его, то есть думая о нем. Значит, чтобы полюбить, надо обязательно думать об этом предмете, явлении, состоянии. И думать с интересом. А интерес мы можем уже сейчас производить при помощи расщепления любого материала, при помощи «ломки игрушки» и перевода лучика внимания с одной части- текста, например, на другую, причем вразброс. Следовательно, начинать надо с этого актуализированного интереса, с этих действий, которые мы описали, чтобы, наконец, добыть то, что считается недобываемым — *любовь к предмету*. Многие люди тоже могут казаться сначала непонятными, и их не полюбишь. Бывает так даже с приятелями. А потом твой приятель становится тебе понятней, и ты вдруг чувствуешь к нему прилив доброго чувства, потому что ты его понял. Поэтому нельзя спешить кого-то не понимать. Нужно обязательно попробовать понять.

С любовью мы все время связываем нашу способность думать. И здесь напрашивается вопрос, а не связано ли чувство с тем, что мы выражаем словами, цифрами или каким-то другим образом, то есть с мыслями. Скорее всего мы ответим тут не всегда правильно. Мы четко делим все, что видим в самих себе, да и в других тоже, на холодную мысль и — на чувство, которое якобы нас согревает. Это деление неправильное. Не бывает отдельно мысли и отдельно чувства.

Мысль человека всегда связана с чувством, а чувство всегда связано с мыслью. Поэтому когда будешь заниматься любимым предметом в школе, старайся при помощи актуализации интереса вызывать в себе искреннее волнение по поводу какой-то формулы, правила, определения. В какой момент это может произойти, тебе,

наверное, подскажут твой опыт, твои действия с различными предметами. Тут помогает привлечение всех наших ощущений, различных восприятия, например, и зрительного, и слухового, и вкусового, и обоняния нашего, и всех возможных сочетаний этих ощущений. Только тогда мы получаем картину, которая наиболее устраивает нас как людей, которые не любят скучать.

Человек нескучающий — это человек влюбленный. «Человек, который мечтает, — говорил великий режиссер Акиро Куросава, — это гений». Человек, который мечтает, обязательно любит свою мечту. А значит, не может не быть талантливым. И потому, начиная все с повышенной, маленькой, мельчайшей искренности в самом себе и открытости перед самим собой, можно гораздо успешнее продолжать путь в развитии себя, в образовании, чем ожидая от учителей, когда они тебя заинтересуют.

«Сделать» самому актуализированный интерес — это начать создавать любовь к конкретному предмету, к конкретным знаниям, в конце концов, к тому, что в тебе есть хорошего. Если этого нет, очень трудно надеяться на расцвет твоего внутреннего таланта, который ты обязательно должен расшифровать. А человек расшифровывает свой талант при помощи мечты, ощущений, которые, постепенно накапливаясь как искренние и осознанные ощущения, дают в результате твое предчувствие тебя. А это уже от ять мечта. Та, которая все время, каждый день осуществляется.

Сказ про то, что нужно кроме фуганка, рубанка и наждака, чтобы себя построить

Когда мы заходим в некоторые дома, замечаем там мертвые библиотеки. Книги, которые никто не читает, иначе и назвать нельзя. Они мертвы, потому что стоят на полках и ждут своего часа совершенно напрасно. Они никогда не бывают открытыми и продолжают стоять так до тех пор, пока потомки владельцев не отнесут их в букинистический магазин, где продаются старые книги. Пустая жизнь людей превращается в пустую жизнь книг. Чтобы такого не произошло с теми, кто сегодня начинает учиться, кто сегодня начинает умственную жизнь человека, который хочет стать образованным, нужно, наверное, иметь навыки использования книг, но и не только книг.

Что это за мастерство такое, что за умение? Как организовать себя? Много есть разной литературы, где написано о *научной организации труда*. Это действительно очень важная штука, потому что когда мы рассматриваем с точки зрения сегодняшней науки вопросы, связанные с самообразованием, нам надо немножко иначе посмотреть и на организацию всех предметов вокруг себя — на их расположение, на их последовательность, на их приближенность или удаленность от твоего обычного места работы. У автодидактики есть свои принципы организации *материальной базы обучения*. Об этом у нас и пойдет речь дальше.

Материальная база обучения (конкретные книги, предметы, необходимые для учебы) — что здесь самое главное? Наверное, книги, которые у нас есть, далеко не все являются необходимыми. Есть книги, которые называются *шедеврами*, то есть самыми лучшими книгами на земном шаре. Есть книги, которые называются *священными*, или *сакральными*. Они просто рассказывают о каких-то событиях, но являются книгами поучительными, книгами, в которых заключается основная мудрость человеческого мира. В книгах-шедеврах и священных книгах изложено то, что имеет отношение к истине, познаваемой человеком, то есть любви. Если мы с вами будем иметь библиотеку из шедевров, то это будет очень хорошая, мудрая библиотека. Сегодня, когда продается «Библия для детей», когда можно купить по высокой, но все-таки доступной для многих цене книги-шедевры (а это в первую очередь произведения классиков и русских, и украинских, и зарубежных), мы можем потихоньку начать собирать с самого детства такую библиотеку.

Чем отличается подход к книгам у нас, автодидактов. от обычного подхода? А тем, что мы читаем книги постоянно, не раз возвращаясь к тем, которые уже однажды читали. К шедеврам нужно возвращаться постоянно. И тогда у нас никогда не будет зазнайства, что мы эту книгу «прошли». Мы к ней еще вернемся, потому что никто еще не прочитал до конца (если говорить очень честно и очень строго), такую книгу, как Библия, или такую книгу, как Коран, или такую книгу, как Тора, и им подобные. Потому что эти книги — *бездонны*, в них нет дна, они неисчерпаемы. Сколько бы мы их ни читали, сколько бы времени ни разбирались в содержании этих книг, они все равно будут давать нам новые стороны бытия, будут как-то иначе его

представлять. потому что мы сами, прежде всего, что-то обязательно будем понимать по-другому.

Мы очень часто забываем о том, что, научившись писать, можем не только решать задачи, писать диктанты, делать домашние задания, но и можем выписывать из книг какие-то красивые или очень умные строки, которые нам понравились. А если иногда такая мысль и приходит в голову, то у нас под рукой не оказывается ни бумаги нужной или тетрадки, ни карандаша — вечно он сломан или находится не в пенале, а неизвестно где. Чтобы этого не случилось, мы всегда раскладываем в квартире в нескольких местах стопки нарезанной бумаги, а также карандаши к ней и ручки. Если этот материал всегда под рукой, мы не теряем времени, не теряем нервной энергии на поиски и сразу фиксируем какую-то мысль. А иногда и сами что-то придумываем. Да, такое счастье случается и с маленькими людьми, еще совсем неокрепшими вроде. А появившуюся мысль нужно немедленно записать, потому что характерная особенность мысли — уходить, как вода уходит в песок, бесследно исчезая.

Что еще нам нужно, чтобы хорошо читать разные книжки? Конечно, *справочники, словари*. И словари эти должны быть не на одном языке. Они могут быть на русском, на украинском, на немецком, французском, английском... Это — обязательный набор всякого учащегося. Если его нет, ученик будет постоянно испытывать как бы недостаточность, точнее, нехватку инструментов, подобную той, которую испытывает столяр, когда не может хорошенько острогать и отполировать доску, потому что не имеет фуганка, рубанка, наждака. А если не будет полированной доски, то не будет и хорошего шкафа, не будет мебели, которой гордился бы мастер-краснодеревщик. А учиться хорошо тоже нельзя, если у тебя будут отсутствовать необходимые книги.

Очень много есть на свете словарей. И, наверное, трудно назвать хотя бы один словарь, который был бы для нас совершенно безразличен. Он обязательно вызывает интерес у любого нормального человека, который умеет читать, который понимает, что всякий словарь объединяет в себе опыт не одной сотни и не одной тысячи мастеров, а чаще всего миллиона. Целого народа-мастера порой, страны-мастера. А бывает, что и всего мира, — если в словаре находит отражение межнациональное мастерство.

Трудно разобраться в словарях, потому что они все интересны. Однако, в первую очередь, важно помнить, что словари, которые связаны с языками, нам нужнее всего. Поэтому мы должны постараться уговорить родителей купить словари на родном языке (вместо еще одной машинки ко дню рождения) — *толковые*, в которых значения слов объясняются словами того же языка, из которого они взяты. Если тебе непонятно какое-то слово в нашей книге, открой такой словарь и посмотри его значение. Не помешают в нашем учебном «хозяйстве», конечно же, и такие словари, как немецко-английский, англо-немецкий, англо-французский, франко-английский, франко-немецкий, немецко-французский. Лишними не бывают

даже словари или справочники, которые рассказывают о какой-то одной профессии или группе близких профессий, например, авиации, морском деле, столярном и так далее. Они годятся для того, чтобы просто-напросто отдохнуть, попутешествовать в пределах другой специальности, других каких-то занятий человеческих, расширить свой кругозор.

Справочники бывают *прямыми* и *косвенными*. Постепенно ты научишься просматривать много книг в день: одну-две сначала, потом две-три, так дойдешь и до десятка книг. А просто просматривать их нужно, чтобы знать, что в них написано. Ты поймешь, какие книги могут послужить в качестве косвенных справочников, в какое «справочное бюро» нужно обратиться, чтобы получить информацию о том или ином факте, который тебя заинтересовал. Это очень важно — знать, где что находится. *Образованный человек далеко не все помнит конкретно, но он знает, где что находится.*

Материальная база имеет очень большое значение для того, кто хочет заниматься хорошо, серьезно, кто умеет оставаться счастливым человеком, когда ему нужно учить уроки, кто хочет общаться с книгой действительно как с другом. Кроме словарей, кроме справочников, мы уже сказали, нужно иметь и *художественную литературу*. Она должна подбираться маленьким учеником, который, конечно же, уже и большой, который уже прекрасно понимает, что такое красивое, что такое хорошо иллюстрированная книга.

К сожалению, много прекрасно изданных книг являются только внешне красивыми. Я бы назвал их книгами смазливими. Истинная же красота часто скрывается далеко не в картинках, не в ярких красках и даже не в тех интересных сюжетах, которые иногда увлекают даже слишком, уводя нас от самой главной правды, от самой главной истины, которая гораздо более интересна. Есть в числе книг-шедевров произведение великого немецкого поэта Гете «Фауст». Его можно назвать и приключенческим, и фантастическим, его сюжет захватывает. Но ценим мы «Фауста» прежде всего не за это, а за то, что много в нем настоящей правды, высокой мудрости, которые выражены вроде и знакомыми нам словами, но так удивительно соединенными, как ни один человек в мире не смог бы их соединить, сочетать, чтобы в них заблестели Божественные грани Истины. Вот почему эта книга (и подобные ей шедевры) прекрасна и неповторима.

(Замечание взрослым по ходу действия. Говорить о таких вещах со школьниками кому-то кажется немодным и даже неприемлемым. Однако попробуйте все же почитать детям отрывки из «Фауста» на немецком языке. Я бы советовал даже из второй части, хотя это и покажется кому-то странным. А если вы забыли немецкий язык, который учили в школе или институте, пора вспомнить и опять начать его изучать, а с ним — и другие языки. Потому что учиться нужно всегда и в любом возрасте.)

Строительство личности началось у тебя, мой юный друг, конечно же, очень давно, — еще с тех пор, когда ты даже и говорить не мог. Но ты уже все слышал, уже все

оценивал, потому что в тебе были какие-то чувства, определенные состояния. Ты чувствовал себя частью того общества, в котором находился, хоть был еще бессловесным существом. Чувствовал отношение к себе — ласковое или строгое. Вокруг смеялись или ссорились, пели или включали музыку. Музыка могла звучать резкая, раздражающая или очень приятная. Когда ставили Моцарта, музыка давала тебе своеобразную мудрость через состояния, которые она вызывала у людей, тебя окружавших. И «бессловесность», сохранившаяся у тебя, может быть, до первого или до второго класса (а у кого-то она сохраняется и на всю жизнь), та невозможность выразить словами волнение, которое музыка в тебе вызывала, совершенно не является доказательством того, что ты такого волнения не испытываешь.

Мы формируем личность, когда общаемся с кем-то. И это главное, что мы должны знать с самого раннего детства. Мы общаемся не только с живыми людьми, но и с Моцартом, мы общаемся с Гомером, мы общаемся с Гете и с его героями — Фаустом, Мефистофелем. Мы общаемся с огромным количеством людей, которые ушли из жизни, но они бессмертны. А бессмертны потому, что оставили после себя духовный след. Их мысли, их чувства, их творчество воплощены в предметах. Это не всегда книги. Это и картины, и репродукции с картин. Это и музыкальные произведения. И очень важно, чтобы ты к таким предметам мог прикоснуться с самого раннего детства.

Не нужно искать оправданий в том, что тебе негде послушать симфонический оркестр и некуда пойти в музей. Можно владеть одной лишь пластинкой. Можно владеть одной лишь кассетой. Если нет времени слушать всю Сороковую симфонию Моцарта, послушай хотя бы полминуты ее вступление. И это может оказаться таким толчком к «пятерке» не только по какому-то предмету, но и «пятерке» за жизнь, которую человек проживает до пятнадцати или до шестнадцати лет в школе. Потому что это похвала, словно исходящая из глубины веков. Потому что именно единение с прошлым дает нам возможность чувствовать себя человеком, принадлежащим человечеству, способным понять каждого, кто жил, живет и кто будет жить на этой планете.

Именно ощущение единения с человечеством позволяет формировать себя таким образом, что ты являешься *частью* этого огромного целого. Человечество, конечно же, прекрасно. Потому что оно живо. А осталось в живых и продолжает существовать потому, что совершало больше добрых поступков, чем злых. И в развитии всего человечества, или эволюции человечества, как еще говорят, принимает участие абсолютно каждый из нас. Каждый наш поступок вливается в эволюцию, является частицей огромного всемирного поступка.

Каждому хочется, чтобы его уважали другие. Любой ученик стремится к тому, чтобы его уважали в школе. Есть так называемое *тщеславие* у людей — когда ты прежде всего хочешь, чтобы уважали все, что ты делаешь, и не задумываешься особенно над тем, хорошо ты поступил или плохо. А есть еще *честолюбие*, когда ты

любишь, чтобы тебя чествовали, и любишь просто честь, которую тебе оказывают, но в том, хорошо или плохо ты поступил, разбираешься после.

Такое понимание этих терминов не подходит для автодидактов. Поэтому мы придумали другое толкование. Первое мы, в принципе, оставляем без изменения, а второе немножко изменяем. Наше толкование следующее: честолюбие — это не любовь к чести, а, прежде всего, утверждение идеи, любовь к утверждению благородной идеи, то есть такой мысли, которую одобряют современники и одобрили бы те люди, которые жили раньше, которых ты уважаешь, жизнь которых вызывает в тебе восхищение. Добрую мысль, добрую идею одобрили бы те люди, которые жили раньше. Добрую идею надо отстаивать, защищать. Вот тогда мы будем обладать настоящим честолюбием, которое используется как термин и как психологическая опора в системе под названием **автодидактика**. (Мы еще разберем, что это за система.)

Как же мы должны поступать? Прежде всего, надо выбирать такие направления поступков, которые связывают нас с другими людьми по линии доверия, по линии понимания намерений другого человека. Желать, чтобы другому было хорошо, чтобы другой человек получал духовную, то есть исходящую как лучик света от твоих мыслей, пользу от общения с тобой. И вот тогда получится, что ты будешь все время узнавать себя. Потому что узнать себя можно только через других. Ты словно в зеркале увидишь свое изображение, отражение своих поступков и поймешь, что ты на самом деле собой представляешь.

Но это не значит, что не надо смотреть в самого себя. Человек устроен так, что он обладает двойным, тройным зрением, а то и большим количеством зрений. Он все должен видеть по своей природе — и то, что творится во внешнем пространстве, и то, что происходит в нем внутри. Вот это сочетание двух миров и дает нам того человека, которого мы считаем уже зрелым. Но нельзя сказать, что в детстве этих двух миров нет. Просто, когда человек взрослеет и хорошо помнит, каким он был маленьким, он обязательно будет понимать, что два мира человека еще не взрослого часто не расщепляются — они почти неразрывны, как сиамские близнецы, они срослись и потому очень трудно различаются. Где мир внешний и где мир твоих внутренних ощущений — нужно прежде всего научиться определять при помощи своих ощущений и чувств, чтобы потихоньку разобраться и оценить то, что творится вне нас и в нас самих.

Учимся бросать дело, чтобы скорее его сделать

Для того чтобы заниматься долго, нужно научиться все время отрываться от работы. Тогда получается, что ты начинаешь очень много раз одну и ту же работу. А когда это возможно? Когда у тебя уже заготовлено заранее много занятий. Самое нужное я отбираю — то, что мне задано, то, что мне обязательно надо исполнить, а потом из всего этого учебного материала устраиваю игру.

Каким образом я играю? Прежде всего, я могу раскрыть тетради, учебники, положить их где только можно, и двигаться, ходить от одного учебника к другому, от одной тетрадки к другой или от тетрадки к учебнику... Это даст мне возможность понаблюдать, как у меня возникает интерес. Я вдруг понимаю, что мне хочется задержаться возле какого-нибудь учебника. И в этот момент я себе говорю: «Нет, не нужно здесь стоять долго, перейди к другому учебнику». Таким образом у меня накапливается даже какая-то маленькая досада: «Почему же я не остановился?» Но я не должен сдаваться, я должен идти дальше, все время находясь в кругу нужных предметов.

Наша игра должна закончиться накоплением сил, или, точнее, энергии. А это — желание немедленно что-то делать (скажем, бегать, прыгать), особое повышенное настроение. Энергия — самое необходимое, что нужно для учения, самое необходимое, что нужно для жизни. Из энергии рождается решительно все. А энергия в данном случае, когда мы играем в описанную только что игру, получается (появляется) от того, что мы все время *начинаем*, не задерживаем слишком долго внимание на каком-то предмете.

Когда нам надоедает такая игра, мы можем из этих же предметов организовать другую. Теперь мы не раскладываем раскрытые учебники, тетради, в которых надо что-то написать, а оставляем их на местах. Но перед тем, как начать игру, мы внимательно посмотрим, отслеживаем взглядом, где находятся все необходимые книги. Можно на первый случай даже записать сокращенно, где какой-учебник сюит. Вот, например, под номером «1» мы записали «Природоведение» и внимательно посмотрели на учебник природоведения. Потом записали под номером «2», скажем, «Математику» (или другую книгу, тетрадь) и зафиксировали — там-то стоит. Можно и не писать, а просто взглядом отметить. Потом третью книгу, четвертую... Вот так нужно осмотреть все, с чем мы будем работать. А после этого начинать действовать. Ты сидишь за своим рабочим местом, там, где всегда занимаешься, и даешь себе задание пойти и посмотреть тот учебник, в котором нужно прочитать параграф, отмеченный в дневнике. Сняв книгу с полки и посмотрев в нее, ты делаешь пять шагов, только, конечно, медленно, чтобы не разбить себе лоб, и за эти пять шагов ты должен прочитать определенное количество слов — сколько успеешь. Пять шагов ты должен сделать так, чтобы опять вернуться к тому месту, где брал книгу. Поставь книгу, снова посмотри в дневник или в тот список, который составил раньше, а если ты его помнишь, можно и без этого обойтись, проследи взглядом другую книжку, возьми ее и повтори

процедуру. Можешь взять тетрадку, начать выполнять письменное задание по математике или русскому языку, считая про себя до двадцати (считать надо, чтобы отвлечься от того, что ты делаешь).

Желательно, чтобы вначале эта игра проходила у тебя действительно только как игра. Чтобы ты делал записи в черновиках. Потому что если ты сразу возьмешься делать в чистовике, набело, сначала будет много ошибок, ведь ты еще не привык управляться с собой. Такая игра позволит тебе все время быть в движении. Чем больше движений, тем свежее у тебя будет голова. И ты, естественно, опять почувствуешь прилив энергии. Тут происходит то же самое, что и в первом случае, — энергия накапливается как раз потому, что ты множество раз, ограничивая себя в покое, все время начинаешь заново что-нибудь делать. Если ты не поставишь книжку на место, проделав пять шагов и прочитав несколько слов, ты не добудешь энергии. Тебе обязательно захочется прилечь, обязательно захочется присесть, и ты не сможешь добыть энергию, которая получается как бы от досады, что ты отложил начатое дело.

Когда человеку надо что-нибудь сделать, а ему не хочется, он должен постараться заниматься еще чем-то. Даже не одним «чем-то», а, может быть, даже тремя делами, четырьмя. И заниматься ими, естественно, вразброс. Когда мы таким образом поступаем, то, возвращаясь к своему главному делу, допустим, тысячу раз в день, обязательно его по кусочкам сделаем. И тогда вдруг придет ощущение радости от того, что мы выполнили это дело. И, кроме того, получим дополнительный интерес к нему.

Значит, когда нам нужно что-то сделать, мы должны обязательно использовать правило многократного начинания, многократного «притрагивания» к делу. Чем чаще ты притрагиваешься к тому, что тебе обязательно нужно сделать, тем быстрее получишь интерес к этому делу. Оно станет твоим близким, твоим родным, потому что ты его «гладил», ты к нему «притрагивался», ты с ним «общался». Поэтому такое задание должно быть всегда на виду. То ли это тетрадка, то ли это блокнот, то ли деревянная планка, которую ты хочешь постругать, отшлифовать и покрыть лаком, или что-нибудь другое. Такой предмет всегда должен быть там, где ты занимаешься какими-то другими своими делами. И каждую «щелочку» во времени ты должен использовать, непрерывно думая о том, как бы еще разочек «притронуться» к этому предмету, или, как говорят иначе, к объекту. Вот как можно, оказывается, успешно делать дело, которым сначала не хотелось заниматься.

Атомарная честность

«**Совестливость**» — слово, которое произошло от корня «*совесть*». Быть совестливым — значит испытывать определенный стыд, если обманул кого-нибудь. Можно испытывать стыд и по другой причине — когда обманул не кого-нибудь из своих знакомых, а *самого себя*. Если ты самого себя не обманываешь, совесть твоя должна быть спокойна. Но у человека, который живет на земле, совесть никогда не бывает окончательно спокойной. Он всегда неудовлетворен отдельными своими поступками. Никогда человек не сможет сравниться с той сущностью, которая известна под именем *Бога*. Другими словами, безгрешным человек никогда не бывает.

Совестливость должна непрерывно трудиться — как трудится рука, когда человек исполняет какую-то работу, как трудятся ноги, когда человек передвигается, как трудится сердце, всю жизнь разгоняя кровь по телу. Поэтому давайте представим совесть сейчас как нечто такое, что необходимо напрягать всегда — как напрягается мышца, мускул. Потому что непрерывно нужно преодолевать в себе какую-то неправду. Не так легко сделать себе признание в том, что ты, скажем, не прав. Или неполностью что-то понимаешь. И вот на последнем нам надо особенно остановиться. Я чего-то могу не понимать и, пропустив этот урок, оценив его как понятый, усвоенный, практически делаю себя человеком, которого по праву называют бездарным. Другими словами, я могу стать человеком одаренным только тогда, когда не буду обманывать самого себя, буду говорить себе только правду. И получается, что возможен какой-то разговор, диалог человека с самим собой. Он происходит внутри.

Когда мы были совсем маленькими, часто все произносили вслух. В детском саду, например, разговаривали с игрушками — это и был внутренний голос, который звучал внутри нас. Когда человек становится постарше, вслух он уже не разговаривает. Теперь то, что было обращено к игрушкам, мы говорим самим себе. Даже когда молчим на уроках, в это время в нас появляются и сменяют друг друга мысли, идут «разговоры». Мысль может общаться с мыслью. Как говорят философы, одно наше **Я** может общаться с другим **Я**. В нас есть как бы «внутренние люди». И если они честно относятся друг к другу (а это значит, что мы к себе честно относимся), то мы становимся одаренней, талантливей.

Чтобы понять, что такое одаренность, надо понять, следовательно, что такое честность. Честность — то, что позволяет нам наилучшим образом ощущать какой-то Случай, событие как реальное, или действительно имеющееся в жизни. Если я ощущаю его как имеющееся в жизни, то тогда, естественно, радуюсь тому, что я это осознаю. А раз я осознаю, то я, конечно, уже могу думать.

Думают абсолютно все — кошки, собаки, олени. Некоторые ученые утверждают, что думают даже неживые предметы. Но если последнее спорно, то первое совершенно доказано фактами. А вот человек думает по-особому, иначе, нежели

кошка, или собака, или олень. Он думает, осознавая, что, что думает. Осознавать — это значит именно ярко понимать, представлять, что ты в этот момент думаешь. Такое осознание нам нужно для того, чтобы мы все время могли следить за тем, как мы что-то постигаем, то есть узнаем и понимаем, как чем-то заинтересовываемся. И если мы, когда учимся, стараемся заниматься таким осознанием, а не попытками запомнить что-то или понять, то это гораздо полезней для нашей учебы.

Все время нужно наблюдать, как ты учишься, а не просто учиться. Тогда ты получишь от своего же собственного опыта, от своих же занятий очень много наблюдений, которые тебе помогут сделаться *талантливым*. **Талант** в данной случае — это не то, что дается только гению, а то, что дается каждому человеку, который *умеет сосредоточиться*. Великий философ Шопенгауэр говорил, что все зависит от концентрации внимания, то есть от того, как долго человек может удерживать свое внимание, свою мысль на каком-то предмете. От этой силы будет зависеть твой успех и, следовательно, развитие твоего таланта.

Считать себя бездарным человек не имеет права, потому что *каждый чем-то одарен*. Но найти свой талант можно только при помощи самонаблюдения. Если я придумаю себе какой-то талант, вроде бы у меня имеющийся, этого недостаточно, чтобы он у меня на самом деле был. А вот если я искренне заинтересовываюсь чем-то, многократно пробую исполнить определенную работу и вижу, что она у меня, во-первых, получается легко, а во-вторых, мне это очень интересно, то тогда я могу сделать предположение о реальном существовании во мне одаренности. Она — вовсе не моя заслуга. Я ее еще не заслужил. Это совершенно не тот повод, не та причина, за которую меня надо хвалить. По этой причине не хвалят людей. Хвалят за труд. Труд, который помогает развивать и воплощать, то есть превращать в действительность этот талант, эту возможность делать что-то хорошо.

Чтобы легче было справляться с собой, нужно помнить об одном из главных правил в самообучении — никогда не прерывать самонаблюдения, всегда отдавать себе отчет, что происходит с тобой, когда ты занимаешься тем или иным предметом, когда читаешь тот или иной текст, когда выполняешь то или иное задание.

И опять — движение, движение, движение, или Человек — книга движения мыслей

Движение существует везде. И не только в живом теле. В неживых предметах тоже, потому что в них идут какие-то свои процессы, скажем, окисления, распада и т.д. Человек непрерывно двигается. Если он спит, это не значит, что у него нет движения. Хотя и происходит определенное замирание тела, продолжают работать внутренние органы, которые невидимы для глаз. Кто-то скажет: «А я вот сейчас спокойно сижу, и потому мои ноги не двигаются». Но это не так. В каждой ноге движется кровь, лимфа, возобновляются клетки. Те, кто будут изучать биологию, узнают об этом более подробно.

Когда человек учится, а особенно если учится сам, он должен наметить маршрут своего движения. Но для этого необходимо *предварительное знакомство с изучаемым предметом в целом*. Поэтому очень полезно при помощи взрослых — папы, мамы или учителей — просмотреть весь материал, который нужно пройти, допустим, за год или даже за два года. Посмотреть, что будет изучаться через месяц, через полгода, какие будут темы, названия, новые слова.

Конечно, вам тут же захочется эти слова повторить. Если вы их скажете первый раз правильно, то они у вас уже будут исполняться правильно. А вот если неправильно — сделал не то ударение или произнес неправильно какой-то звук в слове, то ошибка может остаться на всю жизнь. Чаще всего так и происходит. А почему происходит? Да потому, что существует отпечаток первого движения, который очень важен в нашем мозгу, отпечаток — если так можно выразиться — в нашей судьбе. Поэтому надо быть очень осторожным с первым движением, первым произнесением слова.

Довольно часто люди используют поговорку «Не бросай слов на ветер» и, наверное, имеют в виду, что нельзя говорить бессмысленные вещи, потому что это вредно для всех и, в первую очередь, для твоего авторитета. Но мы добавим:

этого нельзя делать и потому, что, бросая слова на ветер, ты нарушаешь контроль, не контролируешь то движение, которое происходит в твоём мозгу.

Когда мы исполняем движение, чтобы научиться делать кувырок на уроке физкультуры, мы не особенно следим за тем, что происходит с нашими руками или ногами. Но, если хорошенько вспомнить, что во время урока делал учитель, станет ясно, что он следил именно за этим вместо нас. Учитель говорил: «Присядь, подожми к груди ноги, сгруппируйся, оттолкнись». А ведь и мы можем научиться давать самому себе такие советы или, может, даже команды — где сгруппироваться, где сделать какое-то другое движение.

Когда человек овладевает наукой о движении, он вспоминает слова удивительного ученого Аристотеля, который жил давным-давно в Древней Греции. Аристотель

сделал очень простое, на первый взгляд, открытие — определил, что *движение состоит из начала, середины и конца*. Открытия, подобные аристотелевскому, нам надо научиться делать в каждом своем движении, чтобы осознавать движения, чтобы их изучать.

Конечно, начинать нужно всегда с начала. Начало каждого изучаемого движения будет именоваться **изготовкой**, середина — **результацией** (от слова «результат» — то есть то, что получается) и завершение — **релаксацией**, или расслаблением. Последняя фаза — релаксация — часто совпадает с началом следующего движения, потому что одно движение обязательно соединяется с другим, если мы продолжаем какое-то большое действие, если все время стараемся исполнять какую-то работу.

В результате очень многих движений, которые мы осознаем, получается интересная сказка о том, как породилось умение, как совершилось чудо. Я не умел когда-то читать, научился. Я не умел водить самолет, а теперь умею, я не умел писать по-арабски, а теперь могу. Почему? Потому что я исполнял нужные движения, чтобы приобрести *навык*.

Все движения можно исполнять правильно и неправильно. Если я исполняю их зажатými мышцами, если исполнение движений не осознаваемо полностью или я не знаю точно точку, к которой надо применить усилие, действия мои будут неправильными. Все это и подсказывает нам, что надо *осознавать* каждое движение не просто само по себе, а еще и учитывая пространство, где человек находится, — то ли в комнате, то ли в лесу, то ли в библиотеке, то ли в книжном тексте. И именно в тексте мы можем делать самые различные движения при помощи двух наших «органов». Первый «орган» — напрасно мы будем искать его название в учебниках — это «луч внимания». Второй — это мысль о том или ином предмете. Поймать мысль легче, когда человек умеет всматриваться в свой внутренний мир. То, о чем ты подумал, нужно стараться всегда осознавать. А осознанная мысль — есть, наверное, самое ценное, что может производить наш мозг. Если же ты не осознаешь эту, то твое мышление похоже на мышление попугая, на мышление животных, которые, как мы уже сказали, не осознают, что они думают.

Повторим, чем бы ты ни занимался — математикой, географией, биологией, русским языком, музыкой, — нужно осознавать движение своих мыслей. Это движение должно приводить нас к каким-то определенным чувствам, к определенным настроениям. И за этим тоже надо обязательно следить. Нужно стараться замечать, в связи с чем у тебя появляется хорошее настроение. Ты, может быть, читал какие-то стихи или рассказы, которые тебя волновали. Это были слова, которые выражали мысль, это были предложения, которые рисовали образы, — и вот за движением этих образов можно, оказывается, следить и в себе, а не только в книге. Поэтому себя надо читать, как книгу «движения мыслей».

О человеке, который увяз в болоте, потому что не прочел главу: »Творческий повтор«

Все знают, что повторение — мать учения. Нельзя учиться, не повторяя. Это знает и первоклассник, это знают и студент, и ученый. Все стараются непрерывно что-то повторять, потому что жить — значит знать. Но если человек не умеет правильно повторять, у него постоянно будет плохое настроение. А нам не хочется иметь плохое настроение. Значит, нам необходимо научиться повторять так, чтобы мы испытывали удовольствие.

Психологи давно уже сделали открытие, что заинтересоваться чем-то или полюбить что-то можно единожды — только один раз. Следующий интерес или следующая любовь к чему-то — это уже любовь к другому предмету, который внешне вроде бы тот же самый. Как же получается, что мы можем так долго любить маму или испытывать длительный интерес к какому-то предмету в школе? Наверное, так происходит потому, что каждый раз воспринимая этот предмет, наших родных или друзей, мы все время замечаем в них иную грань, *видим их как бы по-другому*. Но и они, если это живые люди или просто школьный предмет, тоже **меняются**, открывая перед нами свои новые стороны, новые грани своего существования, и возбуждают интерес в нас. Математика в школе, например, не стоит на месте, она длится, развивается, и, когда мы продолжаем ее изучение, знакомимся как бы с другим предметом, потому что то, о чем мы узнали впоследствии, сделало предшествующее совершенно другим.

Начало какого-нибудь учебника в глазах, допустим, второклассника, который закончил этот учебник, кажется уже другим, чем в первый день занятий. Потому что конец повлиял на начало и, таким образом, изменил его. Надо постоянно думать о том, что все меняется. И ты будешь гораздо лучше учиться, если и сам постарайся не отставать от жизни, а как бы изменять свою точку зрения.

Это прекрасное выражение — *«точка зрения»*. И давайте попробуем поменять ее в самом буквальном смысле слова. Поставьте вазу на стол, посмотрите на нее, подойдя к столу справа. Потом подойдите слева, посмотрите — ведь это другая ваза! Мы, не прикасаясь к ней, как бы изменили ее, потому что посмотрели по-другому — появились иные блики, иные контуры, кажется, иным стал даже ее цвет. С правой стороны не было какой-то царапинки, трещинки, а с левой есть. И если мы сфотографируем вазу с левой стороны, то, естественно, она будет на фотографии и той же самой, и все-таки другой.

Конечно, можно и не сходя с места изменять предмет, рассматривая разные его части (в данном случае мы выбрали вазу). Можно посмотреть на основание вазы, на середину, можно посмотреть на венец, как бы изменяя таким образом свою *точку зрения*. Менять восприятие можно также с помощью уже известного нам

дробления. *Рассматривание* (или, как говорили когда-то по-русски, — «наглядчивость») тоже поможет разнообразить наш повтор.

Чтобы повторять урок грамотно, нам нужно прежде всего каждый раз давать самому себе задание повторить текст совершенно **по-другому**. И например, то с разными ударениями, то громко, то тихо, то выделяя голосом интонационные спады и подъемы. При этом максимум внимания нужно обращать на *«исполнение»* текста, а потом на смысл. Иное исполнение даст возможность увидеть предмет с другой стороны — как ту условную вазу, о которой шла речь выше. **Новый повтор одного и того же текста практически изменит** для твоего организма **и сам текст**. Значит, организм не утомится, значит, ты опять добудешь энергию. А раз добыл энергию, придешь в школу свежим и здоровым.

Маленький совет. Для того чтобы повторять материал правильно, нужно знать, что далеко не все может быть понято сразу. Очень часто и взрослые, даже опытные читатели «застревают» на каком-то месте текста, не понимая его. Это совсем не стыдно и не повод для того, чтобы упрекать себя в «глупости». Потому что текст не может быть понятым, если ты дополнительно не осведомишься, например, о значении слов, не посмотришь в справочник или даже в энциклопедию, которую не запрещают, по-моему, смотреть ни одному школьнику.

А можно помочь себе и другим способом. Попробуй прочитать, просмотреть текст дальше. Вернувшись назад, ты вдруг обнаружишь, что яснее понимаешь содержание. Любое задание (даже математическую задачу), которое мы просматриваем, не надо читать строго от начала до конца, а просмотрев подряд, обязательно перечитать начало после того, как уже просмотрел конец. И так несколько раз. То есть если тебе что-то непонятно в тексте, иди дальше, потом возвращайся, иди вперед и возвращайся снова — и *в предыдущем тебе поможет то, что ты узнаешь в последующем*. А в результате воодушевленность твоя возрастет, ты выиграешь во времени, у тебя появится дополнительная сила. и тебе станет ясно, что нужно делать дальше. А тот человек, который «застревает» и думает, что никогда из этого «болота» уже не выберется. наверное, просто не знает нашего правила и нуждается в том, чтобы ты ему помог.

Нужно очень часто **менять занятия**. Когда мы повторяем что-нибудь, то чаще всего начинаем скучать, не умея менять материал для повтора. Теперь мы это научились делать. Следовательно, скучать становится уже невозможным, потому что есть игра, есть прекрасная игра, когда мы делаем то одно, то другое, то третье с текстом, исполняя его. И когда ты играешь в игру, которая так может быть и названа — «исполнение текста» (а если хотите, то назовите даже «концертным исполнением текста»), ты будешь придумывать огромное количество вариантов при повторении текстов. А текст этот может быть и по математике, и по географии, и по какому-то другому, может, даже пока еще неизвестному тебе предмету.

Исполнять можно любой текст. Если этот текст письменный, его можно исполнять, скажем, с разным нажимом, в разном масштабе, его можно исполнять

даже про себя, изображая движение рук в своем представлении. Его можно исполнять в воздухе, делая широченные движения рукой. Вот таким образом ты и ликвидируешь скуку, убиваешь ее — это чудовище, которое портит жизнь, укорачивает ее и вызывает множество болезней. Если ты научишь этому взрослых, если поделишься с ними своим опытом, твои близкие взрослые тоже будут знать, как бороться со скукой. Потому что далеко не все взрослые знают, как это делать.

Итак, нужно почаще менять занятия. Но если мы будем вообще все время менять занятия, получится, что мы никогда ничем не овладеем. Значит, нам нужно к этому правилу добавить еще одно: *необходимо обязательно отобрать те занятия, которые нам положено исполнять, которыми нам положено заниматься по программе.*

Для того чтобы стать культурным человеком, стать образованным и иметь специальность, нужно иметь определенный круг занятий. Но они должны принадлежать к области *положительной культуры*. Это такая культура, которая выработана человечеством во имя добра, во имя того, чтобы человечество существовало. Потому ты и появился на свет. Потому люди и любят друг друга, продлевая ниточку существования рода человеческого.

Но ты должен знать, что есть и противоположная культура, которую называют негативной, или отрицательной. Она существует потому, что далеко не всегда добро побеждает зло, как это бывает в сказках, ведь жизнь есть жизнь. К отрицательной культуре относится много нехороших явлений. Эти явления называются «наркомания», «токсикомания», «хулиганство», «воровство» и так далее. И в этих явлениях тоже есть свои повторы, вырабатываются свои навыки, которые и приводят к преступлениям. К сожалению, чаще всего этому обучают детей взрослые люди, которые существуют в отрицательной культуре. Они несут зло. И надо это хорошо понимать. Если же ты хочешь служить добру, — а в начале жизни чаще всего именно так бывает, — ты уже знаешь, что обязательно будешь справедливым, обязательно будешь добрым. Ты даешь себе слово никого никогда не обижать. И это — замечательная «настройка» на добро для людей, которые находятся и хотят находиться в положительной культуре. Если же тебе не повезло, и ты думаешь, что можно быть хитрецом или даже иногда что-то стащить, то ты должен задуматься над тем, что получится, если тебе придется долго скрывать это в себе. Ты не сможешь нормально, честно общаться с людьми, будешь напрягать свою нервную систему, психику. Это омрачит всю твою жизнь. Ты никогда не испытаешь счастья. Значит, нужно поступать таким образом, чтобы в твоей жизни повторялись только хорошие поступки, которые ты должен как бы выращивать в себе. Тогда ты сможешь жить совершенно открыто. И повторы хороших поступков приведут тебя к приобретению одного или нескольких прекрасных умений мастерства.

Что такое настройки мозга, незапоминание понарошку и противоречия, из которых все вырастает

Ошибаются те, кто считают, что у человека один мозг. Так как мозг человека состоит из двух полушарий, биологи говорят, что у него два мозга — левый и правый. Так же устроен мозг акулы. Выходит, у нее тоже два мозга? Нет, у нее две половинки мозга — они одинаковы, между ними нет такого функционального различия, как в мозгу человека.

Можно условно сказать, что у человека правый мозг занимается... *стихами*, а левый — *прозой*. Если вы захотите сейчас попытаться ощутить левый и правый мозг как бы отдельно друг от друга, давайте попробуем научиться настройкам их работы. Человек, который умеет считать — складывать числа или вычитать, умножать или делить — может очень быстро настроить левый мозг при помощи любого арифметического упражнения (например, к 2 прибавить 2, от 5 отнять 3, извлечь квадратный корень из 9 и т.д.). Любое из них через полминутки настроит левый мозг соответствующим образом. А если вам захочется спеть песенку, нарисовать картинку или просто полистать альбом с хорошими репродукциями, вы настроите на работу правый мозг, «мозг стихов». Но не только стихов, как вы поняли, это еще и мозг живописи, музыки, чувств. Пожалуй, теперь вы знаете почти все, чтобы применить *настройку* на практике.

Для чего нам могут пригодиться настройки, когда мы учимся? Прежде всего, чтобы добывать *вдохновение*. «Вдохновение — такая гостья, которая не любит посещать ленивых», — говорил великий композитор Петр Ильич Чайковский, советуя как можно больше работать. А чтобы вдохновение приходило побыстрее, можно во время работы применить прием, который называется *манипуляционная настройка мозга*. Мы настраиваем левый мозг, тут же настраиваем правый, потом опять левый, потом опять правый. И так раз, два, три, четыре, если хотите. В тот момент, когда вы увлечетесь этой игрой, пожалуйста, не забывайте наблюдать за своим состоянием, и вы обязательно ощутите в себе очень сильное желание что-либо сделать. Например, подпрыгнуть чуть ли не до потолка или прочитать целую страницу какого-нибудь трудного текста. Значит, у вас появилась энергия интереса — энергия, которая очень нужна в жизни ученика, да и любого человека.

65 Мы уже знаем, как использовать манипуляционную настройку мозга. Но можно использовать настройки и для того, чтобы правильно приступать к занятиям. Одна из настроек в начале занятий бывает выгодней, чем другая. К примеру, если я занимаюсь математикой, то могу настраивать свой мозг двояко: сначала попытаться настроить левый мозг и, убедившись, что дела у меня идут хорошо, попробовать с такой же настройкой учить, например, историю. Если история при левосторонней настройке мозга получается хуже, чем математика, надо попытаться настроить правый мозг. Перед занятиями историей, родной речью, литературой, языком, например, рассказать стихотворение. То есть, другими словами, нужно ставить опыты на себе, пробовать. Иногда бывает — для того, чтобы хорошо сделать что-то,

человек должен преодолеть препятствие. Возможно, и в том случае, когда мы, например, пытаемся заниматься математикой, предварительно настроив свой правый мозг, преодоление такого препятствия будет способствовать нашей успешной работе. Но это каждый должен решить для себя сам.

То, о чем мы только что говорили, уже близко подходит к понятию *парадокса*. Что же такое — парадокс? Это греческое слово, которое оказывается довольно простым и понятным, если уяснить его смысл. Оно обозначает намерение наоборот, то, что ты намереваешься делать понарошку, имея в виду другое. Вот чем характеризуется парадоксальное поведение человека. Человек обладает противоречивостью, и заключается она, в частности, в том, что, если он впрямую прикажет себе что-то сделать, его организм не спешит подчиняться этим приказам. Человек, управляя собой, замечает, что легче всего он «самоуправляется», когда как бы обманывает себя немножко, пытается делать одно и тут же уясняет, что ему неинтересно делать то, что он пытался, а надо как бы стараться делать другое, чтобы это удалось.

Запоминая что-либо или стараясь запомнить, мы много потеряем, если не обратимся к правилу парадокса: нужно притвориться, что нам не надо запоминать, используя «**симуляцию**» **незапоминания**. Это совсем не значит, что надо быть притворщиком. Просто мы должны использовать наши знания природы человека и обращаться с собой, как с младшим братом, например, которому задали выучить «У лукоморья дуб зеленый», а тебе нужно ему помочь.

Каждый человек, владея своим собственным внутренним миром в той степени, в какой это возможно, должен понимать, что поддается этот мир управлению только при помощи организованной таким образом работы. Очень многое можно делать впрямую, но самое главное действие, которое связано с запоминанием, мы организуем как парадоксальное — то есть понарошку «не запоминаем» как раз то, что нам более всего надо запомнить

Человек так же, как и весь мир, состоит из противоречий. И постоянно их преодолевает. И если ты с самого детства понимаешь, что противоречие начинается как одобряемое тобой, твоим организмом, твоим чувством, а продолжается как опровергающее это одобрение (другими словами, в тебе возникает уже что-то похожее на обиду, а раньше это явление вызывало, может быть, любовь, может быть, удовольствие и т.д.), ты чувствуешь, как у тебя при помощи развития противоречий прежнее превратилось в будущее, предшествующее в последующее.

Противоречие — совершенно нормальная вещь, которая появляется не только в отношениях между людьми, а везде абсолютно, где есть развитие. А так как все развивается, то искать противоречия нужно обязательно везде. И восприниматься это противоречие должно нормально (и даже с радостью) умными людьми, к каковым должен относиться и ты, когда вырастешь, или даже сейчас, если ты быстро растешь умственно. Людям, которые понимают, что такое противоречия в них самих, легче даются любые знания.

Кто поощряет человека за творчество:

Человек относится к животным, как к «братьям меньшим». Но у этих меньших братьев очень много такого, что свойственно и старшим братьям — то есть нам. На примерах, которые мы можем почерпнуть из поведения животных, видно, какие у человека бывают особенности в развитии или поведении, которые свойственны только ему.

Когда-то итальянский ученый Данило Майнарди проводил очень интересные эксперименты с крысами. Животные содержались в отличных условиях, были сыты и довольны. Опыт заключался в том, чтобы заставить животных, пребывающих в прекрасном настроении, преодолевать разные препятствия, рискуя жизнью, только с целью узнать, что находится за этими препятствиями, — другими словами, чтобы *удовлетворить свое любопытство*.

То, что у животных мы называем любопытством, у нас, у людей, должно именоваться **любознательностью**. Когда мы хотим что-либо узнать, в нашем организме происходят такие же, или, во всяком случае, похожие процессы, какие

69 происходят и у животных. Профессор Майнарди установил, что подопытные животные испытывали гораздо большее, чем в спокойном состоянии, удовольствие, когда удовлетворяли свое любопытство. Им было гораздо приятнее, порисковав жизнью, получить от природы вознаграждение. Ученый определил какая это награда. Она имела особый химический состав, и профессор назвал формулу, которая может позволить создать такое вещество в лаборатории. Но дело в том, что это вещество само вырабатывается в организме животного и является действительно как бы поощрением за то, что животное проявило любопытство.

Человек, получая свою награду за любознательность в виде вещества, которое называется *эндогенным опиатом*, чувствует прилив вдохновения, силы, энергии. И хотя не все еще исследовано, мы смело можем предположить: в тех случаях, когда ты удовлетворяешь любознательность — становишься сильнее, лучше растешь. У тебя прибавляется радости, ощущения красоты жизни, чувства уверенности в себе, ты становишься взрослее по-настоящему, а не только потому, что у тебя увеличивается объем бицепсов.

Очень важно понять свое будущее как время, посвященное непрерывному и радостному удовлетворению любознательности. Тогда мы будем наиболее полезны и себе, и обществу, и делу, которому собираемся служить. Награда за каждую попытку придумать что-то хорошее, сочинить или изобрести, вероятно, соответствует естеству человека. Иначе природа просто наказывала бы его за действие, которое мы называем *творческим*. А она поощряет его за то, что он сочиняет стихи, пишет музыку, изобретает новый станок или конструирует космический аппарат.

Вознаграждение, как мы уже выяснили, происходит очень оригинальным способом, сам организм начинает вырабатывать вещества, которые в другом случае он и выработать не может. Если человек не занимается увлекательной творческой работой, таких веществ нет, и он будет рано стареть. Причина (вроде бы отдаленная, опосредованная) заключается в том, что человек перестает учиться. А бывает это потому, что получив аттестат об окончании средней школы или диплом какого-нибудь вуза, он считает свое образование законченным. Это, конечно, совершенно неправильная мысль.

Образование должно быть продолженным и после того, как человек заканчивает какой-то класс или школу, или профтехучилище, или институт, или университет, или защищает докторскую диссертацию. Образование может быть образованием только тогда, когда оно *продолжается*, когда оно не окончено. Им нужно заниматься всю жизнь.

Правила автодидактики

Правило первое: ничего не запоминать «в лоб». Конечно, стремиться не запоминать нужно понарошку, помнишь, мы уже говорили о «симуляции незапоминания»? На самом деле где-то втайне нельзя этого не желать, а иначе зачем вообще учиться? Так уж устроен человек, что, стараясь что-то выучить, нужно стремиться вроде бы забыть, выбросить из головы, как будто тебе вовсе и не нужно запомнить.

Правило второе: делать только то, что интересно. Это значит создать сначала актуализацию интереса, что очень легко сделать при помощи дробления материала. Мы уже разбирали способы добывания интереса. Но помните: интерес создается не из какого-то внешнего материала, а в нас самих, когда мы переключаем свое внимание с одной части предмета или текста — на другую. И не забывайте, что никогда нельзя доводить интерес до выгорания. Лучше переключиться на что-нибудь другое в самый интересный момент. Тогда всегда захочется вернуться.

Правило третье: стараться заменять умственную работу физической. Сидеть и думать о том, что у тебя ничего не получается — занятие очень неблагоприятное. Портится настроение, приходит уныние, наступают очень нехорошие минуты, когда ты не веришь в свои силы и чувствуешь, какой ты несчастный. Чтобы этого не происходило, надо не сокрушаться, а действовать. Сначала осмотревшись, сориентировавшись в материале, нужно определить, что ты в нем не можешь уяснить. Какие, например, слова знаешь плохо, то есть не понимаешь смысл. Потом переходишь к другим, тоже физическим действиям — встаешь, идешь к полке, листаешь книгу (физическое действие), кладешь ее на место, потом обратно возвращаешься, на свое место (физическая работа), потом забываешь слово (умственная работа), снова идешь к полке (физическая работа), снимаешь книгу и так дальше... И когда ты таким образом занимаешься, настроение не может испортиться, потому что тебя обязательно подхлестнет мышечная деятельность. Ты как бы станешь «свежеголовым» и получишь массу энергии от физических упражнений, которые, оказывается, можно исполнять не только на уроках физкультуры.

Правило четвертое: прав тот, кто смотрит в словарь до тысячи раз в день. Давай обратим внимание на слово «словарь». Его мы употребляем, когда видим, допустим, англо-русский словарь, толковый словарь украинского языка, словарь латинских выражений и так далее. Но есть еще и такие книги, которые включают в себя, например, лингвистические термины или морские знаки, или какие-нибудь слова, используемые в музыкальной практике. Словарем, косвенным справочником может стать и художественное произведение, потому что в нем можно справиться о каком-то явлении, предмете. Например, из «Морских рассказов» узнаем ряд терминов, связанных с судовождением. Поэтому мы будем иметь в виду не только словари, но и справочники. Давай договоримся с тобой смотреть в словари, справочники, энциклопедии очень часто даже тогда, когда ты знаешь значение

слова. Слово не обязательно должно быть незнакомым, чтобы мы искали его в словаре. Важно научиться видеть, полностью ли мы понимаем его смысл, да и смысл других слов на родном языке. Поэтому нужно как можно чаще заглядывать в толковый словарь родного языка. Толковым он называется потому, что толкует, объясняет простыми словами значения более сложных слов.

Правило пятое: стараться запоминать сразу не надо, но любое восприятие должно быть возможно полным. Обязательно нужно видеть перед собой полностью все, что хочешь усвоить. Для того, чтобы „этому научиться, применяем такой прием: начертим круг, а в нем нарисуем квадрат, крестик, звездочку, волнистую линию и начинаем переводить взгляд с одного объекта на другой. Скажем, внимательно посмотрим сначала на крестик, потом на волнистую линию, переведем взгляд на звездочку и так далее. Мы замечаем, что наше внимание не отрывается от содержания, которое заключено в круге. Это содержание — квадрат, звездочка, крестик, волнистая линия. Так можно руководить своим вниманием. Мы все время переключаем его, чтобы не остыл интерес, но не выходим за пределы круга.

Если ты не будешь управлять своим вниманием, оно начнет руководить тобой. Как? Очень просто: ты будешь зависеть от кошки, которая умывается, от ребят, которые играют за окном в футбол. Ты можешь заинтересоваться вдруг невпопад чем угодно, отвлечься от самого главного в твоём учебном задании, а, может, даже от самого главного в твоей жизни, твоей судьбе.

Правило шестое: не добиваться сразу полного усвоения и совершенного знания. Есть такие самоуверенные люди, которые, начиная изучать предмет, считают, что сразу все поняли. Но нам с тобой они покажутся не очень серьезными людьми. Полностью понять или, во всяком случае, полнее понять, чем в начале, можно на самом деле только тогда, когда мы прошли материал, который называется последующим. Если эксперимента ради постараться сейчас определить, насколько хорошо ты усвоил предшествующую главу нашей книжки, а потом вернуться к ней спустя три-четыре месяца, ты обнаружишь, что три месяца назад слишком упрощенно понимал предмет, не осознавая его в той степени, в какой научился сознать за три прошедших месяца.

Правило седьмое: стремиться к самонаблюдению. Человек наблюдает за собой не всегда, если только специально не ставит такую цель. Иному это кажется и утомительным. Но нет большей пользы, наверное, от другого занятия для человека, чем от самонаблюдения. Конечно, он наблюдает за собой не только при помощи того, что следит за своим настроением. Он обязательно должен следить за тем, как относятся к его поступкам другие люди. Результаты наблюдения за своим внутренним состоянием и за тем, что думают о тебе другие, за оценками твоих действий, дополняют друг друга. И тогда получается результат, который ты должен учитывать в своей практике, в своей жизни.

Правило восьмое (обобщающее): неусвоение предыдущего материала не является причиной того, чтобы не знакомиться с материалом последующим.

Если тебе задали урок, а ты не можешь одолеть и первого абзаца, ты просто обязан посмотреть, что написано дальше, о чем говорится в последующем материале. Если ты его посмотрел, познакомился с тем, что будешь проходить на уроках в будущем, ты сможешь понять предыдущее. Поэтому не нужно сидеть и грустить, что ты не понимаешь, к примеру, построения доказательства теоремы, сразу бежать к старшеклассникам или к соседу, а обязательно попытаться посмотреть вперед, заглянуть в будущее, потому что это практически равносильно обращению к старшему. Ведь он потому и старше, что уже прошел этот материал.

Существует еще один закон, который мы тоже должны пройти. Он очень простой: **надо немедленно применять полученные знания.** Зная сегодня таблицу умножения, я вскоре забуду ее, если завтра, послезавтра или через месяц ни разу не использую. Если я просто выучу ее и никогда не буду употреблять, получится, что она мне не нужна. Это касается и любых других знаний — в пении, в русском или английском языках, в географии и ботанике.

Все, что я сегодня приобрел как новое, захватывающее для меня, должно участвовать в моем общении с другими людьми. Это не значит, что нужно умничать, но и не надо скрывать своих знаний. Я должен использовать их в разговоре, в размышлении, в рассуждениях вслух, я не должен их стесняться. Если я поступаю иначе, эти знания просто зачухнут во мне.

Очень полезно применять знания из одной области в другой. Например, если ты научился считать, можно использовать свое умение, занимаясь музыкой. Играя вальс, считаешь: «Раз, два три...» Разбирая бетховенского «Сурка», знаешь, что играть его надо как бы на две четверти (триолями). Не умея считать, очень трудно учиться музыке. Но, с другой стороны, благодаря тому, что ты музыкален, чувствуешь ритм, мелодию, нюансы, ты лучше можешь воспринимать математику, делать ее не такой сухой (какой она представляется многим людям), а веселой и даже театрализованной. И от этого будут зависеть твое самочувствие в ней и твои успехи.

Хорошо мыслит тот, кто умеет объединять знания, которые у него есть. Это тоже не так просто. Как же правильно заниматься умственной работой? Наверное, прежде всего нужно накопить необходимые данные — это могут быть условия задачи, какие-то осмысленные нами обстоятельства, цифровая или другая информация. Их нужно собирать, как бы выполняя физические действия — так собирают марки, книги, картины. Чтобы научиться искать данные, нужно наблюдать, всматриваться в окружающую среду, в то, что в мире взаимосвязано, и одновременно наблюдать за тем, как ты на все реагируешь. И когда привыкнешь накапливать достаточное количество данных, разбираться в них, то, безусловно, сможешь сделать правильные выводы.

Стратегия и тактика для тех, кто хочет правильно вытащить репку

Есть еще одно правило, которое не входит в состав основных, а касается двух игровых моментов в нашем планировании. Когда мы хотим, допустим, научиться играть в шахматы или овладеть рубанком, мы понимаем, что такие умения нельзя получить быстро. Только вместе с опытом приходит та настоящая, правильная оценка времени, которое нужно затратить, что-бы приобрести определенное мастерство. Давайте вспомним здесь *о стратегии и тактике*. Ведь у нас с вами есть стратегические планы на отдаленное будущее. И тактические, которые можно осуществить довольно быстро, в ближайшее время. Наше правило звучит так: *любые стратегические задачи нужно завышать, а все тактические — занижать*.

Если сегодня, именно в этот момент нашего существования, мы планируем больше, чем способны сделать, поступаем плохо. Надо наоборот — ближайшие планы строить поскромнее, стараться не превышать свои возможности, иначе легко переутомиться. Если ты чувствуешь, что можешь решить задачу посложнее, не спеши — лучше сначала перерешай десяток задач попроще. Когда ты научишься их решать, у тебя начнут получаться все более и более сложные задачи. По этим накопившимся решениям ты, как по ступенькам, свободно, не перенапрягаясь, взойдешь к вершинам мастерства.

Нужно постараться, чтобы все наши занятия были хорошо организованы. Здесь мы используем следующий метод: прежде всего стараемся сделать так, чтобы они никогда не прерывались и были как ручей, который никогда не пересыхает. Это и есть практическая организация занятий. Даже если наши теоретические занятия будут отличными, но применение их не состоится, ручей перестанет существовать, а, значит, никогда и не разовьется в реку, и станет меньше какое-то море, которому положено быть огромным.

Чтобы дление наших занятий было непрерывным, используем один старый способ: прерываемся на интересном месте, оставляя работу в незаконченном *виде*, чтобы потом, вернувшись к ней, можно было ее продолжить. Мы как бы оставляем «хвостик» предыдущих занятий, чтобы взявшись за него позже, дальше тянуть свою «репку». Таким образом, наше предыдущее действие связывается с последующим. Значит, если мы хотим продлить работу, не надо завершать ее, чтобы через полчаса, через час, через день обязательно продолжить. Такая преднамеренность неокончания тоже должна стать своеобразным руководящим правилом.

Чем чаще обращаться к тому, чем мы занимаемся, делая перерывы, очень частые перерывы, тем лучше. Чтобы эти перерывы заполнялись, выберем дополнительные дела, а потом у тебя будет обязательно несколько разных дел, которые должны все время сменять друг друга. Это можно сравнить с перемещением солдат в строю: один становится на место другого, следующий на его место и так далее.

Перемещения эти должны быть свободными, произвольными, порядок их можно нарушать. Они тоже помогут нам жить нескучно и управлять своей учебой.

Мантровый способ засыпания, или Колыбельная на букву «С»

Чтобы сделать какое-нибудь изобретение, нужно работать день и ночь, но при этом надо еще и спать. Многие изобретатели, как известно, придумали очень важные для человечества вещи именно во сне: великий химик Д.И.Менделеев увидел свою таблицу элементов во сне. Писателям могут сниться их будущие произведения — повести, рассказы. Если ты правильно себя настраиваешь перед сном, ты делаешь примерно тоже самое, что и какой-нибудь выдающийся изобретатель: отдыхаешь, но и совершенно невольно руководишь своими мыслями — они самостоятельно в это время работают в том направлении, в котором должны трудиться во время сна. Во время сна человек тоже работает, причем работает обязательно, в любом случае. Почему же тогда не «зарядить» свой сон нужными мыслями — нужными не только, наверное, на твой взгляд, а нужными и в каком-то широком смысле слова? И здесь опять на помощь придет автодидактика. Она и предлагает такой способ засыпания, который поможет осуществить нашу цель.

Этот способ называется **мантровым способом**. «Мантра» — слово санскритское, древнеиндийское, мы можем перевести его как «наука о звуке», «акустика». Исполняется он так: выбираешь какой-нибудь звук, например «с», и начинаешь его произносить. В это время ты, если, конечно, задумаешь такое действие, будешь вспоминать какие-то слова, начинающиеся на эту букву. Скажем, «сено». Сено можно представить, вероятно, в виде копны или стога. Представляешь стог, видишь, как на него садится птичка, чувствуешь запах скошенной травы. Ты словно наблюдаешь за ним, но и не теряешь контакт с самим собой, потому что в тебе по-прежнему должен произноситься звук «с».

Секунд через пять (примерно) нужно сменить образ. Придумываешь другое слово на «с» и представляешь, что оно обозначает. Например, «сельдь». Ты видишь сельдь. Она может быть даже в банке, а может быть косяком, как в книге о рыболовном промысле или просто в энциклопедии, где обязательно увидишь изображение трала с сельдью или косяка сельди. Только не забывай о том, что через пять секунд нужно придумать другое слово, которое ты должен превратить в образ, живую картинку, сочинить маленький, очень короткий «видеоклип», который будет тебе интересен. Незаметно для себя естественным образом ты уснешь, если перед этим устал.

Для чего это придумано? Ведь мы и так можем уснуть. А дело в том, что существует еще одно условие, которое позволит нам считать предложенный способ правильно примененным. Это условие следующее: необходимо обязательно заниматься чем-то интересным перед тем, как ты применишь мантровый способ засыпания. Тогда, прервавшись на интересном месте, ты как бы поселяешь свой интерес в себе до утра. Он сохранится, и, проснувшись, ты сможешь «потянуть» за тот «хвостик», о котором мы уже говорили, не начиная все сначала и не печалься о том, что опять нужно добывать интерес. Он у тебя уже готов!

Воспоминание об интересном, как ты знаешь, всегда нас утешает и радует. Проснувшись, вдруг вспоминаешь, что тебе купили велосипед, и весь светишься от счастья. Сначала, в первую секунду, только чувствуешь всем телом необъяснимую радость. С чего бы это? Ах, да-а-а... Точно так же нужно научиться просыпаться и чувствовать, что было что-то очень приятное перед тем, как ты уснул. Применять мантрый способ засыпания надо тогда, когда ты физически устал, но тебе еще хочется поработать умственно. А в итоге ты очень быстро уснешь и будешь спокоен. Утром же, проснувшись, обрадуешься подарку, который сделал сам себе.

СКОЛЬКО ЯЗЫКОВ МЫ УЧИМ

У нас было принято изучать в школах один иностранный язык. Кое-где сегодня решаются учить два языка. А мы спросим: почему два, а не три? Неужели будешь хуже знать один из этих языков, если начнешь изучать сразу три? Может быть, кое-кто думает, что не надо хвататься за все, и поэтому учит только один язык? Но многие люди на своем опыте уже давным-давно доказали, что, когда учишь три языка, лучше знаешь каждый в отдельности. Так поступали наши прапрадеды, которые считались образованными людьми, так поступают и современные интеллигентные люди.

К сожалению, в предыдущие десятилетия школьные программы стали беднее, чем были когда-то. Из расписания исчезли многие нужные человеку предметы, в том числе и иностранные языки в том объеме, в каком это необходимо для качественного образования. Даже если в нынешних гимназиях и лицеях их будут изучать действительно серьезно, неизвестно, будет ли это твоим родителям по карману. Не беда, можно и нужно заниматься языками самостоятельно. Только важно знать, как это правильно делать.

Что такое иностранные языки? В первую очередь — это *инструменты общения*. Что такое иностранные языки, во-вторых? Это целые миры — Вселенная, космическое пространство, и каждый раз другое. Ты можешь стать своеобразным космонавтом, путешественником в этих мирах, которые связаны друг с другом. И не надо искать гувернера, не надо предъявлять претензий к школьной программе, нужно всего лишь навсего попросить маму и папу о том, чтобы они помогли достать тебе учебники и словари. Какие словари, какие учебники — это особый вопрос, об этом мы будем говорить позже. Можно заниматься несколькими языками сразу, если ты будешь использовать в полном объеме приемы, которые мы разработали.

Если ты уже занимаешься иностранным языком или пока только родным языком, можешь использовать для начала одно важное правило: все, что ты ни делаешь, нужно сначала произносить *вслух*, заботясь о том, чтобы каждый раз при повторе по-другому воспроизводить текст.

Когда нам нужно повторять текст, исполнять его во второй раз надо обязательно по-иному: то сделав не там ударение, то изменив темп, то проинтонировав как-то, пропев часть текста немножечко, другую часть проговорив, то поступив наоборот. Ты словно музыкант, певец или цирковой артист все время изобретаешь новый способ исполнения. И исполняя текст, ты, естественно, все больше и больше проясняешь, что он в себе скрывает, какой смысл в нем есть. Исполнил — подумал о смысле, исполнил по-другому — снова подумал о смысле. А если думать только о смысле, очень быстро устаешь, о чем ты и сам прекрасно знаешь.

Можно добавить здесь еще одно правило. Оно называется *правилом постановки движения*. Если ты хочешь добиться плавного исполнения каких-то движений,

задерживай предыдущее движение до тех пор, пока не обдумал последующее. Например, произнеси без пауз, удлинняя последний звук предыдущего слова, фразу: «кнаммгосстьпришёл» Если последний звук не удлиняется, можно протяжно произнести предпоследний — как «с» в слове «гость». Помни всегда об одном условии: нужно освободить мышцы.

Чтобы они стали свободными, надо подумать о каждой из них в отдельности, провести лучом внимания по своим рукам, ногам, по всему телу. Лучше делать это снизу вверх, и ты ощутишь, как твоему телу захочется взлететь, настолько оно легкое и свободное. Постановка движения помогает овладеть многими навыками, например, научиться печатать на машинке, играть на фортепиано или заниматься макраме. Постановка движения применяется тогда, когда мы просто говорим или слушаем. Существуют законы, связанные с постановкой движения, которые дают нам возможность на высоком уровне владеть собственными мышцами и самим движением, то есть создать навык. Но об этом позже.

Очень полезно бывает спросить себя: смело ли мы дерзаем, мечтаем? Такие вопросы, наверное, нужно ставить специально, потому что чаще всего мы мечтаем автоматически, как будто полуспим. Это занятие у некоторых людей приобретает невероятные масштабы, из-за чего они даже подвергаются насмешкам, часто и справедливым, потому что их мечтательность совсем оторвана от действия. Очень легко представлять себя героем или мастером, ничего для этого пока не сделав. О таком мечтательстве мы говорим презрительно, потому что человек ничего не делает, не работает над тем, чтобы осуществить мечту. Но можно мечтать несколько иначе, имея перед собой *духовный образец*, который может послужить нам как пример к действию и «заочно» помочь осуществить мечту. Если ты воображаешь себя мастером или героем, ты просто мечтательствуешь. Если же начинаешь подражать кому-то, понимая, что пример, который тебя увлекает — это прежде всего сумма конкретных действий, конкретных поступков и навыков, твоя мечта будет тебе же помогать. Потому что ты и сам начнешь работать над тем, чтобы такие конкретные качества приобрести.

Для чего нужен самоанализ, или Как я сам с собой могу поссориться

Как мы представляем свою личность? Наверное, как **Я. Я** — это личность. Такое простое представление о личности нас пока что устроит. Другое дело, что нужно понимать свое **Я** особым образом и стараться делать это сразу. Когда человек начинает ощущать свое **Я** по-настоящему? Прежде всего, когда видит, как воспринимают его другие люди, как улыбаются ему, здороваются с ним, как обижаются на него или приветствуют его действия, поступки. Кроме того, человек оценивает себя еще и как бы изнутри — свое самочувствие, когда видит ту или иную реакцию на свои действия у других людей. Таких оценок у человека бывает много, если он занимается **самоанализом**.

Нужен ли самоанализ? Конечно, нужен. И особенно тем людям, которые хотят быть *личностями*. Почему быть личностью — хорошо? Да потому, что только становясь личностью, человек постигает свою сущность. Он живет уже не просто потому, что родился, то есть как бы «автоматически», по инерции, а умеет глубоко мыслить, изучая окружающий мир.

Чтобы стать личностью, нужно прежде всего научиться думать. Существует много школ мышления. Некоторые из них — народные. Чтобы получить образование, необязательно заканчивать университет. Можно иметь образование, усваивая уроки народной мудрости, которая содержится в различных традициях, обрядах, песнях, думах, усваивая духовные образцы, которые живут в сознании простых людей. Но ведь можно обратиться и к книгам. Это, конечно, нелегко, трудностей нас поджидает много. Зато это надежный путь, и если мы будем настойчивы, нас ждет успех.

О чем важно при этом помнить, о чем задуматься: все книги, которые мы читаем, — это книги о нас с вами, о тебе, даже если ты открыл географию, химию или букварь. Все книги — о тебе. Всякое знание — знание о тебе самом. Ты будешь все время удивляться, что сам это предчувствовал. И когда ты познакомишься с образами разных людей в художественной литературе, обнаружишь, что пополняешь сведения о самом себе, что, оказывается, ты очень многообразен.

Человек, который занимается самоанализом, становится более управляемым. А чем лучше он управляет внутренними делами, тем лучше успевает в учебе и в жизни. Осуждать самоанализ — думание про себя и о себе — нельзя ни в коем случае. Нужно постоянно стараться наблюдать затем, удобно ли тебе физически, приятно ли по ощущениям или неудобно, и стремиться ликвидировать то или иное неудобство. Здесь могут помочь уже пройденные нами правила автодидактики.

Любопытно, что учиться думать проще всего начинать именно с самоанализа и применения правил автодидактики. Интерес, который мы уже умеем изобретать, строить, организовывать, сочинять, является движущей силой в нашем развитии и

вместе с тем основой нашего мышления: человек не способен мыслить, если не испытывает интереса. И потому в первую очередь нужно заниматься созданием интереса, а потом уже требовать от себя мышления (в скобках напомним, что мы не забываем сначала накопить данные, а потом делать выводы).

Что еще нужно уметь делать, чтобы научиться самоанализу? Нужно научиться *созерцать*. Слово «теория», которое мы часто слышим с детства (по-гречески «феория»), означает «созерцать» (по-латыни «contemplatio»). Теория есть созерцание. Что значит *созерцать*? Всматриваться, вглядываться, видеть что-нибудь благодаря тому, что ты на это посмотрел, обратил внимание. Теория, следовательно, начинается с физического действия, потому что смотреть — физическое действие.

Научиться *созерцанию внутренних движений* в себе (таких, как настроение, ощущение, представление) — очень важное дело. Надо научиться наблюдать, когда у тебя появляются *положительные эмоции*, то есть когда у тебя спокойная совесть, когда тебе радостно, весело, когда у тебя торжественное настроение, и даже стараться делать маленькие, очень короткие, но существенные записи об этом в своем дневничке. Писать об этом нужно так, словно пишешь о постороннем человеке, и не стесняться, что это кто-то прочтет. А чтобы вообще никогда не было стыдно за какие-то действия, нужно не делать того, чего можно стыдиться. Тогда будешь жить спокойно и открыто, и тогда анализу твоего внутреннего мира смогут помогать и посторонние люди.

А сейчас мы обратимся к одному слову, которое нам известно, но мы должны его разобрать, потому что применяем его в автодидактике особым образом. Это слово — «*рассудок*». Рассудок понимается как то, что является как бы умом без чувства. Чтобы не было путаницы, сразу скажем, что *мысль должна быть обязательно связана с чувством*. А плод работы рассудка — это суждение, которое бесчувственно. Мы должны научиться, прежде всего, мыслить, то есть пользоваться такими суждениями, которые, соединившись с чувством, превращаются в мысли.

Вот тут-то, размышляя про себя и о себе, мы часто сталкиваемся с тем, что, когда нам интересно, обязательно думаем немножко о себе. Но то, что представляем собой мы, представляют, безусловно, и другие люди. *Мы* — это *Ты* плюс *Я* или *Я* плюс *Ты*. И мы всегда радуемся, если видим в другом сразу, с первого взгляда понимание нас. Это означает, что мы любим другого, потому что *Понимание, Правда, Истина* — конечно, очень ценные вещи. (Мы знаем об этом с самого первого дня жизни: сначала, как говорят, на чувственном уровне, а потом и все больше осознавая.)

Научиться чувствовать *Мы* — значит научиться культуре. Поэтому, если ты занимаешься самоанализом, в тебе с годами становится все меньше маленького *Я*, которое тщеславно себя выпячивает, и все больше будет *Мы*, которое обладает множественностью, большим количеством таких *Я*, которые составляют *Мы* культуры.

Чтобы понять, что отделять Я от Мы плохо, надо вспомнить, наверное, известное тебе слово «эгоизм». Эгоизм — вещь, достойная осуждения, потому что *отчуждает* человека от огромного *самочувствия* всего народа. «Отчуждение» — слово сложное, но его можно сделать простым при помощи небольшой операции. «Чуждый» переводится на современный язык как «чужой», следовательно, отчуждение — превращение в чужого.

Можно ли стать чужим самому себе? Вопрос достаточно сложный для того, кто еще не занимался самоанализом. Вспомним о скуке. Что такое скука? Помнишь, когда тебе становилось вдруг невероятно тоскливо, а душа рвалась так и улететь отсюда? Это и есть отчуждение — уход от самого себя, когда тебе скучно с самим собой, потому что твоя душа действительно здесь уже не присутствует.

Что же нас отчуждает от самого себя в первую очередь? Прежде всего, разные *механические движения*, которые мы выполняем без интереса, не анализируя своих ощущений, не понимая, как создается навык, и, конечно же, не понимая, что всякое движение должно быть обязательно исполнено с интересом, который мы переживаем в момент действия. Этот интерес, как мы уже знаем, называется *актуализированным*! Исполнение механических движений еще называют *рутинными операциями*, то есть такими, которые слишком хорошо известны, чтобы быть интересными.

По нашим правилам, мы сначала всегда создаем интерес к делу, а потом им занимаемся. А интерес можно организовать всегда, потому что человек способен мыслить, используя материал жизни, где бы ни находился. И тогда он неуязвим в том смысле, что никогда не расстается с собой и становится как бы заколдованным рыцарем, героем сказки, которого ничто не берет. Другими словами, у него прибавляется сил.

Еще можно очень просто потерять ощущение своей души и своего *Я*, когда мы *подчиняемся «приказам» какой-то группы людей*. Например, ты находишься среди своих друзей, которые хотят идти в кино, а тебе хочется в это время заниматься английским языком. Что происходит? Если ты подчиняешься, ты остаешься в группе и идешь в кино, забыв о том, что у тебя был внутренний приказ заниматься другим делом. Ты погасил внутреннее очень большое желание, чтобы остаться в компании. Каждый раз надо решать, что важнее, делать выбор.

Какой же принцип должен здесь восторжествовать? Решать такие задачи можно только конкретно. Каждый раз нужно смотреть на то, что нарушаешь. Если ты, например, дал обещание, дал слово, его, естественно, нужно держать — ты обязан пойти. Если же у тебя есть возможность исполнить твое внутреннее желание, ты, конечно, должен прислушаться к тому, что тебе это желание продиктовало. Поэтому каждый раз нужно оценивать именно те обстоятельства, в которых находишься. Уйти от себя очень просто. Вернуться к себе можно, но это всегда трудно.

У человека очень много препятствий на пути его развития. Но и само *неполное развитие* для какого-то периода существования человека может быть громадной трудностью, если он это развитие считает полным. Тогда и возникает зазнайство — человек вдруг необоснованно чувствует себя мастером, хотя таким не является. Неполное развитие, которое задерживается — страшный грех. И особенно печально, когда человек уже на первой стадии совершенствования навыка и становления мастерства считает, что уже представляет собой нечто выдающееся. Поэтому зазнайство, наверное, самая страшная вещь для навыка. Увидев себя мастером в будущем, заново рассмотрев свои возможности, ты сможешь предвосхитить свое будущее и правильно оценить то, что уже умеешь.

Должен быть один девиз у всех, кто хочет стать мастером: расти, расти каждый день, не забывая о том, что если ты один день не растешь, то, значит, обязательно увядаешь. Для того, чтобы расти, нужно заниматься **творчеством**. Это слово — такое высокое, такое недостижимое — должно войти в быт: ты можешь творить и тогда, когда занимаешься анализом, когда учишься, когда думаешь о своем будущем и пересотворяешь свои мечты. Надо изучать духовные образцы, как мы говорили, и пытаться все время придумывать, в соответствии со своими актуализированными интересами, собственные «художественные произведения». Это могут быть и математические задачи, и модели, и приемы, но особенно, конечно, приемы. Если ты будешь придумывать сколько угодно разных способов, разных вариантов решений тех или иных задач — у тебя в жизни окажется много творчества.

Очень плохо, когда человек отчуждается от себя за счет *превышенного внимания к моде*. Конечно, человек должен придерживаться современной моды. Но если он придает этому слишком большое значение, то есть когда больше ничего и не видит вокруг, кроме как моду и себя модным, то он отчуждается от своей личности, личность останавливается в развитии, становится как бы чересчур внешней. А чтобы она развивалась, надо все время всматриваться в себя. Личность постоянно должна быть как бы под наблюдением самой себя.

А теперь мы произнесем слово, которое, несмотря на то, что часто употребляется, тоже бывает не совсем ясно для каждого. Это слово — «*мещанин*». Оно означало раньше «житель города». А в современном языке? Наверное, ты слышал, как люди произносят его с укоризной, и понял, что они бы не хотели быть мещанами. Определить же точно, кем они не хотят быть, непросто. Чтобы это сделать, давай немножко поразмышляем. Хорошо или плохо удовлетворяться тем, что ты сделал доброе дело? Может ли быть у хорошего, доброго человека целью существования *покой*? Можно ли отгородиться от всего мира ради того, чтобы тебе было хорошо? Множество вопросов, на которые, то легче, то труднее ответить, связано с определением мещанства. И, конечно, если они полегче (как, например, последний вопрос), мы на них без труда отвечаем. А если, например, возник вопрос о покое: ведь покой нужен всем?

Так вот, мы должны решить сейчас, какой покой, какой отдых должен быть у человека, который не мог бы охарактеризовать себя как мещанина. Это покой от того, что ты все время стараешься достичь каких-то благородных целей, связанных с идеалами человеческими. Такой покой, который ты приобретаешь потому, что твоя душа беспокоится о ком-то, покой, чей объем совпадает с объемом неба — высокого, голубого, весеннего неба, под которым весна творит новую жизнь, это покой радости возрождения. Другими словами, мы все время встречаемся с духовностью, когда говорим о покое *немещанина*. А мещанин ищет того, чего на свете, в общем-то, и не бывает. Из-за этого-то он и страдает, потому что покой, который бездуховен, является просто иллюзией. Отгородиться от мира невозможно, а мещанин пытается это сделать. У него возникает масса неполадок из-за противоестественности его же поведения — неполадок в жизни, неполадок в нем самом, включая также и психические расстройства.

Но знать, кто такой мещанин, еще не означает, что он начисто исчез в нас. Мещанин в каком-то смысле вездесущ. Он появляется в нас, как бы проглядывает в душе нашей, и не так уж редко. Определить мещанина *в себе* — самая главная задача. Не нужно искать его в другом, ведь многие люди не понимают, что мещанство—это вещь, которая в нас. Потому мы так и подчеркиваем сейчас, каким образом его определить, чтобы можно было бороться с ним в себе. Все осуждают мещанство, и никто не признается в мещанстве, которое в нем, может быть, есть. А нам нужно в нем признаться себе, и для этого важно обязательно знать, что это такое. Чтобы бороться с ним успешнее, надо помнить еще одни красиво сформулированное правило. Оно представляет собой строку из стихотворения известного поэта Николая Заболоцкого: *«Не позволяй душе лениться»*. Добавим здесь, что душа должна быть спокойной тогда, когда испытывает радость труда, настоящего духовного труда.

Самоопрос и другие приемы самоанализа

А теперь рассмотрим *приемы самоанализа*. Их, конечно, не назовешь простыми. Но, если мы будем внимательны к себе, этого уже будет достаточно, чтобы начать серьезно овладевать ими. Прежде всего нам необходимо *научиться самоопросу*, то есть обращению к внутреннему человеку, к своему внутреннему *Я*. Тот, кто «сидит» в нас и «внушает» какие-то мысли, — интересное явление природы человека. Если прислушаться, можно всегда услышать внутренний голос. Наш ли это голос или, может, он принадлежит кому-то — тайна. Не будем заниматься сейчас этим вопросом, потому что к нему обращаются на протяжении многих тысяч лет различные люди и никак не могут определить, кто же все-таки в нас говорит.

Интересно прислушаться к себе. Как это сделать? Сосредоточившись, расслабившись, нужно спокойно спрашивать себя о чем-либо, что тебя беспокоит. Ты обязательно в это время можешь услышать себя самого, ощущая внутри определенные ответы на языке чувств, ответы, сформулированные не в словах, а, может быть, в самочувствии твоём, в настроении, в ощущении тебя самим собой.

Когда ты обращаешься к внутреннему *Я*, можешь быть уверенным, что получишь только правдивый ответ. Не бывает в таком разговоре неправды. И ты испытываешь удовольствие от беседы с самим собой, если имеешь чистую совесть. Человек, который загрязнил совесть, боится самоопроса, боится обращаться к внутреннему человеку. Самоанализ потому и можно считать способом очиститься от какой-то нравственной *нечистоты*, потому что ты, выясняя нехорошость какого-то поступка, делаешь для себя большое дело — уничтожаешь пристрастие этого поступка, возможность совершить его еще раз.

Наблюдая за собой и пользуясь приемом самоопроса, или обращения к внутреннему человеку, ты заметишь множество противоречий в самом себе. Беспокоиться по этому поводу ни в коем случае нельзя. С противоречиями нужно работать, а не бороться. Противоречия — это начало нового, исток твоих будущих произведений, в каком бы материале они не осуществлялись. Все, что ты будешь делать, можно считать произведением не только твоим, а и твоих противоречий.

Применяя самоопрос, нельзя забывать, что ты находишься в определенной *«среде обитания»*. Ты обязан отдавать себе отчет в том, что спрашиваешь себя, но вместе с тем как живой «обитатель общества» обязательно соотносишься с другими людьми, с внешним предметным миром.

Очень полезно заинтересоваться и той частью нашего ума, нашей личности, которую мы не осознаем. Она называется *иррациональной*. Занимаясь самоопросом, мы можем собирать данные и в этой области. Чтобы ты лучше понял, как это делается, нужно «настроить» правый мозг (при помощи песенки или рассматривания картинки) и понаблюдать, какие ниточки связываются у тебя между тем, что было раньше, только что и тем, что появляется сейчас. Происходит

интересное явление, довольно частое в таких случаях: вдруг, как во сне, одно связывается с другим, третьим, пятым. И наблюдать за этим надо с большой серьезностью, потому что такое связывание и есть твое настоящее, естественное *логическое мышление*, которое ты должен будешь **означить** (то есть выразить при помощи знаков), воплотить уже в словах, чтобы получилось твое будущее *произведение*.

Еще нам нужно познакомиться с интересным явлением, которое мы знаем уже, наверное, давно. Каждому приходится испытывать беспричинные тревоги: на секунду она вдруг почему-то овладевает тобой, а ты не понимаешь, почему. Потом вдруг вспоминаешь, что забыл отдать ключ маме или выучить стихотворение, но сначала, какое-то мгновение, ты не знал причину этой тревоги. Если ты уже вспомнил примеры из своей жизни, можешь определить, что твой организм, тело твое думают немножечко раньше, **чем ты** осознаешь.

Чтобы научиться пользоваться своим организмом, мозгом, чувствами, нужно стараться их изучать. Изучить их до конца, конечно же, невозможно — это целый огромный мир, границы которого все время расширяются: ты идешь к горизонту, а он от тебя отходит, ты приближаешься к открытию вроде бы последней истины — а за ней показывается следующая. Только на каком-то очень коротком этапе можно удовлетвориться своими исследованиями, в том числе и исследованиями самого себя.

Если ты с детского возраста привыкнешь изучать человеческую сущность, сможешь многого добиться в жизни. Чтобы лучше узнать себя, нужно обязательно уметь оценивать тех людей, которые имеют свое мнение о тебе, и ты об этом мнении знаешь. Твои друзья, приятели, знакомые находятся с тобой в определенных отношениях. Но ты же не всех их любишь, не всех одинаково ценишь. Почему это происходит? Задумайся над этим. Попробуй все-таки своими словами назвать причину той или иной нелюбви, того или другого чувства привязанности: ведь не одна же привычка играет здесь роль. Наверное, ты в своей маме видишь много чудесного, хорошего, если любишь ее. Назови это хорошее, попробуй выразить словами то, что чувствуешь.

Когда мы занимаемся самоанализом, может появиться одна опасность, которая называется «самоедство». Чтобы не заниматься «самоедством» — не осуждать себя все время или, наоборот, не копать в себе, как в шкатулке с драгоценностями, нужно постоянно чувствовать связь с внешним миром, осознавать, что ты — всего лишь часть Космоса, пусть маленькая, но все-таки часть прекрасного человеческого Космоса, часть человеческой Вселенной. Если ты будешь так думать, постепенно почувствуешь, что как бы опираешься на культуру, созданную человечеством. Если будешь почаще обращать внимание на свое место в мире, станешь чаще сравнивать себя с другими людьми, то, вырастая, сможешь лучше соотноситься с ними.

Чтобы тебе было легче в поисках собственного *Я*, мы придумали правило, которое звучит так: *истинное твое Я наполовину находится вне тебя, в отношениях между людьми, поэтому ищи его не только в себе, но и снаружи.*

Есть такой прием самоанализа, очень трудный прием, но, тем не менее, доступный даже «ребенку. Если ты помнишь, как можно настроить левый мозг, сможешь научиться и такому действию, которое называется *взгляд со стороны*». Чтобы уметь взглянуть на себя со стороны, нужно представить, что одна твоя часть, которую ты сейчас настроил, следит за той частью, где порождаются наши внутренние переживания и настроения

Есть еще один (правда, немножко невеселый) прием, который, однако, нам надо усвоить обязательно. Он называется — *позиция последнего дня*. Человек не вечен. Наверное, именно поэтому надо дорожить каждым днем и стараться прожить его по-человечески, что означает *в культуре и духовности*. Если у тебя возникла проблема, заниматься каким-нибудь делом или нет, идти куда-либо или не идти, ты можешь представить себе, что все это случилось с тобой в самый последний день твоего земного существования, и таким образом определить, насколько ты серьезно относишься к тому или иному делу. Если его нельзя отложить даже в последний день жизни, надо делать его и сегодня. Теперь мы знаем, где находится точка отсчета *духовных ценностей*, и будем, конечно же, пользоваться ею, не правда ли?

Теперь нам нужно поговорить (раз уж мы затеяли такую длинную беседу о самоанализе) о том, что такое честолюбие в борьбе с нашей чрезмерной *чувствительностью*. Есть две чувствительности (или сентиментальности). Первая — чувствительность «в сторону слез», вторая — «в сторону смеха». Бывают очень смешливые девочки и мальчики, бывают очень слезливые мальчики и девочки. А их друзья видят, что серьезной причины для слез или смеха нет. Да и сам человек это поймет, если немного глубже оценит причину смеха или слез. И тут нужно обратиться к своему честолюбию. Оно расставит все по своим местам, потому что вести себя необходимо достойно, защищая глубину человеческую, чувствуя, что и веселишься ты и плачешь обоснованно, не роняя своей чести, своего достоинства.

Вспомним еще о двух вещах. Первая: анализируя себя, мы можем заметить движение настроений, чувств внутри нас. На русском языке люди давным-давно уже говорят о *движении души*. Второе. У человека есть *призвание*. Его не всегда легко определить в начале пути. Откуда-то как бы должны *позвать*, как гласит сам корень слова «призвание». И, чтобы определить, откуда же раздается этот призыв заниматься тем или иным делом, чему посвятить жизнь, нужно пользоваться приемом *«повеление секунды»* (на латинском языке *«императив-секунда»*). Это значит, что секунда, которую ты переживаешь, как бы приказывает тебе повернуть в ту или другую сторону.

Растолковать это правило легче на примере. Бывает, что человеку хочется узнать значение какого-то слова, и наступает секунда, когда ему просто необходимо посмотреть в словарь. Это и есть секунда-императив — секунда, которая

приказывает, велит тебе что-то сделать. Большой грех не исполнить такое повеление, потому что это не просто мимолетное желание, это зов природы: внутренний интерес, твоя сущность зовут тебя к исполнению твоего долга человеческого. А долг человека — осуществить свое дарование, которое обязательно есть у всех: талантлив каждый. Определи свой талант при помощи актуализированных интересов, при помощи императива-секунды и найди свое признание.

Ассоциирование

Есть много слов, которые нам надо обязательно знать в жизни. Такое слово, как **ассоциирование**, принадлежит к ним. Что же оно означает? Как ты понимаешь, это слово пришло в русский язык из другого языка. Если перевести его значение, смысл окажется примерно таким: *объединение, связывание, соединение*. Понятное дело, теперь ты можешь пользоваться им свободней. Когда папа или мама говорят: «Я вспомнил это по ассоциации», ты уже понимаешь, о чем идет речь. К примеру, твоя бабушка часто печет пироги, и ты, когда вспоминаешь ее, словно оживляешь в себе их вкус и запах. Или каникулы? С этим словом связываются и раскаленный песок пляжа летом, и новогодняя елка зимой.

Ты сам, не подозревая об этом, очень часто пользуешься ассоциативностью, то есть таким методом мышления, когда одно понятие или явление невольно связывается с другим. Как мы формируем свою мысль? Сначала это, конечно, не слова, а какой-то вроде «сценарий», «пьеса», в которой туманные, трудно различимые образы общаются друг с другом, бессловесно жестикулируя, изображая какой-то неясный смысл при помощи «мимики». Можно сказать, что мысль «вытанцовывается». Постепенно из **«подвала сознания»** мысль, которая уже более-менее «вытанцевалась», переходит на верхний этаж, где приобретает другую форму: теперь это уже ряд ясных образов, которые тоже вступают друг с другом в разные отношения. Эти отношения и называются *ассоциированным*.

Если мы соединяем один образ с другим, то, наверное, можем делать это только тогда, когда образы соединимы в нашем чувстве, в нашем ощущении, потому что каждому из нас свойственна **логика**. Она и проявляет себя, когда одно позволяет соединить с другим, а другое не позволяет. Быть глупым — это значит очень часто быть алогичным, или нелогичным. Но не спешите. Бывают и другие случаи, когда надо быть алогичным. Это случаи, когда мы должны задуматься над смыслом «странных выражений» — *парадоксов*. Оказывается, над ними надо работать всю жизнь, чтобы суметь что-то сочинить.

Помните строку из А.С. Пушкина: «...И гений, парадоксов друг»? Гений, талант, изобретательность человеческая — друг странных выражений, парадоксов, без них не бывает изобретений. Чтобы что-то придумать, обязательно надо стараться мыслить *необычно*, разглядывая, что кроется за странностями, алогизмами в нашем мышлении. Но не стоит забывать, что все странности и алогизмы нам подбрасывает ассоциативность.

Помните, как в сказке «Двенадцать месяцев» из-за каприза принцессы январская стужа оказалась в одной ассоциативной цепочке с апрельскими подснежниками? Или в сказке «О рыбаке и рыбке» рыбка вдруг заговорила человеческим голосом? Все было бы обычно и неинтересно, если бы старик поймал рыбку и принес домой, к старухе с разбитым корытом. Даже сам автор тут же забыл бы эту сказку, если бы

в ней были использованы такие обыденные ассоциации. Здесь и проходит та грань, где вслед за необычной ассоциацией рождается интерес.

Образ, соединяясь с образом, делает это зачастую нелогично на взгляд нашего Сознания, которое мы ставим всегда, по традиции, на первое место. На самом же деле твое внутреннее чувство, которое почему-то сделало именно такое соединение, а не другое, наверняка имеет для этого основания. Поэтому всегда пытайся найти логику образных связей, которые поставляет тебе подсознание! Мышление, в основном — это связывание, ассоциирование, но с ним вместе, в неразрывном единстве работает еще и *сравнение*, или сравнительная методика. Но об этом поговорим позже.

Так как мы затронули уровень, на котором работают образы (а это уже уровень осознания того, о чем мы подумали в момент зарождения мысли, «в подвале» своего сознания), перейдем к тому, что мы называем **язык**. Он появляется из *образов*, но и обозначает образы, а эти обозначения называются *понятиями*. Образы переходят в понятия, становясь *символами* и, которые уже забывают о своей родине, правом мозга (помнишь превращение слова «лошадь» из лошадки Зорьки в картинку из учебника зоологии?), и переселяются в левый мозг, где они тоже не навсегда остаются, а, объединяясь друг с другом, могут снова становиться *образами*.

Иногда же, расщепляясь, они вынуждены проделывать тот же самый путь. Например, слово «медведь». Когда-то нельзя было произносить слова «бог» у язычников, населявших территорию Киевской Руси (например, у полян, древлян и т.д.). Поскольку медведя считали богом, лесным божеством, его называли другими словами: «тот, кто ведает, где мед» — медведь. И нам легко сейчас проследить по этому слову, что является образной основой такого названия, маскирующего истинное имя божества.

Теперь мы знаем, что **язык** — *семейство слов-знаков*, которое «прописано» в левой части мозга. Но мы знаем также, что оно непрерывно навещает свою родину — правый мозг. И наше обвинение в том, что семейство это забыло свою родину, мы снимаем, потому что оно, покидая ее, все-таки возвращается туда, как Одиссей на свой родной остров Итаку.

Теперь поговорим об ассоциировании как о приеме запоминания. Наша память работает прежде всего как ассоциативный механизм: это очень похоже на машину, которая вяжет. Для того, чтобы ассоциации-связывания, проходили успешно, нужно помнить три правила.

- Первое: два образа, которые ты связываешь, старайся представлять ярко, и обязательно каждый в отдельности.
- Второе: связывать эти образы в действительности, заставляя вступать в соприкосновения, касаться друг друга, совершать взаимодействия.
- Третье: образы должны действовать вместе странно и парадоксально.

А теперь давай поиграем в ассоциации, используя наши правила. Возьмем, к примеру, слова «урок» и «дорога». Пока они, как слова-символы, находятся в пределах левой части мозга. Соберем их в дальний путь и отправим домой — в правую часть, превращая в образы. Итак, *урок*. Мне вдруг вспоминается школьный приятель, на спор сосредоточенно двигающий ушами, окрик учителя и звонок, оглушительно трезвонящий по коридору. Представили? Класс, школьные парты, тема на доске: «Крепостное право в России»?

Теперь оживим образ *дороги*, представив его ярко, и не только зрительно. Можно попробовать ощутить движение, ухабы и выбоины, или торможение перед светофором. Связывать эти образы нужно, как бы соприкасая их. Можно, конечно, представить дорогу, которая ведет к школе, а в школе уже начался урок, и кто-то там двигает ушами. Но это будет слишком обычная, как говорят, банальная ассоциация-связь. Нам нужно заставить наши образы действовать необычно, парадоксально. Например, представить дорогу, по которой катится тот самый приятель с колесами вместо ушей. Или еще что-нибудь подобное. Пофантазируйте сами.

О том, как именно мы будем использовать ассоциирование для запоминания — разговор впереди. Это невероятно интересная и увлекательная тема. А пока перейдем к другой, не менее увлекательной и важной.

Медленное чтение

«Самое главное — научиться читать и писать», — говорят нам учителя, когда мы поступаем в школу. «Ты станешь грамотным, если будешь это уметь», — утверждают они совершенно справедливо. Если мы хотим научиться читать, вначале делаем это медленно, изучаем букву за буквой, потом слоги, слова... Позже все время учимся убыстрять чтение и письмо, и нас за это хвалят.

Думаю, что вам и в голову не приходит, что самое главное после того, как вы научились быстро читать и писать, опять научиться, но на другом уровне, **медленному чтению**, специально замедленному восприятию важных для нашей жизни книг, или, как говорят ученые, **текстов**. Намеренно используемое медленное чтение связано с уже известным нам *ассоциированным*, которое мы организовываем специально. Самое главное в ассоциировании протекает здесь по двум направлениям. Первое из них — *вертикальное*, обращенное в глубину истории человечества, второе — *горизонтальное*, которое использует образы и представления сегодняшнего дня, оживляя их нашими переживаниями, чувствами и мыслями.

Чтобы успеть провести такие ассоциирования качественно, конечно же, нельзя спешить. Потому-то и необходимо медленное чтение. Но вдумчивость наша должна организовываться сознательно: я вспоминаю все, что уже знаю по истории, или спрашиваю об этом, или стараюсь читать в соответствующих словарях, справочниках, энциклопедиях, а потом связываю все, что сегодня у меня на душе, с добытым материалом. Это доставляет много удовольствия, развивает воображение и делает результаты действительно высокими.

Не последнюю роль играет и то, что при таком чтении нам удастся проводить время с интересом, не скучая, и заодно, если мы умеем что-то сочинять, как бы случайно вырабатывать разные творческие идеи. Поэтому во время медленного чтения мы можем на мгновение, на другое, на полминуты, на минуту, на две отвлекаться, чтобы фиксировать такие *побочные находки*. При этом очень важно наблюдать за ассоциациями, которые прорываются как бы самотеком, один образ сменяя другим. **Интерес**, который мы еще никак не определяли, теперь и может быть определен как **поток самоявляющихся ассоциаций**. Такое медленное чтение, в котором мы уже знаем основное, похоже на серьезную игру, но она потому и серьезная, что помогает осознать Жизнь, Бытие, то, что так загадочно не только для детей, но и для взрослых. Поэтому медленное чтение и незнание неразрывно связаны на всех этапах развития личности человека.

Действия, которые нас утомляют — это, прежде всего, *механическая работа, повторы*, которые мы называем *нетворческими*. Но как бы грамотно мы ни занимались какими-то делами, обязательно устаем, потому что устает тело. Необходимо менять деятельность, отдыхать каким-то группам мышц и нервов.

Мы знаем, что отдыхать — значит играть в желанные игры, развлекаться, гулять, бегать. Это кажется очень простой задачей: «Уж что-что, а отдохнуть я сумею», — обычно говорит себе каждый. На самом же деле отдохнуть можно не от всякого утомления. Есть другое, очень непростое утомление, от которого так просто, побегав или поиграв, не отдохнешь. Это утомление от дела — утомление психики человека, души его, которое, конечно, связано с тем, что человек занимается неинтересным для него делом. И здесь важно устранить главную причину усталости — *отсутствие актуализации интереса*. Надо помнить, что ты — хозяин своих актуализированных интересов и можешь где угодно, став *философичным*, попытаться «сломать игрушку» (конечно же, мысленно), найти интерес, обнаружить какие-то явления, интересные для тебя и сейчас.

Утомление от дела называется *психоинтеллектуальным*. Чем человек меньше скучает, тем меньше у него такого утомления. Пенять за скуку, как мы уже говорили, надо прежде всего не на родителей, учителей или приятелей, а на самих себя. Никогда не обвиняй других в собственной скуке. Когда у тебя будет широкий *кругозор* (а если он уже у тебя такой, то это здорово), ты будешь обладать огромным количеством возможностей актуализировать интерес различными способами и будешь иметь, естественно, и другие достижения. Например, у тебя появится огромный запас воспоминаний о твоих собственных переживаниях. Эти переживания — по поводу книги, которую ты прочитал, по поводу музыки, которую ты слушал, волнуясь. Иные из них могут на всю жизнь остаться в тебе как очень-очень волнующие переживания, которые мы называем *высокими состояниями*. Это могут быть состояния с ощущением большого уважения к кому-то или чему-то, с радостью от того, что ты постиг великую истину, восторгом и чувством утешения от того, что ты столкнулся с примером верной дружбы, преданности, любви.

Чтобы расширить свой кругозор, нужно обладать не просто настойчивостью или трудолюбием, но и иметь много «*инструментов*». Сама же работа по расширению кругозора должна проводиться с использованием тех «инструментов», приемов, которые ты уже знаешь. Язык или языки — главные «инструменты» для того, чтобы ты мог успешно расширять кругозор. Теперь мы можем определить *язык* еще и как огромное сочетание, прямо *созвездие ассоциаций*. Ассоциации, образные скопления свойственны и для стихов. Нужно научиться читать стихи, нужно изучать язык, который и сам является огромным, вечно изменяющимся стихотворением. Чтобы сделать первый шаг в этом направлении, нужно научиться исполнять стихи вслух, стараясь при повторе (а повторов должно быть очень много, если стихи тебе нравятся) обязательно делать изменения в исполнении.

Итак, мы уже знаем, как работать над кругозором, знаем основы той науки, которая может помочь нам превратить наши обыкновенные дела в творчество. А теперь сделаем некоторые обобщения и заодно введем новое слово, которое образуется от уже известного корня, *парадоксальность*. Парадоксальность мышления — очень полезная для нас вещь. Во-первых, мышление, которое парадоксально, не позволяет уставать, во-вторых, оно дарит нам радость открытия, в-третьих, помогает

обнаружить поэзию, потому что именно оно является истинным автором стихов, другими словами, является поэтом. Еще одно обобщение: мышление может быть, оказывается, своеобразной игротеккой. Вы, наверное, уже заметили, что мышление у нас все более напоминает игру, за которой можно наблюдать. А раз мы можем наблюдать за игрой, то не исключено, что научимся и играть.

Конечно, чтобы научиться хорошо делать умственную работу, нужно владеть не только медленным восприятием. Речь идет о быстром схватывании, о скорости знакомства с различным материалом, о молниеносных осознаниях тех или иных явлений культуры, об оценках, которые нам надо давать, составляя свое мнение. Серьезный человек, сколько бы ему ни было лет, обязательно умеет качественно и честно исполнять многие из этих дел. Но для того, чтобы они получались лучше, на этот раз мы будем стараться научиться уже не медленному, а быстрому чтению — *скорочтению*.

Когда можно применять скорочтение? Об этом надо договориться сразу, потому что именно от материала, который мы будем читать, зависит скорость прочтения. Непозволительно читать очень серьезные книги поспешно. Эти произведения мы называем *шедеврами* (от французского «главное произведение»). Шедевров не слишком много на земном шаре, и их нужно постоянно перечитывать, в течение всей жизни. Но к этому мы еще вернемся.

А вот то, что нам нужно просто *для сведения*, мы можем просматривать в быстром темпе и применять при этом следующее правило: прежде, чем читать какую-то книгу быстро, я должен познакомиться с ней внешне, рассмотреть, что написано на обложке, где и когда она издана, кто ее автор, и даже кто ее редактировал, делая это медленно. Еще медленнее нужно познакомиться с оглавлением книги, выясняя, что же мне уже известно из того, что здесь написано, обдумывая и заранее предполагая содержание всего, что мне предстоит просмотреть.

Только после такой работы можно приступать к скорочтению. Здесь мы применяем уже четко сформулированное правило, которое звучит так: думай вперед, *упреждающе*, предполагая, что будет написано! Такое думание вперед, упреждающее мышление, можно очень быстро натренировать, если заботиться о нем специально. Чтение, которое мы сейчас, как говорят, **ставим**, называется *осведомительным*. Оно нужно не для того, чтобы получить высокое состояние, художественное наслаждение, а для расширения кругозора, получения информации, сведений о том или ином предмете.

Для тренировки, как мы уже говорили, можно пользоваться многими книгами в день. Сначала просмотри одну небольшую, вторую, а потом постепенно увеличивай количество книг до десяти-пятнадцати в день, особенно книг на общеобразовательные и научно-популярные темы. После просматривания они могут превращаться в косвенные справочники. Не забудь об этом. Чем больше у тебя будет книг-друзей, тем самостоятельней ты будешь и как учащийся, и как человек.

Арабский шах

Алгоритм и предметы, которыми мы себя окружаем

Есть такое слово, которого ты, может быть, и не знаешь: **алгоритм**. Правда, похоже на арабское? Что же это такое? Это *свод правил для исполнения таких дел, которые уже исполнялась не одним десятком человек и не одной тысячей*. Такие правила доказывают: ты тоже сможешь сделать то, что до тебя делали другие. Поэтому мы пользуемся алгоритмом в двойном смысле: и для того, чтобы разобраться, как же нужно заниматься самостоятельно, и чтобы быть уверенным в том, что у нас все получится. Ведь когда мы произносим слово «алгоритм», то как бы представляем себе сотни и сотни интеллигентных, умных, добрых людей, которые уже прошли эту дорожку и пришли к какой-то цели. Они словно стоят у нас за плечами, стараясь помочь, а в результате мы действуем не вслепую, зная то, что делаем. Поэтому сейчас мы приступим к алгоритму наших занятий таким образом, чтобы, занимаясь чем-то уже проверенным, делать быстрые успехи и становиться взрослее, добрее, лучше.

Итак, что же нужно, чтобы эти правила исполнять? А что нужно, чтобы играть в «классики»? Мел нужен? Конечно. Нужны друзья, которые будут играть с тобой, партнеры. А могут вместо таких партнеров в учебных занятиях выступать книги? Ты, наверное, и не думал, что ту же игру можно организовать дома, не чертя на асфальте, а про себя производя такое действие — вроде рисуя и вычерчивая духовные классики.

Слово **духовный** мы вводим здесь как очень важное слово, его можно даже назвать *термином*. Что такое термин? Это подарок людей, которые жили когда-то и оставили его тебе, обозначив им какое-то дело. И за словом этим стоит опять-таки много людей. Посмотрев на книги, ты должен понять, что они — словно твои друзья, которые сейчас вроде отсутствуют. Ведь то, что осталось в книгах, — очень важная часть души этих людей. И когда ты сейчас начнешь заниматься, нужно отнестись к книгам так же, как ты относишься к людям, к лучшим своим друзьям, потому что выражена в книгах лучшая часть их души”. То, что было злого в судьбе, допустим, Горация, или Като, или Максима Горького, наверное, ушло на обочину, удалилось, а главное, самое желанное для них осталось на страницах.

Надо расположить книги так, чтобы эта книжная «компания» была похожа на человеческую. Если мы хотим пообщаться со своими друзьями, то, прежде всего, хотим их видеть, не правда ли? А для этого и смотрим на них. Если кто-то находится дальше, во втором ряду, просим его выйти вперед, чтобы он стал перед нами. А теперь представь, что очень важные книги, которые тебе подарили, к примеру, на день рождения, или те, которые ты купил сам, стоят где-то в третьем, четвертом ряду, и ты никогда не видишь их. Значит, надо расставить их так, чтобы всегда можно было общаться с ними, чтобы сдружиться сразу со всеми этими прекрасными друзьями. И если ты будешь чаще встречаться с ними, будешь видеть

их наяву, потому что они стоят в один ряд, повернувшись к тебе корешками с названиями, твое общение с ними всегда будет эффективным, полезным для тебя.

Самые главные книги для обучения — *справочники и учебники, словари и энциклопедии, пособия* по самым различным предметам. Они должны стоять отдельно и обязательно выстроены как **бригада учебной скорой помощи**. В одном случае тебе помогла эта книга, а в другом — иная. Но сами они не умеют сбегать с полки — есть у них такой небольшой недостаток. Поэтому к книге нужно топтать пешком. Да, ты будешь все время вставать и смотреть в словари или энциклопедии. И не надо надеяться на то, что у тебя будет спокойная жизнь. Если ты уже учишься по-настоящему, используя принципы автодидактики (ты уже понял, наверное, что **автодидактика и самообучение** — одно и то же, ведь «авто» в переводе с греческого означает «сам», а «дидаскеин» — «учить»), придется одновременно заниматься и физкультурой — то брать словарь, то класть его на место. Захочется тебе оставить книгу на столе возле себя — оставь, но потом все равно придется нести и заниматься тем, что называется тренировкой мышц.

Какие словари нам нужны? В добавление к тому, что мы проходим в школе, конечно, кое над чем необходимо заниматься и самому. Школа не все может дать, мы должны сами многому учиться. И потому надо и французским языком заниматься, и английским, как ты это уже, наверное, делаешь, и немецким. Если будешь владеть разными языками, сможешь узнать и правильно понять мысли многих людей, которые живут в мире.

Основные языки, которые очень распространены: английский, французский, немецкий. И потому нужно заняться организацией своей библиотеки (попроси взрослых помочь это сделать) так, чтобы в ней были *двухязычные* словари — словари на двух языках. А иногда бывают еще и *трехязычные* — весьма полезные книги. Кроме того, важно иметь различные *толковые* словари. Если у тебя есть русский или украинский, толковый словарь, ты уже знаешь, что в нем объясняется слово на том же языке, из которого оно взято. Такие словари очень нужны и в других языках — английском, французском, немецком, чтобы ты имел возможность развивать себя в пользовании книгами, написанными на том языке, каким ты хочешь научиться владеть.

Важно привыкнуть, уходя из дому, брать с собой разные небольшие книги и разговорники. Бывает, идешь не в школу, а в магазин за хлебом или отправляешься на какой-нибудь пикник. И очень полезно взять с собой книжку, вдруг тебе захочется в нее посмотреть — не все же время глазеть, как кошки бегают по крышам или как ездят машины и пылят. Вспомнишь вдруг какое-то слово — и потянет, хоть на минутку, открыть книжку. Так и должно быть. Наверное, человек учится именно в такие минутки, заглядывая в книгу, когда ему интересно.

Если книгу носить незавернутой, то, естественно, очень скоро она приобретет такой вид, что будет неприятно взять ее в руки, да и страницы начнут потихонечку исчезать. Значит, мы с тобой должны договориться так обращаться с книгами,

чтобы они не портились. Будем мастерить разные футляры, из которых книга легко извлекалась бы. Это могут быть и специальные полиэтиленовые пакеты. Но лучше, конечно, делать для книг твердые футлярчики, которые мы называем кассетами. Они изготавливаются из картона или других материалов.

Еще нам нужно обязательно научиться отмечать то, что у нас получилось удачно. Например, ты сказал что-то интересное, или просто необычно подумал, или представил удивительный образ. А как ты потом это повторишь, как оценишь, что у тебя получилось? Конечно, свои успешные действия, свою удачную мысль нужно записать. Что для этого тебе необходимо иметь под рукой? Прежде всего — лист бумаги. А чтобы листы бумаги были всегда под рукой, их надо положить в нескольких местах квартиры, да не по одному, а целыми стопочками: и тут, и там пусть лежат, и в каком-то другом месте. Но бумага не может покрываться «письменами», если рядом не будет письменных принадлежностей. Конечно, возле каждой стопочки обязательно должны быть ручка или карандаш, можешь положить и кисточку, краски, если тебе иногда хочется что-то изображать. Хорошо бы, замечательно даже, иметь дома не одно, а несколько таких мест для занятий. Тогда ты не будешь тратить время впустую, тогда не забудешь того, что вдруг пришло в голову, потому что все окажется под рукой. А бывает, помедлишь, несколько шагов сделаешь — и все, ушла, навеки пропала хорошая мысль.

Записывай свои фантазии, делай рисунки. Но недолго. Надо учиться прерываться на интересном месте и переходить к другому занятию. Тогда у тебя все время будет много-много энергии. Кроме того, хорошо выписывать оригинальные, умные выражения из книг. Иногда нужно выписать слово, которое ты хочешь посмотреть в словаре, чтобы не забыть. Стоит повторить его, попытаться воспроизвести, потом проверить ударение и снова записать: позже достанешь словарь и посмотришь это слово. Тогда ты станешь образованным человеком, и довольно быстро — лет так через... (Не буду говорить сколько, потому что образование никогда не кончается...)

Полезно также слушать зарубежное радио, смотреть телепередачи на разных языках. Если дома есть магнитофон, его надо правильно использовать. Можно «наговорить» на пленку то, что учишь на другом языке, и сравнить с *лингафонным курсом* — записью текстов, начитанными *носителями* этого языка.

Обязательно должен быть в квартире *музыкальный инструмент*, пусть даже самый маленький. Иногда это сопелка, иногда — блок-флейта. А у кого-то есть пианино, или скрипка или баян. Даже на игрушечном пианино можно точно сыграть короткую мелодию.

Конечно, необходимо иметь достаточное количество *закладок* для каждой книги. Желательно, сколько книг — столько закладок. Закладки должны быть аккуратно сложены в одном месте, чтобы всегда можно было взять, когда тебе нужно. Закончив работу с книгой, не забудь достать оттуда закладку, особенно если она твердая, иначе на страницах могут остаться отметины.

Иногда книги печатают не крупными буквами, а мелкими. В таких случаях нужно обязательно пользоваться *лупой*. Желательно, чтобы в доме были и маленькая лупа, и лупа побольше. Раньше выпускали линейки со специальными увеличительными стеклами, которые были в нее вправлены. Лучше всего, конечно, иметь стационарную лупу — тогда ты ставишь книгу и можешь читать сразу целую страницу. И у тебя не будет болеть голова из-за того, что ты напрягаешь глаза. Маленькую лупу хорошо даже носить с собой. Так как стекло бьется, надо попросить маму или папу купить лупу в футлярчике. Но обращаться с ней надо осторожно.

Что нам нужно иметь еще, если мы хотим быть устремленными в будущее? Стоит собрать образцы разных *зарубежных изданий* — газеты, журналы, и не только детские: плох тот солдат, который не мечтает быть генералом, почему бы и нам не мечтать стать, например, ученым, музыкантом или очень хорошим мастером в какой-то другой области, правда?

Когда ты станешь взрослым человеком, у тебя обязательно появится потребность мысленно вернуться в детство. И вот совсем взрослой, замужней женщиной или женатым мужчиной (у тебя уже будут дети), ты вновь оценишь свое детство, вспомнишь, что тебя окружало. Обязательно постарайся сохранить образцы газет и журналов каждого года — когда ты учился в первом, втором, пятом классе, много места это не займет. Так ты научишься быть *архивариусом*. (Вот какое длинное слово «архивариус», а означает оно человека, который умеет обращаться с вещами, имеющими историческую ценность, и хранить их грамотно.) Надо завести папки, написать на них, допустим, «Немецкая пресса», «Английская пресса», «Французская пресса» и т.д. Придумай какие-нибудь другие названия, ничего не будет плохого, если ты сделаешь это иначе. Но важно, чтобы уже в детстве у тебя появилась устремленность в будущее, мысль о том, что эти газеты и журналы тебе обязательно пригодятся, когда ты сможешь не просто рассматривать их, а читать. Если ты станешь правильно заниматься, хорошо зная алгоритм занятий, это время не за горами.

А теперь давай вспомним о *песнях, о художественной литературе* на иностранных языках. Если у нас есть сборник песен на английском, мы можем, зная ноты, попробовать что-то спеть. А ноты не так сложно знать, если даже ты только недавно пошел в школу. Можно начать разбирать их не только с помощью папы или мамы, но и самому. А если ты по-настоящему самостоятельный учащийся, ты обязан сразу, с первого шага, хоть немножечко, а стараться разобраться во всем сам. Значит, нам нужны сборники песен и нужно попытаться вникнуть в тексты и музыку песен, которые там напечатаны. Еще нужны художественные книжки — лучшие детские книжки на разных языках. Большинство из них широко известно. Но есть и такие, которых у нас почти никто не знает, потому что их не переводили. Например, прекрасную детскую писательницу графиню Софью Растопчину, известную под именем Comtess de Segur. Во Франции ее читают уже почти двести лет. И много-много интересного ожидает человека, который будет знакомиться с разными

языками, организуя *материальную базу* для того, чтобы можно было заниматься ими удачнее, лучше, чем обычно.

Какие еще должны быть у нас художественные книжки? Не только детские — опять нужно думать о будущем, когда может пригодиться и та, и другая книга. А то, что будущее начинается сегодня, ты, наверное, уже понял. Поэтому надо начинать листать эту книгу сейчас, особенно если она называется «Фауст» Гете или «Сонеты» Шекспира на немецком, английском или украинском языках. Надо полистать такую книгу, познакомиться с ней, и иногда строку-другую попробовать разобрать. Ведь скалу можно разрушить только постепенно, откалывая от нее маленькие гранитные части. А если крушить сразу всю, придется взрывать: так недолго и под обломками погибнуть. Зачем же так поступать? Нам нужно мирно, спокойно знакомиться с этим «гранитом». Есть даже выражение такое: гранит знаний, гранит науки.

Садимся делать уроки

А теперь перейдем непосредственно к алгоритму. Алгоритм, то есть свод правил начального периода автодидакта, когда ты сам начинаешь заниматься какой-то наукой, должен основываться на том, что ты все время наблюдаешь за собой и руководишь своим самочувствием. Нужно постоянно всматриваться в свое настроение, в свое намерение, которое у тебя появляется, пусть даже совсем крохотное. Чтобы было интересно, нужно научиться играть с учебниками.

Допустим, ты занимаешься тремя языками. Учебники трех языков, которые у тебя должны быть (мы уже говорили о материальной базе), нужно обязательно чередовать — конечно, не строго по минуте, но до тех пор, пока ты не почувствуешь, что у тебя появился интерес. Ты должен менять учебники, а не сидеть над ними все время: то один посмотреть, то другой, то третий. И смотреть совсем понемножку. Потом, когда чувствуешь: ой, там интересно стало, прерываешь себя и отодвигаешь этот учебник, хоть и хочется в нем еще задержаться. Возвращаясь к первому учебнику, смотришь его и чувствуешь, что и он стал интереснее. Интерес как огонь, им можно «зажечь» и какой-то новый материал, новый текст.

Конечно, тебя интересует, что нужно делать, если учебник только один. В таком случае нужно читать текст не подряд, а как бы переставляя абзацы, то есть фрагменты, отрывки текста, которые начинаются с красной строки. Сначала надо прочесть первый абзац, потом третий, потом второй, или второй, третий, потом первый, или третий, первый, второй — только не подряд. И лишь затем прочесть в правильной последовательности: первый абзац, второй, третий. Почему тебе становится интересно? Да потому что ты сам должен заполнять смысл. Тот текст, который идет при нормальном чтении, авторы преподносят тебе готовым. А тут ты сам его сочиняешь, потому что взял и поменял местами строки. И замечаешь, что тебе нравится такая игра с текстом.

Не забывай еще и о том, что упражнения в учебнике надо обязательно выполнять *устно*. Если в школе задано письменное задание, напиши одно, два или три упражнения, но все остальные в этом разделе должны быть исполнены устно, вслух, с использованием культурой движений речевого аппарата, о которой мы уже говорили. Такое исполнение текстов называется устным исполнением, а приемы, при помощи которых мы работаем, *оральными*.

Во время занятий языками — родным или иностранными — учитель обычно требует от учеников правильного произнесения звуков на слух, вслед за собой или записями на кассете. Мы же должны представлять произнесение как правильное выполнение *звукодвижений*. А для этого необходимо знать, какие мышцы речевого аппарата мы должны тренировать, в какую точку направляются наши речевые движения и психические напряжения, с ними связанные.

В каждом языке такая точка своя (ее еще можно назвать фокусом, как у линзы). Найти эту точку и научиться пользоваться *фокусировками*, то есть своеобразной настройкой своего речевого аппарата для выполнения звукодвижений в каждом языке, помогут *«манки»*. Они, словно приманка для зверей, которую использует в лесу охотник, «приманивают» для нас правильную фокусировку того или иного языка. Это может быть коротенькое предложение или даже одно слово, которое мы произносим с правильным посылом звука.

Но что такое правильный посыл и как ему научиться? Попробуем сделать это на примере. Скажи по-украински: *«Піду додому»*. Оказывается, произнесение этих (да и всех других) украинских слов направляется на нижние зубы, в точку фокусировки, наиболее характерную для этого языка. В русском языке фокусировка совсем другая. Попробуй несколько раз произнести «манок» *«Эй, ты!»* — и ты почувствуешь, что звуки зарождаются где-то в середине рта, на воображаемом перпендикуляре, опущенном с верхней точки мягкого неба.

Фокусировка в английском языке определяется при помощи фразки *«Я тебе дам!»*, произнесенной с угрозой в голосе и с придыханием на — звуке «т»: *«Я т-т-тебе дам!»* Попробуй еще при произнесении «т» и «д» прижать кончик языка к альвеолам — бугорку над верхними зубами, получится совсем по-английски. С немецким еще проще. Вспомни, как ты полощешь горло. Можешь даже приложить к нему руку и почувствовать колебания: *«г-г-г, г-г-г»*. Именно такой — горловой посыл звука в немецком языке. А французская фокусировка бывает у мамы, когда она, глядя на твои намокшие в лужах туфли, с укором в голосе, не разжимая губ, произносит: *«н-н-н, н-н-н!»* Звук направляется в этом случае в точку, расположенную на лбу между бровями, ее еще называют «третий глаз».

Научившись правильно исполнять **звуко-движения**, мы постепенно научимся правильно соединять их **в словодвижения**, ощущая радость от тренировки речевого аппарата, его мышц, совершенствования своих навыков, и постепенно приобретем **пассажную технику**, когда сможем легко и свободно связывать любые словодвижения в предложения и целые фразы.

«Как научиться лучше запоминать иностранные слова?» — часто спрашивают ученики. «А их си не нужно запоминать», — отвечу я. Нужно просто тренировать словодвижения, пока они не встанут настолько родными, словно произносятся сами. Автодидакт — противник прямого запоминания, поэтому и здесь у нас будет обходной маневр, который одновременно станет веселой игрой, освежит и сделает гибче наш ум, и научит свободно чувствовать себя в любом языке, если мы, конечно, хорошо потрудимся.

Теперь самое время рассказать о работе с **ассоциативными листами** (их для простоты мы называем **«закладками»**, только это не те узкие полоски, которыми мы отмечаем в книге нужные страницы, а специальные таблицы). Одна из них будет главной, базовой, назовем ее *матрицей*, в другую запишем слова иностранного

языка, а в третью, под теми же номерами — слова родного языка (переводы соответствующих иноязычных).

Для запоминания слов мы используем *парадоксальное ассоциирование*, то есть странное, необычное связывание слов (помнишь, мы уже говорили об этом?). Но сначала нам нужно договориться, какой шифр мы будем использовать для этой увлекательной учебной игры. Давай подберем для цифр буквенные соответствия.

Посмотри в эту таблицу:

1	Л	6	Н
2	П, Б	7	М
3	Т, Д	8	Х, К, Г
4	Ч, Ж, Ш, Щ	9	Р
5	В, Ф	0	З, С, Ц

Чтобы лучше запомнить буквы, которые соответствуют первым девяти цифрам, придумаем **слова-образы**. Почему мы присвоили цифре «один» значение буквы «л»? Наверное, потому что «л» по-латински пишется как единица «l». Ты ведь уже начал изучать иностранный язык? А и в английском, и в немецком, и во французском используется латинский алфавит. «Один», «л» — какой образ можно придумать? Давай возьмем **китайца Ли** в симпатичной конической шляпе?!

Буква «п» пишется как две палочки с крышей наверху. Наверное, поэтому «два» у нас — «п», а «б» — это ведь звонкая «п», правильно? Чтобы оживить «два» и «п», вспомним число *П* из математики. Ты ведь уже знаешь формулу площади круга? Пусть **круг** станет для нас образом, «и», образом «двойки». «Три» — это, конечно, «т», ведь «т» строчная — три палочки с крышей. Чем может стать «т»? «**Ту-134**» — ты уже летал **на самолете**? Так одну за другой мы оживим сейчас все цифры.

«Четыре», «ч-ч-ч», правда, похоже на «четверку»? А теперь нальем в стакан **чай**, коричневый, даже немного красный, и очень горячий — в руках не удержать, придется скорее на стол ставить. Если еще немножко «пошипеть» — можно на разные лады пропеть «ж», «ш», «щ».

Следующая цифра — «пять». Правда, римская цифра «V» пишется так же, как латинская буква «v»? Поэтому мы ставим их вместе: «пять» и «в», «ф», оживляя «ф» как милую симпатичную нотку «**фа**». Помнишь ее, между первой и второй линейкой в скрипичном ключе?

Если в букве «н» верхнюю палочку переставить вниз, «н» превратится в «шестерку». Знаешь, что такое **Ноев ковчег**? Открой «Библию для детей» — это очень интересная история, Итак, «шестерку» превращаем в **Ноя**.

В месяц **май** (с цветущей сиренью!) превратим «семь», ведь «семь» заканчивается на мягкий «м». Если взять цифру «восемь» и выделить окружностью середину, получится вырезанное в кругу «х», которое никак не может обойтись без своих

родственников — «к» и «г». Бильярдный **кий** будет означать у нас «*восьмерку*». **Рой** пчел, «р» перед зеркалом — да это же «*девять*»!

Остается вспомнить, что «*ноль*» по-английски — «*zero*», и обозначить «*ноль*» буквами «з», «с», «ц».

А теперь давай споем под аккомпанемент:

«Липитучай фа, но макирой!»

Записывать и запоминать это, правда, смешно, потому что два таких замечательных глагола, союз и существительное «*фа*» сами просятся в голову!

«Липитучай фа, но макирой!»

Теперь у нас есть полный ряд образов до «*девяти*». Как нам оживить «*десятку*»? Какие согласные закодированы под цифрами «*один*» и «*ноль*», помните? «*Л...с...*», «*л...з...*», «*л...ц...*» Начиная с «*десяти*», в последующих цифрах вспоминаем согласные, а гласные добавляем сами. Итак, чем может стать для нас «*десять*»? «*Лисой*», «*Лизой*», «*лицом*»! По этому же принципу:

11 — «Л...Л...» — получаем: «лилия», «Ляля».

12 — «Л...П/Б...»: «липа», «лапа», «лоб».

25 — « П/Б ...В/Ф...»: «Пиф», «пуф», «пиво».

66 — «Н...Н...»: «неон».

91 — «Р...Л...»: «рояль».

99 — «Р...Р...»: «Рур». (область в Германии)

100 — «Л...С/З/Ц...С/З/Ц...»: «лосось», «лисица».

Для базовой закладки (матрицы) выбирать нужно только имена существительные, обозначающие названия животных, предметов, отдавая предпочтение тем, которые создают в нашем воображении более яркий, красочный образ. Все три закладки должны быть одного формата, базовую можно изготовить на тонком картоне. Наиболее успешно идет работа, когда ассоциативный лист содержит 100 слов. Младшеклассники могут делать более короткие закладки.

Как же работать с ассоциативными листами? Допустим, в английской закладке мы записали под №1 слово «**open**». В русской — под той же цифрой пишем его значение: «**открывать**» и связываем русский перевод с первым словом матрицы — «**Ли**». Конечно, связывать нужно обязательно странным, лучше даже каким-то смешным образом. Например, Ли плечом пробивает дверь и вместе с ней входит в комнату. Китаец Ли открывает дверь собой, как тараном. Обычно первая всплывшая в мозгу ассоциация бывает не самой удачной. Быстро ищем вторую: Ли открывает дверь, привязав ее к своей косичке.

1. открывать	34.	67.
2. трава	35.	68.
3. толстый	36.	69.
4.	37.	70.
...
33.	65.	98.
100.		

Второе английское слово «**grass**» — «**трава**». Нам нужно неожиданным образом соединить «**траву**» с ожившей «**двойкой**», то есть с «**кругом**». Просто круг, заросший травой — ничего необычного. Лучше круг, в котором трава растет корнями вверх.

1. open	34.	67.
2. grass	35.	68.
3. fat	36.	69.
4.	37.	70.
...
33.	65.	98.

100.		
-------------	--	--

Третье слово «**fat**» — «**толстый**». Можно представить **самолет**, в который с трудом влезает толстый-претолстый пассажир, он пробует и так, и эдак... Или самолет, крылья которого вдруг превратились в мускулистые руки тучного японского борца!

Напомню в двух словах правила парадоксального связывания:

- 1. Брать обязательно два отдельных предмета, ярко представляя из в виде образов;**
- 2. Связывать эти образы в действительности, заставляя вступать в соприкосновения, касаться друг друга, совершать взаимодействия;**
- 3. Действия эти должны быть странными, необычными.**

Парадоксально связав русские значения английских слов со словами матрицы, мы начинаем внимательно читать вслух английские слова, прежде всего добиваясь точного их произнесения (для правильных фокусировок не забывайте использовать «манки»). Все внимание должно быть обращено на *словодвижение!* Теперь, произнеся слово «**open**», остается вспомнить, что написано под этой же цифрой в матрице. «*Один*», *Ли*... О Боже! Да это же Ли, открывающий своей косичкой дверь! Значение слова «**open**» всплывает как бы само, без напряжения.

Где-то к десятому классу человек должен уметь совершенно спокойно написать один ассоциативный лист в три-четыре дня и иметь хороший запас слово движений. Нужно обязательно чередовать закладки на разных языках: если сегодня я делал на немецком, завтра делаю на французском, послезавтра — на английском. Тогда я не устаю и еще как бы «разделяю» эти языки в употреблении, они у меня не «слипаются».

Слова для закладок надо сначала брать из учебников, которые проходишь в школе или самостоятельно. Если в пятом-шестом классе ты уже обрабатываешь слов шестьдесят-семьдесят, можно начинать знакомство со ста словами! И в этом нет ничего сверхособенного, нужно просто сесть где-то в одном-другом месте, или даже на ходу, во время прогулки, и воспроизвести эти слова. Ты как бы занимаешься своеобразным спортом: никто от тебя не требует запомнить, одно только требуется — очень точно делать движения речевым аппаратом, отдавая себе отчет:

почему неточно или почему точно. Где-то вытянуть губы сейчас важнее, чем запомнить слово. Вред приносит как раз неправильность движения, а не то, что ты не запоминаешь слово. Оно запомнится, лишь бы у тебя было движение. Потом слово каждый раз будет перетолковываться, приближая тебя к своему особому,

специфическому, как говорят, смыслу, который скрыт за оболочкой. И этим нужно заниматься всю жизнь.

А еще мы можем сочинять предложения, подставляя в них новые слова. Это называется **работой с конструкциями**. «*Конструкция*»- слово тоже иностранное, сложное — это «*строительство*», по сути дела. Кстати, по-латински «*стро*» — это «*строю*», похоже, правда?

Нам нужно знать еще одно маленькое интересное правило: если мне надоел учебник, я откладываю его в сторону, да так, чтобы не видеть его; И беру другой учебник, который мне нравится. Так, кстати, и поступают нормальные дети. А мамы часто не понимают этого. Конечно, было бы хорошо, если бы каждый предмет изучался не менее, чем по трем учебникам. Но если он один и уже надоел, по возможности отставь его в сторону. А через день, другой, может, через неделю, подойди к нему и спроси:

«Ты по мне соскучился?» И он прошепчет: «Да», если уже не покажется тебе надоевшим. И ты снова сможешь активно работать с этой книжкой.

Мы уже говорили о том, что нужно сразу же *использовать полученные знания*. Пусть с ними познакомится еще кто-то, кроме тебя. Хвастать отнюдь не надо и ставить себя выше других. Не бойся использовать в речи слова, которые ты недавно усвоил. Пусть даже их кто-то не поймет — объясни. Слова, которые так и просятся на волю, должны быть отпущены. Это, кстати, поможет снять *психический барьер*.

Что еще мы должны знать? А вот что. Оказывается, издавна разные неглупые люди, которые изучали языки, далеко не всегда пользовались словарями, когда **читали свои первые книги**. Они просто брали книжку (часто довольно большую) и читали ее без словаря, только редко-редко пользуясь им, чтобы иногда узнать слово, которое, как говорят, «навязло на зубах». Они старались читать глазами большую часть текста, но обязательно **вслух** произносить то, что твердо знали, как произносится. Попробуй и ты читать таким образом. Когда дойдешь до конца книжки, убедишься, что некоторые ее места, которые раньше казались непонятными, вдруг открывают свой смысл, потому что *последующее разъясняет предыдущее*.

Не надо бояться читать иностранные книги, даже тогда, когда знаешь совсем мало слов. Прочти свою первую толстую книгу на другом языке, не совсем понимая смысл. А потом вернешься к ней, когда узнаешь много слов, когда у тебя прибавится *лексического богатства*. Ты будешь читать эту книгу во второй раз по-другому, как знакомую, — это будет чтение с подглядыванием в словарь, с усвоением смысла, распознаванием содержания и т.д.

А еще очень полезной для тебя будет игра в **ценное чтение**. Кстати, на родном языке тоже. Если у тебя есть какой-нибудь толковый словарь, нужно выбрать слово и прочесть объяснение его смысла. Возьмем, например, русский толковый словарь.

Открываем наугад: «Дочь» — *лицо женского пола по отношению к своим родителям*. Допустим, мы не знаем, что такое «лицо» в данном случае. Тут же в словаре можем посмотреть нужное слово. При этом листая, держим руку сверху, на торце книги, чтобы чувствовать ее толщину и количество страниц. Вот, нашли: «*Лицо — передняя часть головы*». Это первое значение слова нам не подходит. Смотрим дальше: «*Индивидуальный облик, отличительные черты*». Если мы не знаем слово «облик», сразу же ищем его в словаре. Ничего страшного, если мы вроде бы забыли слово, которым в самый первый раз заинтересовались, но у нас игра получается — мы все время идем, идем, идем вперед. А когда поиграем так полгода-год, потом оказывается, что у нас почти весь словарь состоит из уже знакомых слов. Вот как надо работать цепным методом с толковыми словарями.

Точно так же можно играть, пользуясь словарем иностранным. Ты будешь не только знать смысл, но и грамматику, потому что давая объяснение, автор, естественно, каждый раз использовал какие-то грамматические правила. И ты множество раз эти правила видишь в примерах, которые обычно бывают максимально точными, очень продуманными стилистически, и усваиваешь основы грамматики благодаря пользованию толковым словарем. Вот какие замечательные вещи — толковый словарь и игра, которая называется ***цепное чтение!*** Надо стараться подыскивать в месяц как можно больше таких слов — чуть ли не миллион. И словари брать в руки как можно чаще.

Но напоследок еще два слова. Использование правил и предписаний автодидактики предусматривает снятие плохого настроения, утомления, *психических зажатостей*. Что такое психическая зажатость? Попробуй сильно сжать мышцы руки и что-нибудь написать. Правда, получается плохо? Нет нужной свободы и легкости. То же самое бывает с нашей психикой. А чтобы снять ее скованность, нужно хорошо понять, осознать движение. При помощи осознания движения — это уже знакомый нам прием — мы обязательно снимем психическую зажатость. Кроме того, мы снимаем ее (как тебе уже известно, но вспомним еще раз) при помощи ассоциирования и настройки правого мозга. В предыдущих главах мы это уже рассмотрели.

Лингвя-, лингве-, лингвистическая модель, или Как стать Мастером ?

Теперь перейдем к святой святых автодидактики, к самому главному месту. Постарайся быть втройне внимательным, постарайся понять каждое слово. Мы используем сейчас *лингвистическую модель*, объясняя применение автодидактики на примере самостоятельного одновременного изучения нескольких иностранных языков. Но эти же правила можно брать на вооружение в любом другом виде деятельности и применять для самостоятельных занятий в самых разных направлениях. Давай сейчас и рассмотрим эту модель, эту придумку нашу, на примере которой все станет ясно и по которой мы будем определять любые другие наши действия, нужные в будущем.

Ты, наверное, понял уже, что в авто дидактике для изучения берется не один предмет, а *группа*, не один английский, а три — английский, французский, немецкий (к примеру). Для чего нам это нужно? Причин можно назвать множество. Но главная из них — возможность организовать, сделать интерес за счет переключения внимания с одного предмета на другой. Ты ведь заметил уже, что отдыхать можно не только развалившись на диване, достаточно сменить вид деятельности: если ты учил математику, полистать учебник французского или нарисовать вид, который открывается из окна. По этой же причине для каждого языка лучше иметь не один учебник, а несколько.

Исходные единицы языка, кирпичики, из которых складывается огромное здание под названием «язык», — это *звуки, звукодвижения*. В любом другом занятии тоже есть свое *перводвижение*. Поэтому следующее важное дело, которое мы делаем, — исполнение движения, многократное, бесконечнократное исполнение, но не зубрежное, а творческое. Мы должны довести это движение до *навыка*. Помнить, как ты когда-то учился писать? Рука с трудом выводила «заборчики» с палочками, закорючки — ты тренировал *перводвижение*. И постепенно, доведя его до навыка, до мастерства, составлял буквы, собирал их в слова, превращая первое маленькое движение в огромное, длиной с целое предложение!

В занятиях языком то же самое. Наше главное дело — исполнение движения, которое в автодидактике мы иногда называем текстом — ведь, в сущности, *любое занятие можно назвать текстом?* Не пугайся, если эта мысль покажется трудной. Ты же знаешь уже, как не увязнуть в болоте — последующее разъяснит непонятное в предыдущем.

Итак, мы займемся сейчас исполнением движений, исполнением текстов. Что для этого надо сделать? Надо просмотреть и воспроизвести первую частичку текста, такую, которая имела бы смысл, и начать оценивать этот смысл. По сути, работа над смыслом пока на этом и заканчивается. Тут же моментально мы начинаем другую интересную работу: рассматриваем любой текст так, словно в нем надо поозорничать, сделать его смешным, странным, не таким, каким он был, когда ты

читал его в первый раз. Например, можно изменить текст, сделав ударным другое слово. Возьмем хотя бы строку: «Скажи-ка, дядя, ведь **недаром** Москва, спаленная пожаром, французам отдана». Мы прочли ее с ударением на слове «недаром». Но можно выделить и другие слова. Сделать хотя бы такое ударение: «Скажи-ка, **дядя**, ведь недаром Москва, спаленная пожаром, французам отдана». Или такое: «Скажи-ка, дядя, ведь недаром Москва, **спаленная** пожаром, французам отдана». И так далее.

Мы не имеем права следующий раз повторять так, как сделали это в первый раз, все время надо менять ударение во фразе, а потом только думать о смысле. О смысле, кстати, само подумается, не надо об этом особенно заботиться, главное — менять ударение во фразе.

Теперь давай поищем *паузу*. Что такое пауза? Это молчание. «Скажи...-ка», — можно сделать паузу после «скажи» или: «Скажи-ка... дядя, ведь недаром...» А можно так: «Скажи-ка, дядя, ведь недаром... Москва, спаленная... пожаром». Сделал паузу? И вот так каждый раз по-другому делай паузы, когда повторяешь эти строчки. А в результате получится, что ты уже не учишь материал, а занимаешься *ритмическим, ритмико-интонирующим* чтением, все время ищешь и занимаешься творчеством, а смысл приходит хотя бы потому, что ты очень хорошо исполняешь текст. Именно *исполняешь* — давай подчеркнем это слово.

Что еще можно разнообразить в таком исполнении? *Интонацию*. Можно по-разному интонировать, можно как бы спеть этот текст. Пусть он будет даже математическим текстом, ты всегда сможешь его спеть, переинтонировать, найти другое ударение, взять дыхание в другом месте, сделать иной *нюансировку*, то есть найти какие-то новые оттенки.

Стоит, наверное, отдельно рассмотреть еще несколько таких способов разнообразить тексты при исполнении. Один из них — *гиперконтрастное чтение*. Слово опять иностранное. «*Контраст*» — «разница», а «*гипер*» — «сверх». Значит, гиперконтрастное чтение — чтение со сверх большой разницей, перепадами в оттенках, которые ты делаешь голосом. Как это изобразить? Без музыки трудно, поэтому воспользуемся музыкальными терминами. Мы читаем так: пиано (ит. тихо)! — «Скажи-ка», форте (ит. громко) — «дядя, ведь», потом опять пиано — «недаром» (внизу надо будет обозначить просто: пиано, форте, снова пиано), потом меццо-форте (ит. не очень громко) возьмем — «Москва», потом форте — «спаленная», а потом пиано «пожаром», и мы уже сделали текст другим.

В следующий раз нужно изменить воспроизведение текста, разнообразя оттенки, то есть, по-другому интонируя, напевая, даже сочиняя мелодию. Представь, что ты композитор и пишешь музыку на слова, которые звучат так: «*Дважды два — четыре*». Можно спеть: «*Дважды два — четыре*». Здесь, наверное, надо писать октаву восьмушками, например: «*ре-ре, ре-ре, ре-ре*» — шесть восьмушек, которые написаны подряд в скрипичном ключе. И подписать: «*Дважды два — четыре*». Второй раз можно: «*ре-ре, фа-фа, ми-ми*», тоже такими же восьмушками, шесть

восьмушек. Получится уже по-другому. А теперь придумай еще какую-нибудь мелодию. То же самое можно проделать со строчками Лермонтова, которые мы уже читали гиперконтрастно, в которых искали главное ударение, **первичную смысловую единицу**. Кстати, первичная смысловая единица — и мы сейчас уже можем сказать это — называется **синтагмой**.

Теперь, когда мы повторили, наконец, то, что нам необходимо знать по ритмическому чтению, а заодно и много раз воспроизвели отрывок, который нам надо было пройти, выучить, мы невольно получили результат. Мы выучили его, сами того не ведая, потому что повторяли текст по-разному и нам было интересно. Так приходит избавление от скуки, а, значит, и возвращение к самому себе.

Дальше следует такое общее правило: *смыслом прочитанного надо заниматься после того, как ты занялся формой*, хотя бы через полсекунды. А **форма** — это и есть **воспроизведение** чего бы то ни было: урока по какому-то предмету или любого текста, который встречается тебе в жизни. Он может быть выражен словами, а может и краской, и музыкальным звуком. А еще числом, формулой — как, например, в математике, физике, химии.

Для того чтобы текст, который нужен нам на занятиях, оказывался проанализированным, хорошо понятым, мы придумали еще несколько правил. Поэтому займемся сейчас очень интересным делом. Называется оно — **«Анализ происхождения слова, или этимологизирование»**.

Этимология слова — понятие, связанное именно с происхождением слова, его смыслом. Когда мы говорим об уже известном нам слове «медведь», то видим здесь два корня: «мед» и «вед». Ясно, что речь идет о ком-то, кто ведает (знает), где найти в лесу мед. Занявшись этимологизированием, мы быстро нашли два корня, от которых произошло это слово. Но бывают случаи посложнее, над которыми ученые бьются годами, десятилетиями, да так и не могут определить, работая очень-очень настойчиво, откуда же произошло то или иное слово. Например, до сих пор неизвестно происхождение некоторых имен, в том числе такого простого, казалось бы, имени, как Таня. И тогда пишут, что этимология слова темная.

Мы не будем заниматься такими исследованиями как ученые, потому что для этого надо готовиться десятки лет и иметь очень и очень много знаний. Но мы можем в свое удовольствие заниматься этимологизированием, которое называется «домашним», анализировать происхождение слова не всерьез по-научному, а строя предположения о первоначальном смысле того или иного слова. Как же мы это можно делать?

Прежде всего, надо определить одно очень интересное свойство слов. Смысл их чаще всего заключен не в гласных, а в согласных звуках, которые называются **радикалами** слова (по-русски «радикал» переводится как «корень», но это не тот корень, который проходят в школе, а другой — именно радикал, который лингвисты берут за основу при анализе других слов). Например, радикал русского слова

«холод» — «хлд». Сравним его с радикалами немецкого слова «*kalt*» и английского «*cold*». Какие тут согласные? «*K, l, t*» и «*k, l, d*». Но ведь «*к*» и «*х*», «*д*» и «*т*» — пары, родственные звуки. И это доказывает нам правописание английского слова, которое пришло на этот остров, конечно же, с материка. Вот и получается, что у этих трех слов один и тот же корень. Как просто теперь их запомнить, когда ты позанимался этимологизированием. Значит, прежде всего, чтобы стать домашним ученым-этимологом, нужно научиться находить одинаковые или родственные согласные в похожих словах из разных языков.

Теперь мы знаем, как при изучении языков правильно использовать согласные. Надо выделить их в слове, может быть даже выписать, и сравнить это «созвездие» согласных с аналогичным в другом языке. И часто получается так, что какой-то родственный смысл можно найти в другом слове на совершенно другом языке.

Иногда в разных языках бывает обратное построение слова, то есть оно читается как бы в обратную сторону. Возьмем, например, греческое «*морфо*» и латинское «*форме*». Здесь одни и те же согласные переставлены: «*мрф*», «*фрм*». Но и в греческом, и в латинском эти слова означают одно и то же. В русском языке такое слово не сохранилось. Вот мы и пользуемся теперь латинским и греческим, двумя словами: «*морфо*» и «*формо*». «*Морфо*», правда, отдельно не используется, но часто звучит в составных словах, в том числе и в очень важном для автодидакта слове **морфологизация**.

Раньше мы уже говорили о **движении как органе человека**. Ты уже знаешь, что рука — орган движения, и нога — тоже орган движения. Есть разные другие органы: орган мышления, орган пищеварения и так далее. Но то, что человек имеет орган такой, как движение, говорить не принято, не часто услышишь такое словосочетание. А мы с тобой вооружились этим словосочетанием, нам удобно так считать. Кстати, слова средневекового философа Б. Спинозы «**Движение есть орган человека**» — отражают истинное положение вещей. А ведь наш **интерес**, который мы чувствуем именно в это мгновение, — **тоже орган**.

Занимаясь самообучением, мы должны все время следить, чтобы этот орган работал как следует и «не ржавел», и не отказывал нам. Важно, чтобы интерес был всегда наготове там, где нам нужно им воспользоваться. Движение рождается где-то в человеке, в мозгу его, в каких-то глубинах человеческого **Я**. А интерес — имеет такие же источники, как и то, что мы называем движением внешним или движением внутренним.

Интерес — это как бы множество естественных движений, которые получились у тебя сами собой, когда ты по-настоящему, как тебе велено природой, стал думать. Если ты думаешь с интересом, значит, ты думаешь так, как по-настоящему должен думать человек. А можно подделывать интерес. Подобно тому, как подделывают деньги фальшивомонетки. Скажем, считают вокруг, что хорошо интересоваться искусством. И человек идет в театр посмотреть спектакль или даже послушать симфонию в филармонию только для того, чтобы считаться культурным. На самом

же деле это подделка. И такого человека можно назвать *фальшивомонетчиком интереса* или еще английским словом «сноб». Сноб не стремится овладеть настоящей культурой, настоящими знаниями. Поэтому и не заслуживает нашего уважения.

Но мы должны понять, что не чувствовать себя искренне заинтересованным в чем-то очень вредно для здоровья. По-настоящему здоровым, вероятно, можно быть только тогда, когда не скучаешь. Я не буду сейчас приводить имен замечательных ученых двадцатого века, которые поняли первыми в мире, что многие болезни, серьезные в том числе, происходят от скуки. Значит, когда ты не пользуешься своим интересом, когда не создаешь этот интерес сам, подвергаешь риску свое здоровье. Надо уметь заинтересовываться, а заинтересовываться мы, наверняка, способны не через смысл, а через *форму выражения смысла*, через то, что мы сами делаем, наблюдая за этим действием, — то есть через *морфологизацию*.

Еще одно очень важное обстоятельство нужно обязательно учесть. Сколько у нас должно быть требований к себе? Много, мало? Например, мы знаем, что легко способны выполнить какое-то действие — прыгнуть на два метра в длину или на полметра в высоту, мы уверены в этом. А кто-то знает, что не способен так прыгать. Один школьник может прочитать страницу текста в быстром темпе, другой — нет. В школе иногда проверяют, сколько слов ученик успевает прочитать за минуту, и лучших даже награждают. А что делать остальным? Тут очень важно во время тренировок **знать свой предел на данном этапе** и никогда не перегружать себя преждевременными сложностями. Иначе это будет превышением требований к себе, или превышением уровня притязаний. А уровень — это как в градуснике: отсчет ведется от нуля. Бывает температура, как тебе известно, выше нуля и ниже нуля. Так вот такой же условный уровень — выше и ниже нуля, как бы в сторону холода или в сторону жары — должен быть и у наших требований к себе.

Правило гласит: *относись с «холодом» к намеченной сейчас тактической цели, всегда ее занижай*. Натренированность на более простом сама подскажет тебе, когда перейти к следующему этапу. А тот, кто мнит о себе много, как бы теряет контроль над ростом мастерства и даже способствует появлению дефектов в самом «организме» навыка: например, отсутствию некоторых суставов...

Если ты все время настраиваешь себя так, что уровень твоих требований находится «выше нуля», на стороне тепла, то ты поднимаешь «температуру» своих притязаний только тогда правильно, когда у тебя эти требования *связаны с будущим*, а не с «теперь». Надо постоянно себя охлаждать, когда ты делаешь свое маленькое дело, надо всё время занижать уровень притязаний.

Чтобы становиться образованным, культурным человеком, важно помимо всего иметь настоящих друзей. Если у тебя есть друзья, которые занимаются такими же, как ты, делами с интересом, то уверяю тебя, ты всегда будешь очень счастливым человеком. Эти друзья станут не просто товарищами по играм, но еще и

единомышленниками. Очень важно иметь единомышленников, друзей, у которых были бы *убеждения*, подобные твоим.

Убеждения — это то, в чем ты уверен. Ты, например, прекрасно знаешь, что нельзя убивать кошек, правда? А вот не все в мире это знают. Нашлись в одном городе мальчишки, которые мучили и убивали кошек. У тебя другие убеждения, чем у этих нехороших немногочисленных, к счастью, ребят. Или, например, ты уважаешь старших, потому что понимаешь: у них большой опыт, тебя растят, помогают приобрести знания, найти свой путь в жизни (мы не рассматриваем сейчас те случаи, когда старший оказывается недостойным уважения — бывает, к сожалению, и такое). И если ты убежден, что нельзя обижать кошек и надо уважать старших, и так же считает твой друг, то вы с ним — *единомышленники*, то есть имеете подобные или даже одинаковые мысли по такому поводу. Когда ты задумываешь доброе дело, всегда надо стремиться к объединению с единомышленниками. Это относится и к самообразованию. Представляешь, как здорово заниматься каким-либо делом вместе? Учить языки, этимологизировать (по-домашнему) или распевать на разные лады: «Биссектриса — это крыса, которая бегаёт по углам и делит углы пополам»?!

Когда ты подрастешь, обязательно приобретешь профессию, специальность. Но кроме работы по специальности, есть еще много возможностей общаться с людьми, связываться с обществом. И все твои занятия должны быть связаны с твоим основным каким-то, как говорят, стержневым талантом. А он у тебя есть — в этом можешь не сомневаться. Но важно сомневаться в другом — все ли ты узнал о своем таланте, о своих способностях. Это и надо ежеминутно-ежечасно определять при помощи разных попыток,

Есть такое «страшное» для многих слово — *«карьер»*. Иногда человека обвиняют в том, что он «делает карьеру» — то есть стремится подниматься по служебной лестнице, стать руководителем. Но если мы занимаемся автодидактикой, выражение «делает карьеру» означает для нас — *стать Мастером*. Потому что заботимся мы совсем не о внешней карьере, которая связана с признанием сразу большим количеством людей каких-то твоих умений, а о *внутренней*. Сначала нужно иметь мастерство, надо чему-то научиться, кстати, и необязательно, чтобы об этом сразу узнали в классе, школе. И не ради похвалы нужно стремиться приобрести умение, знание, а ради той радости, которую тебе доставляет выполнение доброго дела. Это и есть *«внутренняя карьера»*.

А еще нам надо поговорить о том, о чем взрослые очень редко говорят с детьми, — об *увлеченности своим делом*. Дети всегда увлекаются тем, что делают. Да и, наверное, только то и могут делать, чем увлекаются. Разве не так? Если ты умеешь увлечь себя сам, то ты уже — немножко мастер авто дидактики, мастер самообучения. Люди, которые увлекаются, — очень ценны для общества, для человечества, потому что не способны, если их увлекает добро, а не зло, делать какое-либо дело плохо, а будут обязательно стараться исполнить его очень хорошо.

Один очень умный человек, сын поэтессы Анны Ахматовой и поэта Николая Гумилева, профессор Лев Гумилев называл таких людей «*пассионариями*» (страстными, страстно отдающимися своему делу, своему доброму занятию).

У человека могут быть разные удовольствия в жизни. Он может читать книжку или купаться в море, играть в компьютерную игру или гулять с приятелем — много разнообразных удовольствий получает человек, в том числе и таких, которые способно получать и животное, то есть *организменных*. Например, когда тебя гладят, тебе приятно, когда ты ешь. Это не те удовольствия, которые получаешь, допустим, от про чтения интересной, красивой книжки или прослушивания мелодичной музыки. Но удовольствия надо связывать друг с другом: от того, что ты можешь взять в руки книжку и представить, как жили когда-то люди, ты можешь по-другому воспринимать и заземленный мир организменных удовольствий.

Ощущение, которое ты испытываешь, когда тебя приласкает мама, становится другим после того, когда она расскажет тебе сказку о Василисе Прекрасной. Ты обогащаешься за счет общения с культурой — по-другому воспринимаешь все вокруг, даже такие дела, как уборка квартиры или приготовление еды. Поэтому все больше и больше надо стараться стать человеком, который обогащен культурой. Ведь именно культура влияет на выбор развлечений человека, удовольствий, которые будут все выше и выше. И тогда мы можем говорить о *высоких наслаждениях* в области культуры — наслаждении живописью, симфонической музыкой, поэзией и разных других наслаждениях, которые мы можем испытывать, будучи только очень культурными людьми. А таким нужно стремиться быть каждому человеку, кем бы он ни работал — врачом, продавцом, рабочим, менеджером или летчиком-испытателем. Ведь только тогда ты совсем по-другому научишься думать и относиться к избранному тобой делу, в котором стремишься стать настоящим мастером.

Веселый повтор: — Опять зубришь? — Нет. Пою.

Если бы не было повторов, не было бы тебя, не было бы меня, не было бы ничего, наверное, на земле. Все появляется потому, что существует такое явление, как **повторяемость**. Все живое совершенствуется потому, что есть повтор. Но повтор этот особый — он всегда чем-то не похож на предыдущий. В природе нет нетворческого повтора: следующий повтор обязательно будет с небольшим изменением.

Когда рождается новый человек, в нем есть многое такое, что непременно было у других, но есть и своя особенность, ее называют *оригинальной*, которая заставляет нас считать этого человека неповторимым. Никогда, следовательно, не было подобного тебе. У тебя так же, как и у каждого из нас, есть свой «ген оригинальности». Наверное, ты уже слышал о носителях наследственности — генах. Ведь об этом говорили как-то по телевизору, не так ли? И ты понимаешь: «ген оригинальности» связан с тайной происхождения человека, всего живого. Каждый человек талантлив, наверное, именно в связи с тем, что у него есть этот ген, и талантлив по-своему, как никто другой. Движение, которое совершает природа в своем развитии, называется *эволюцией*. Природа вокруг нас — растения, звери, птицы, все живое вокруг — совершает не только то движение, которое мы видим, но еще и движение в своем развитии. Раньше на земле были совсем другие звери и птицы — мастодонты, птеродактили... Они вымерли. Сменили их более совершенные. Такое развитие, когда все время происходит усовершенствование видов животных, зверей, растений, человека, мы называем *эволюционным*.

Эволюционное движение существует и в твоей учебе: ты учишься и в то же время совершенствуешь свое отношение к учебе. Ты можешь оттачивать свои приемы в обучении, постоянно наблюдая, как в тебе творятся процессы, которые ведут к совершенствованию, к тому, что ты лучше и лучше умеешь что-то делать. А ощущая это, конечно, радуешься, так как каждый приобретенный навык ведет к мастерству. И ты можешь себя похвалить, если уже научился не просто механически заниматься зубрежкой, а делать тот повтор, о котором мы говорили в предыдущей главе, когда последующее воспроизведение не похоже на предыдущее, когда ты исполняешь текст всегда по-другому. Значит, мы берем за основу в нашем самообучении, в наших самостоятельных занятиях творческий повтор. И это правило нужно выделить крупным шрифтом:

***Никогда не повторяй одинаково
один и тот же материал***

Это и есть **морфологизация**. Но сам повтор требует дополнительного внимания, потому что мы ставим его во главу угла всего самообучения. Он в автодидактике может быть назван самым главным, чуть ли не королем.

Повтор бывает *плодотворным* и *бесплодным*. Когда он бесплодный? Когда ты занимаешься зубрежкой. А что такое зубрежка? Зубрежка — такая система занятий, когда ты повторяешь материал без интереса. Но мы же умеем делать интерес самостоятельно, пользуясь приемом «ломки игрушки», то есть дробления материала.

Отказываясь от зубрежки, мы как бы творим, придумываем, создаем интересное время, мы его «конструируем». И получается, что у тебя вместо скучных фрагментов времени, которые засоряют твои дни, вдруг появляются удивительно интересные «уплотненные» эпизоды жизни, прожитой с настоящим увлечением. Значит, у тебя в это время навык рождался гораздо более активно — не просто быстрее, а и качественней.

Человек может за очень короткий срок стать мастером. Дети тоже могут, как доказывает пример вундеркиндов, становиться мастерами, если они правильно занимаются. Самый главный враг — скука во время повтора. Ты не имеешь права повторять учебный материал, предварительно не продумав, как сделать так, чтобы каждый повтор был другим. Ты не имеешь права скучать при повторе! Нужно переключиться на другое, снова вернуться, все время руководить собой, а не ожидать беззаботно, пока кто-то придет и заинтересует тебя. Старайся сам поступать таким образом, чтобы тебе никогда не было скучно, и тогда ты сможешь стать мастером или даже чудо-мастером.

У нас есть правило, одинаковое и для взрослых, и для детей. Оно звучит так: *повторяя движение, по-новому анализируй его*. Это вариант, разновидность предыдущего правила. Ведь когда я разбираю какое-нибудь движение, я его анализирую. А как анализировать движение? Очень просто: ищешь у него начало, середину и конец. А если есть другие движения рядом, то, конечно, связываешь это первоначальное движение со вторым, третьим и т.д.

Анализируя содержание каждого движения, определяя, где оно начинается, где заканчивается, как его конец сливается с началом следующего движения, можно уйти от скучного повтора, от зубрежки. И это надо себе заметить. Когда ты занимаешься пением или математикой, учишься играть на фортепиано или рисуешь, играешь во дворе или идешь с мамой по улице, всегда можно (и нужно!) найти время поразмыслить о движении, пофантазировать на эту тему.

Чем больше ты будешь думать о движении (о том, как оно образуется, — как формируется), тем лучше. Это и будет *постановкой мышления*. Со временем ты научишься следить за движениями в себе, которые появляются как движения представлений, образов. Ведь в нашем воображении постоянно что-то происходит: вот появилась одна картина, словно облачко проплыло по небу или промелькнул

кадр из фильма, потом что-то другое присоединилось к первому, стало вдруг смешно — мы осмыслили, что первое и второе как-то очень странно сочетаются вместе.

Состояние, когда в нас «самопоявляются» образ за образом, называется *медитацией*. Можно медитировать на определенную тему, и такие повторы медитаций, размышлений с настройкой правого мозга важно совершать как можно чаще. Нужно обязательно делать это перед сном, обязательно настраивать правый мозг с утра, стараясь помедитировать на какую-нибудь — лучше всего возвышенную — тему. Так ты выяснишь, что на самом деле думаешь о том или ином явлении. И тебе никогда не будет скучно, потому что ты будешь наблюдать, как из пены твоих образов рождается прекрасная Афродита твоей мысли. Греки писали, что богиня Афродита родилась из пены. *К*, может, они имели в виду как раз наши *представления-образы*, которые появляются в нас, чтобы потом из них возникло нечто прекрасное? Внутри тебя творятся удивительные картины. За ними и надо все время следить. Это очень увлекательное дело.

Повторы одного и того же учебного материала можно делать друг за другом без паузы, но только тогда, когда ты изменил манеру «исполнения». Если не изменил, надо делать паузу или вообще оставить пока этот материал, ведь у тебя есть возможность все время по-другому его напевать, по-другому декламировать, менять ритм чтения. Даже тогда, когда он не имеет никакого отношения ни к музыке, ни к поэзии, его все равно можно «исполнять». И обращать внимание надо главным образом на то, как ты это делаешь.

Мы с тобой рассмотрели разные точки зрения на движение. Рассмотрели и то, как нужно анализировать движение. Ты уже понял, что сам анализ ведет к появлению (или, как говорят еще, порождению) какого-то добавочного интереса к материалу, к его части. А это уже маленькая исследовательская деятельность, и ты, словно начинающий юный ученый, занимаешься сам собой как предметом, объектом исследования, — можно сказать, занимаешься *психологией*. Но к этому слову нужно добавить еще одно прилагательное — *«интроспективной»*, то есть такой, которая связана с всматриванием в самого себя. Что такое психология? Это такая наука, которая занимается душой, занимается внутренним миром человека, И в этом внутреннем мире очень много повторов. Например, все время повторяется в твоей голове мысль: «Когда мама придет с работы? Я скучаю по маме».

Иногда в нас возникает желание повторить определенное состояние. Поэтому мы должны уметь вызывать такие переживания (они называются, как мы уже говорили, *высокими*), обращаясь к культуре какого-то народа, интересуясь ею постоянно, расширяя свой кругозор. Благодаря этому нам еще легче совершать творческие повторы, потому что в нас начинают работать новые связи, новые ассоциации.

Занимаясь творческим повтором, можно проделать такой эксперимент: сказать что-то громко, потом прислушаться к себе и услышать, как внутренний голос говорит в тебе то же самое. Но чтобы это было очень хорошо исполнено, нужно вспомнить о

том внутреннем пейзаже, который ты представил, — пейзаже, в котором есть море, слышен шум прибоя, где есть пальмы, скалы и нежная зелень травы. Главное здесь — очень много неба и солнца. Такой внутренний пейзаж, или, как мы говорим еще, *внутренний ландшафт*, должен быть хорошо-хорошо продуман тобой.

В нем может раздаваться эхо — если я скажу какое-нибудь слово один раз, оно будет повторяться там вновь и вновь, пока я буду представлять его звучащим. Такое эхо можно создавать. Я говорю внутренним голосом, про себя, просто представив, что произношу, слово «Мама!» — и сразу слышу его в себе. А потом слышу, как это слово звучит много-много раз, отражаясь то от неба, то от моря, от скал, от пальм, и все время повторяется, повторяется... В это время ты совершаешь много тренировочных движений. А если это слово будет иностранным, ты сделаешь множество повторов внутри себя, и оно станет привычным.

Чтобы стать мастером, ты должен делать очень много повторов, иначе мастерство не делается. И чем ты талантливей в каком-то отношении, тем надо больше тренироваться. Такая есть закономерность. Если способности маленькие, достаточно «немножко» сделать повторов, миллиончика три или пять. А если у тебя большой талант, надо делать миллиарды повторов, чтобы отшлифовать все грани, — ведь мы уже говорили, что повторять можно не только движения, но и состояния. Допустим, в книжке, которую ты читал в прошлом году, было одно место, которое тебя особенно заинтересовало. Например, в книге Гомера о путешествиях Одиссея тебе понравилось, как привязанный к мачте Одиссей слушал сирен. Потом ты читаешь это место снова и снова волнуешься, у тебя то же состояние, ты переживаешь те же чувства, которые посетили тебя в прошлом году, и как бы возвращаешь то время, которое было.

Получается, что при помощи состояний можно путешествовать во времени: ты повторяешь пережитое. Повтор становится своеобразным космическим кораблем, который путешествует по годам, по векам, — *«машиной времени»*. И особенно это удается тому человеку, который хорошо знает историю, который может при помощи представлений, образов оказаться в далеком прошлом, в очень далеком, когда жили древние греки, древние римляне, древние китайцы, когда люди совершенно иначе одевались, питались и даже купались, когда не было мыла, например, и не было зубочисток, когда не было в садах таких цветов, как розы, и не было у людей такой еды, как жареная картошка. Очень много интересного можно узнать благодаря тому, что ты прочитал хорошую книгу. А если ты и представил прочитанное, то получаешь от нее еще *больше*. Поэтому представленное один раз надо стараться повторять многократно, как бы путешествуя к тому знанию, которое ты получил.

Очень интересно проследить за повторами в музыке. В разных музыкальных произведениях часто повторяются определенные фигуры. Мы можем послушать «Турецкий марш» Моцарта. Первая ритмическая фигура повторяется четыре раза. Интересно, почему в музыке нужны повторы? Да потому, наверное, что через них композитор стремится выразить основную мысль, которая заложена в произведении.

Значит, *повтор может быть носителем* какого-то *главного содержания*, когда он ритмический, когда он повторяет состояния, выраженные через образы.

Я знаю, что ты любишь, чтобы повторялось такое ощущение, как ощущение вкуса от Киевского торта» или от мороженого. Правда? Но я хочу, чтобы ты полюбил и те ощущения, которые получаешь от прослушивания очень сложного квартета, секстета и от того, что посмотришь на архитектурный памятник, что побываешь в музее или прочитаешь сборник стихов. Это все должно стать материалом для твоих собственных повторных обращений к культуре.

Надо понять, что жизнь невозможна без предков. Предки же должны быть повторены тобою в делах. Дела твои могут быть настоящими делами культурного человека только тогда, когда ты повторяешь высокие состояния людей, которые когда-то давным-давно жили. Они завоевали эти переживания, завоевали мыслью, завоевали своими долгими раздумьями, поступками, даже жертвами, в том числе и очень серьезными, ставя на себе эксперименты во имя той или иной благородной цели. Много было очень хороших людей. И надо рассмотреть, изучить плоды их труда. Это и называется *получить образование*.

Что такое **культура** вообще? Многие произносят это слово, но не могут объяснить все-таки, что культура — это контекст, это непрерывное хранение и оттачивание через повторение самых естественных для человека принципов взаимоотношений с миром, человека с человеком и т.д. Если ты владеешь этим материалом культуры, то уже владеешь привычками, стандартами, клише, будешь знать, хотя бы приблизительно, как переживали твои бабушки, прабабушки, прадедушки те **или** иные состояния. Можно переживать и не осознавая, но лучше, если ты не станешь «изобретать велосипед», а будешь ориентироваться на то, что записано в книгах, в нотных партитурах, зафиксировано на полотнах великих художников-классиков. Вот такая у нас получилась повесть о повторе.

Бокс с Хэмингуэем, или Какие книжки мы читаем

Задумывались ли вы над тем, что бы вам хотелось сделать в жизни? Я имею в виду не просто желание, скажем, позагорать на крымском берегу или приобрести лодку, а кем работать, что думать (даже тогда, когда ты загораешь), о чем думать, чем интересоваться. Если ты хочешь выбрать такой путь, то должен ориентироваться на каких-то известных тебе людей. Многие хотят быть такими, как мама или папа, бабушка или дедушка, сосед, знакомый или еще кто-либо. Именно тот конкретный человек, который вызывает уважение или даже восхищение людей, нравится и тебе.

Часто бывает, что определенные качества у человека не проявлялись, когда он был еще маленьким. А позже, когда он стал работать над собой, совершенствоваться, у него эти качества раскрылись. Интересно проследить судьбы мастеров, читая очень нужные нам книги о них. Это судьбы, например, норвежского скрипача Оле Буля, мальчика-отрока Миши Ломоносова, о котором, наверное, все школьники знают с самого детства, с первого класса. Можно привести очень много примеров, когда писатели изображают становление разных мастеров — чаще всего мастеров от науки, от искусства. Но если ты оглянешься на прошлое твоей семьи (попроси, чтобы тебе рассказали о нем дедушки, бабушки), тоже обязательно найдешь мастеров. И поймешь, что твоя семья сохранилась и есть, прежде всего, благодаря своей мастеровитости. Иначе она просто не существовала бы. Не могли бы выжить люди *немастера*.

Мы потому и существуем как род человеческий, что мы — *Мастера* и помогаем жить друг другу тем, что один умеет делать одни вещи, другой другие. Но человек, который делает свое дело, нуждается еще в одной незаменимой вещи, которую нельзя взвесить, нельзя вычислить, выразить в деньгах, — в *высоких состояниях*, о которых я говорил в предыдущих главах. Чтобы человек научился испытывать радость от своей работы, он должен получить общую культурную подготовку. Она позволит ему шагать по собственным тропинкам, испытывая удовольствие от того, что он *становится Мастером*.

Чтобы проделать это путешествие, нам надо выяснить, что такое *честный* человек, что такое *глупый* человек, основательно задуматься над этим и постоянно искать в различных мудрых книгах ответы на такие вопросы. Очень нелегкий вопрос — глуп человек или не глуп. Может, он просто не знает, с чего надо начать мыслить. А это очень важно — с первых шагов знать, из какой точки отправляться в путь. Надо начинать с того, о чем мы сейчас заговорили: с определения таких понятий, как *глупость*, *честность*, *доброта*. Они называются *нравственными* понятиями, или *этическими*. Мы можем судить о культуре человека не только по тому, добрый он или злой, но еще и по тому, как он общается с миром книг, с миром музыки, живописи, поэзии.

В общей культуре человека есть очень много составных частей. Если ты захочешь, обязательно сможешь стать образованным, культурным человеком — важно только с самого начала жизни общаться с нужными объектами, или предметами, культуры. В первую очередь, надо подумать о *священных книгах*. Это книги по нравственным проблемам. Пользуются ими верующие люди. Есть книги христианские, мусульманские, есть индуистские, буддистские и другие. Они связаны с верованиями разных народов, с системами воззрений на мир и должны сейчас быть тобой запланированы как те, которые в первую очередь надо читать. Если ты сейчас можешь прочитать Библию для детей, то завтра, послезавтра или позже, у тебя, наверное, появится возможность прочесть и Коран, и Талмуд, и книги по истории религии. И ты словно заглянешь в окошко большого дворца, в котором можно увидеть историю, ритуалы, традиции народов мира. Ведь именно так и создавалось искусство — оно обязательно было связано с разнообразными взглядами людей на мир.

Теперь ты знаешь, что надо запланировать в первую очередь. Значит, мы собираем книги по *истории религии*, по *истории цивилизаций*. А что такое цивилизация? Это целая общность, огромная сумма умений человеческих, проявляющаяся во взаимодействии разных профессий, разных специальностей культурного общения между людьми. Цивилизация, кстати, — свидетельство того, что люди развиваются за счет повторов, которые мы обсуждали в прошлой главе.

Дальше нам нужно обязательно познакомиться с книжками замечательного английского писателя Джеймса Фрэзера. Одна из них называется «Золотая ветвь». Эту книгу надо обязательно читать долго и всю жизнь повторять чтение. Она повествует о разных временах и народах, о том, как они видят этот мир, как его понимают. От того, что ты будешь знать о существовании других народов, об их мировоззрении, мировидении, будет многое зависеть в твоей судьбе. Ты посеешь в себе прекрасные зерна любознательности и интереса к миру вообще, если прочитаешь такие книги. Планируя, ты уже создаешь интерес — а ты помнишь, нам надо самим его «посеять», а не ждать, чтобы кто-то в нас заронил эти зерна. Потом будет жатва, позже мы возвратимся еще и еще раз к этим книжкам, перейдем к более сложным исследованиям. Но вначале надо обязательно в общем познакомиться со всеми народами мира, посмотреть мифологические словари, поинтересоваться, хотя бы немножко, как называются эти народы, ничего не зубря на память, никому не сдавая экзамены, а просто чувствуя, что не имеешь права кого-то забыть.

Если мы начнем так планировать свои будущие занятия, то у нас вслед за сделанными уроками появится, конечно же, стремление немножко покопаться в книгах. Очень хорошо, если такие книги есть дома. Но они могут быть в библиотеке или у кого-то из друзей. Теперь ты можешь иначе варьировать свой день: запланируешь поход (спортивную ходьбу или бег) в библиотеку или к приятелю за книгой. Позанимавшись спортом, можно немножко почитать, потом опять

позаниматься спортом (например, сыграть партию в теннис), и опять почитать, «побоксировав» на ринге с Хэммингуэем...

Если у тебя будет большой план на всю жизнь, если ты уже представляешь себя как человека, который много должен почувствовать, узнать и суметь, ты и сегодняшний день будешь планировать иначе. Мы называем это зависимостью жизни от стратегического плана. Кое-кто, наверное, испугался слова «*стратегический*», я знаю. И напрасно. Мальчишкам, которые играли в войну, оно понятно. **Стратегический** — значит рассчитанный на долгое время, **тактический** — рассчитанный на быстрые действия за счет уловок маневренности и т.д. Наш тактический ход заключается в том, что мы постоянно «делаем» интерес, создаем, ваяем его сами. А стратегия будет меняться от того, что сегодня я умею больше, чем вчера. Я все время изменяю свои планы на далекое будущее, потому что позавчера не умел чего-то делать, а сегодня уже научился. Например, когда познакомишься с китайскими иероглифами, захочется почитать китайскую книгу. Стратегия уже меняется, потому что я учу китайский язык и хочу знать его все лучше. А кто-то другой, научившись играть на фортепиано, захочет сыграть сонату Бетховена. А потом он научится, скажем, дирижировать и поставит перед собой новые задачи, захочет поработать с оркестром.

Подобное происходит с нашим внутренним умением — умением думать. Бывают трудные книги, которые нельзя сразу планировать для чтения. Прочитав только первых несколько предложений или даже слов, ты понимаешь, что не можешь одолеть этот текст. К прочтению таких книг иногда надо готовиться много лет. Для того, чтобы тебе была доступна практически любая книга (а это и есть признак того, что ты уже образованный или хотя бы немножко образованный человек), — эту книгу надо стараться читать.

Итак, мы все время настойчиво повторяем: нужно самого себя настроить, нужно самому добыть интерес, стараться исполнять все, что касается твоего будущего. Для этого надо хорошенько его себе представлять. Чтобы оно представлялось все лучше, придется много поработать. Ведь наше будущее зависит от знаний прошлого, от того, что когда-то давным-давно было. В будущее можно прийти, только зная, что было в далеком прошлом.

Нужно устремиться к прошлому — далекому-далекому, доисторическому даже — своей мечтой, своей мыслью. Это, повторяю, делается для того, чтобы у тебя было будущее. Если заниматься много, далекие предки постепенно покажутся все более умными. Древние греки и философы, писатели, которые жили триста, четыреста, пятьсот лет назад, вдруг станут все более и более понятными, окажутся прекрасными собеседниками и помощниками в твоей жизни. Какие-то сомнения и трудности, которые тебя ожидают (а в детстве мы их тоже испытываем в изобилии и обращаемся за помощью к маме), помогут устранить друзья, представленные книгами, в которых изложены их мысли.

Если ты хочешь стать по-настоящему взрослым, нужно не ждать, пока кто-то преподнесет тебе подарок, а самому планировать свои будущие увлеченности. Взрослый человек обязательно должен быть таким. То есть получается, что ты должен в будущем ожидать от себя больших увлечений в каком-то деле. Например, это может быть умение подготовиться и прочесть сложную книгу, умение послушать сложную музыку, понять живопись или архитектуру.

Когда мы умеем делать интерес, пусть даже маленький, совсем-совсем крошечный, то постепенно можем накапливать «крошки» интереса и сделать из такого накопления вывод, куда нас ведет внутренняя одаренность. Так потихонечку мы узнаем, что будет в будущем, и становимся немножечко волшебниками. Если умеешь добывать крохотные интересы из того материала, который изучаешь, становишься предсказателем. Ты уже понимаешь, куда пойдет развитие событий у тебя во внутренней жизни, потому что тебе интересно делать именно так, а не по-другому. Ты наблюдаешь за собой и предсказываешь будущее. Даже то, которое может случиться не только в твоей внутренней жизни, но и во внешней. Кузнец ведь всегда предвидит, если он хороший мастер, куда упадет молоток, и знает, какую вещь он сделает именно из этой заготовки, как изменятся ее свойства, когда он раскалит заготовку в огне. Почему он способен предсказывать будущее? Потому что он *Мастер*.

Значит, мы договорились, что нам надо запланировать постоянный интерес, который можно создать, соединяя маленькие, крохотные интересы. Как добыть эти маленькие — вы уже знаете. Конечно, «ломка игрушки» должна происходить здесь понарошку: я в материале самостоятельно перевожу луч внимания, не сообразуясь с тем, что мне предлагает автор. Книжка — это прекрасно изложенный материал. Мы говорим, что каждый учебник — шедевр, самое лучшее, что создал человек. Но пользуемся им свободно, не зажато, как будто играя. Когда ты зайдешь в церковь и увидишь, как работает во время литургии священник, — тебя охватит не только дух уважения и даже страха, богобоязненности, но и ощущение, что ты наблюдаешь за очень серьезной игрой. Это ритуал — бывает *игра и священная*. Вот такой игрой и надо заниматься, когда мы читаем и планируем будущее.

Знаниями, которые ты приобретаешь, нужно обязательно делиться. Ты уже научился правильно, с интересом заниматься. Расскажи об этом соседу-младшекласснику. Или кому-то из тех ребят, которые еще просто бегают во дворе. Это стоящее дело — научить их правильно работать головами, самостоятельно руководить своими желаниями, интересами, умениями, их формированием. Это тоже надо запланировать. Такое тактическое планирование касается, конечно, ближайших часов, дней, но не забывай и о стратегическом планировании, когда ты станешь взрослым и будешь иметь, возможно, своих детей. Когда планируешь, у тебя появляются мечты, и ты можешь считать их уже немножко исполненными только потому, что подумал об этом. Чем лучше представляешь то, что хочешь сделать (а это и, есть мечта), тем лучше ты начал ее исполнять, тем больше сразу исполнилось мечты.

Мы уже говорили, что существует *тщеславие и честолюбие*. Тщеславие — это, как ты помнишь, утверждение самого себя какого угодно: я сделал, значит, хорошо. А честолюбие — такое ощущение себя, такое отношение к себе, когда ты любишь не себя, не только свое, а предпочитаешь участвовать в утверждении какой-то очень хорошей идеи, дела. И сейчас мы должны связать наши планы с тем, как мы относимся к самим себе, — это значит связать с *нравственностью*. Оказывается, от того, что у меня будет **чистый помысел**, очень сильно зависит успех в работе. Если я намереваюсь что-то сделать с целью кому-то отомстить, «насолить», это дело исполняется хуже. Если я имею добрый помысел, а не злой, мое дело наверняка будет удаваться.

Когда-то, в старину, говорили: *к делу надо приступать, помолясь*. А что такое помолиться? Это вспомнить о чистом, добром, самом прекрасном в мире, о намерении сделать доброе. С таким намерением и надо заниматься. Тогда получится, что и задача решается лучше, и материал запоминается быстрее, хотя ты его и не стремишься запомнить, потому что, оказывается, наши успехи в школе и успехи в жизни связаны с тем, что мы намереваемся делать. Значит, отправляясь на урок, или занимаясь, или только приступая к занятиям, или даже гуляя, ты должен помнить о чистоте помысла, потому что и погулять можно тоже плохо.

Сколько инструментов нужно Мастеру?

А теперь поговорим о том, что нужно делать, чтобы у нас улучшались *инструментальные знания*. Что такое **инструменты**, которые ты держишь в руках? Что такое инструменты, которые ты можешь использовать для того, чтобы достигать результатов в работе? Мы знаем, что инструментами могут быть пила, молоток. Но есть инструменты в переносном смысле. Инструментом может быть французский язык, может быть математика, инструментом может быть мысль, твое движение. Это самые главные инструменты для того, чтобы стать взрослым и умелым, и уважаемым человеком. Их непросто приобрести — они не продаются в магазине, над ними надо работать, их надо шлифовать самому, их надо построить.

Задача твоя и заключается в том, чтобы выбрать, какой инструмент приобрести. Как же это сделать? Для начала надо помнить несколько правил и потом уже ориентироваться самому. Прежде всего, надо знать родной язык и иностранные. Конечно, нужны и физика, и математика, и география, и история, и другие предметы из школьной программы. Правда, в школьной программе учтено не все из того, что тебе надо для будущего. Поэтому мы дополняем свои знания при помощи самообразования. И мы должны всегда, даже когда у нас очень хорошая школьная программа, много заниматься самостоятельно теми предметами, которые в будущем смогут сделать нас воистину взрослыми людьми. Есть люди, взрослые только по виду и по годам, которых называют инфантильными, то есть такими, которые не становятся воистину взрослыми, они думают, как малые дети, и в некоторых вопросах «мелко плавают». Чтобы и ты мелко не плавал в будущем, надо обязательно чем-то интересоваться помимо школьной программы.

Значит, понятие инструментального знания мы можем уже сейчас определить как *инструмент*, при помощи которого можно приобрести другое знание, необходимое, чтобы разобраться в чем-то еще более сложном. Например, чтобы прочитать Шекспира, нужно иметь инструментальное знание под названием английский язык (если Шекспира читать в подлиннике). Чтобы разобраться в современной физике, очень интересном предмете, нам нужно обязательно познакомиться с арифметикой, алгеброй, тригонометрией, геометрией и другими математическими дисциплинами, и они будут играть роль инструментальных знаний. Поэтому если ты захочешь заниматься чем-то, казалось бы, простым, подумай сначала, как подготовиться к этому при помощи других предметов.

Очень важно для современного грамотного человека знать иностранные языки. Их обязательно надо изучать одновременно несколько, тогда они даются намного легче, и работа над ними будет для твоего мозга плодотворнее. Ты начинаешь изучать их так, как будто изучаешь свое собственное мышление. Кроме того, надо помнить, что физика — это тоже язык, потому что физика, в конце концов, занимается смыслами, описаниями смыслов (об этом у П.А.Флоренского есть очень хороший трактат). Важно всегда помнить, что до конца выучить какой бы то ни было предмет невозможно, в том числе и английский язык, и физику, и жизнь, которую можно

рассмотреть тоже как предмет. И если у тебя сейчас есть мыслишка: «Вот возьму и выучу английский язык до конца», сразу с ней распрощайся. Иначе будет хоть маленькая, но трагедия, когда убедишься, что это невозможно. А если внушить себе, что это возможно, трагедия будет еще больше.

Надо идти к совершенству, надо достигать его хоть на один момент, на один миг. Ведь совершенство относительно, оно только тебе и только в эту секунду кажется совершенством, потому что если ты будешь развиваться дальше, увидишь, что есть другое совершенство — как бы другого уровня. Что, кстати, связано с (ты не боишься этого слова?) *диалектикой*. А диалектика — всего-навсего наука, которая раскрывает противоречия. Но ведь весь окружающий мир состоит из противоречий. Оказывается, можно и нужно представлять жизнь, существование, каждый предмет как единство противоположностей.

У китайских мыслителей есть такая фраза: *если свет довести до крайней точки его развития, наступит тьма*. Интересно, правда? Давай мы пока примем это за основу, не очень, может быть, еще понимая, как же темнота превращается в свет и наоборот. Но мы уже должны услышать об этом и узнать о существовании таких мыслей, стараясь с уважением относиться к тем людям, которые думают иначе, чем мы. У каждого из нас внутри есть свой «ручеек» логики, где одно самым непредвиденным образом соединяется с другим, образуя какой-то вывод, какое-то искреннее чувство с сотней нюансов и оттенков, свойственное только мне. Когда ты говоришь: «Мне это нравится» или «Мне это не нравится», ты подчиняешься закону своей логики, порождаемой твоими искренними, настоящими ощущениями, которые сейчас имеешь.

Научиться испытывать *нарочитое* удовольствие от осознания, собственного *думания* — очень важная вещь для автодидакта. Приятно иногда сесть на солнышке и подумать. Правда ведь, приятно? Но многие считают это нерациональной тратой времени. Так что ж получается? Когда ты мечтаешь, ты не думаешь, не растешь умственно? Наверное, все-таки, наоборот. Если ты не мечтаешь, ты уже не талантливый человек, потому что в этот момент не думаешь. А думаем мы воистину только тогда, когда мечтаем. Мечта должна быть конкретной, а, значит, определенной. Мечта тогда хороша, когда меня что-то поразило, и я стараюсь подражать *духовному образцу*.

Что такое *образец*? Это пример. Что такое *духовный*? Это значит — не связанный с физическим, с телом, тот, который охватывает меня всего и обволакивает удивительным высоким чувством, обязательно связанным с мыслью. Следовательно, когда я составляю сейчас план на будущее, я испытываю, наверное, удовольствие от того, что мечтаю, и об этом удовольствии надо помнить, надо специально сесть иногда перец тем, как заняться уроками, и помечтать. Как помечтать? Конкретно вспоминая тот духовный образец, который есть, и ты получишь настройку, у тебя будет чище помыслы, значит, все получится намного лучше.

С самого раннего детства мы занимаемся, сами того не зная, *философией*, наукой о мудрости. Если ты скажешь что-нибудь остроумное, тебя хвалят родители и ты испытываешь гордость. А что такое «остроумное» на взгляд родителей? Это значит, что ты сделал какой-то вывод, сделал какую-то находку в удивительной области — области мысли. Взрослые говорят: «Как смешно, замечательно сказал ребенок!» Они хвалят за то, что было проявлением мышления, за своеобразную философскую находку — ты думаешь, сочетаешь друг с другом какие-то знания, выраженные словами, и видишь смысл в этом сочетании. Философия, которой занимаются очень взрослые дяди и тети, которых называют философами, ни чем не отличается, в принципе, от того, что ты умеешь делать с самого раннего детства. Это поиск правды взаимоотношений тебя с другими, с миром, который тебя окружает. Но у взрослых он проводится с использованием особых слов, терминов, за каждым из которых стоят целые страницы текста, а иногда даже века работы. И чтобы по-настоящему понимать философию, эти термины нужно хорошенечко знать.

Для чего нам нужна философия? Чтобы жить. Мы, так или иначе, даже не читая философские произведения, все равно используем ту или иную философию. Поэтому мы с тобой должны подготовиться к большой работе в этой области. Далеко не все, конечно, станут профессиональными философами. Но наметить на будущее чтение философских книжек нужно обязательно. Это произведения и Канта, и Гегеля, и Лао Цзы, и других умных людей, проще говоря, мудрецов всего мира. Они написаны непросто, но, может быть, в этой непростоте и содержится, как ни странно, наивысшая простота, наивысшая мудрость. Они сложны для тех, может быть, кто не знает терминов. А когда термины знаешь, когда знаешь условные знаки философской «тайнописи», начинаешь хорошо понимать эту высшую мудрость.

Есть еще одно правило, которое пригодится нам в нашем разговоре об инструментах — правило *заполнения пробелов*. Что такое пробел? Незаполненное место. В нашей голове удерживается много знания, но есть много и пустых мест, пробелов: одного не знаем, другого не ведаем. А в результате получается недостаточное знание жизни. Пробелы нужно заполнять, потому что, честно говоря, пробел существует для того, чтобы ты его заполнил. Не кто-то за нас заполнил — не учительница, не мама, не папа, не дедушка, не бабушка... Только мы сами можем и должны делать это.

Если ты хочешь по-настоящему взяться за дело, записывай названия книжек, которые планируешь прочитать через год, через месяц, через десять лет, через пятнадцать-двадцать лет. Почему бы не делать по-настоящему план своей жизни? Кстати, когда такой план есть, и ты его исполняешь, жизнь течет по-другому, чем раньше. Если школьнику вначале трудно его составить, можно посоветоваться со старшими, со своими друзьями, поделиться с ними своими мечтами и желаниями что-то сделать, что-то осуществить, познакомиться с лучшими произведениями. Запись названий книг надо проводить не от случая к случаю, а регулярно. Список, который у тебя получится, издавна называется на латинском языке «*легенда либри*», что в переводе значит «*список книг*». Но когда мы говорим так по-латыни, то имеем

в виду список не любых книг, а тех, которые нужно обязательно прочесть, с которыми надо обязательно познакомиться.

Теперь мы знаем немножко и о философии, и о том, как надо заниматься, но это «немножко» было бы чересчур мало, если бы мы не добавили еще: бывает философия древняя, а бывает философия новая, бывают умные люди, которые живут сегодня, и есть те, которые уже давным-давно умерли, но мы можем прочитать их сочинения. И если ты услышишь имена Платона, Сократа, Аристотеля, Марка Аврелия, Эпиктета, Боэция, Сенеки и многих-многих других, то это значит, что ты услышал имена *отцов* современной философии. Но труды современных философов очень часто напечатаны на иностранных языках. Потому запланируй себе через двадцать лет или через пятнадцать, или через пять (тут уж смотри сам!) читать такие произведения на иностранном языке. Почему же нельзя научиться читать на иностранном языке самому при той технике, которая у нас есть сегодня, когда ты можешь дома слушать лингафонные записи, когда можешь иметь в своем распоряжении самую современную методику изучения языка, когда живая речь на этом языке звучит и по радио, и по телевизору?!

Мы говорили с тобой сейчас об общих намерениях автодидакта. Общие намерения — это значит и мечты, которые должны стать действительностью: ты намереваешься прожить — жизнь так, а не иначе. План меняется (тебе это уже известно) в зависимости от того, что ты умеешь. Твои намерения должны тоже, следовательно, меняться, становиться смелее. Поэтому надо работать над навыком, над мастерством и менять какой-то большой общий план.

Мы знаем прекрасно, что сказка — это сказка, а правда — это правда. Но дело в том, что в сказке очень много правды. Если говорить честно, то сказка, которая в тебе — сказка-переживание, сказка-чувство, — это истина, это самая правдивая правда. Ты переживаешь из-за того, что волк проглотил Красную Шапочку или бабушку? И получается, что нереальная сказка рождает совершенно *реальные* чувства у тебя. Что такое реальное? Это настоящее, взаправдашнее. И выходит, что сказка в этом смысле — очень реальная вещь. А поскольку мы всю жизнь будем беречь воспоминания о детстве, то любовь к сказкам окажется в нас неискоренимой. И мы будем читать сказки для взрослых. А что это за сказки? Это и есть философия и ее самое высокое выражение — поэзия.

Если ты не отвыкнешь общаться с собой, если будешь уважать в себе свои чувства, переживания, обязательно научишься читать настоящую поэзию. Чтобы научиться ее читать, чтобы тебе поддавался смысл поэзии, нужно пользоваться словарями, пользоваться, комментариями, знать историю, иметь много других инструментальных знаний. Самое главное пока — не пропускать незнакомых слов. Допускать их в свой обиход надо только тогда, когда ты много раз посмотрел в словарь. И не увлекайся записыванием:

один раз, может быть, и надо было бы записать, но лучше очень часто смотреть в словарь. Ты физически приближаешься к словарю, берешь его, смотришь, снова

кладешь на место. Забыл слово — опять берешь. И не ругай себя, что не запоминаешь. Запоминать должен не твой ум, а весь твой организм, которому это необходимо. Если ты действительно видишь, осознаешь необходимость общаться со стихотворением, или с музыкой, или с чем-то таким, что сразу вроде и непонятно, то все запомнится обязательно, потому что это нужно тебе, потому что это волнует тебя и доставляет много удовольствия.

Бывает, что настойчивость в преодолении трудностей приводит человека к успеху быстрее, чем он ожидал. Но мы должны в данном случае, конечно, учитывать и то, что есть настойчивость, которая как бы входит в противоречие с нашим желанием. Поэтому желание должно быть организовано тобой: надо взять и сначала сделать желание, а когда оно будет — благородное, настоящее, не тщеславное, у тебя появится настойчивость. Но не наоборот. Сила воли как раз и заключается в том, чтобы подчиняться своему главному желанию, которое ты выверил, которое благородно, а потом ты уже исполняешь все, что нужно, преодолевая другие маленькие нежелания. Тебе гораздо легче их преодолеть оттого, что у тебя есть общее, огромное желание что-то сделать, которое ты, как мы уже говорили, актуализируешь, связываешь с интересом — очень маленьким, крохотным, можно сказать.

Итак, каждому из нас положено наблюдать за нашими отношениями с самим собой. Сколько в тебе содержится радости, сколько печали, сколько других чувств и их оттенков, ты должен знать сам. Даже будучи еще не взрослым человеком, ты можешь определять, отдавать себе отчет, что то или иное психическое состояние, состояние души, тебе помогает заниматься или, наоборот, мешает. От твоих наблюдений будет очень много зависеть. Поэтому планируй на будущее умение пользоваться своими состояниями, которые добываешь. Добывать их, как известно, можно многими способами, и об этом мы поговорим позже.

Способы ускорения в обучении, или Как спешить не спеша

Мы всегда стремимся сделать все толково, или, как говорят ученые, рационально. Если делать что-то бестолково, например, кататься на коньках, можно упасть, правда? Если бестолково ходить по улице, можно даже попасть под машину и погибнуть. Другими словами, *бестолковое деяние наказуемо*. Неосновательность, бестолковость приводят к тому, что гибнешь ты или гибнет твое дело и ты приносишь несчастье себе и своим близким. Поэтому стоит использовать очень простое правило: *если я за что-то берусь, я обязательно должен делать это основательно*. Или никак не делать. Но никак не делать нельзя, потому что ты просто не сможешь существовать. И — получается, что выход у нас один — делать то, чем мы занимаемся, только основательно, или толково.

Да, хорошие дела делаются медленно. Но эта медленность отличается от той, которая бывает на долгостроях, где строят много лет не потому, что строят основательно, а потому что своевременно не подвозят кирпичей или цемента, не присылают рабочих нужных специальностей, правильно не используют технику и т.д. Мы обязательно должны запомнить: есть две «медленности». Если ты хочешь сделать что-то основательно, будешь прорабатывать много деталей и получится вроде долго. Но вместе с тем и быстро, потому что ты каждую секунду, которая была заполнена работой, делал все правильно. И твои действия будут складываться в одно огромное и очень сложное действие.

Но сейчас мы с тобой рассмотрим немного другой подход к делу. Как ты поступаешь всегда, когда садишься делать уроки? Ты наблюдаешь за учебником больше, чем за тем, что в тебе от него остается. Смотришь в учебник, рассматриваешь текст-картинку, и все это получается у тебя автоматически. Ты больше видишь внешнего, и тобой не овладевает интерес к тому, что творится *в тебе самом*. А как раз этим и надо заниматься — все время наблюдать за собой после того, как что-то увидел, что-то воспринял. И тогда ты сможешь добиться гораздо больших успехов.

...На озеро сели дикие птицы. Случайно они занесли семена водорослей, каких здесь раньше не было. Водоросли начали потихоньку размножаться. И вот какую особенность мы замечаем при этом: за первые девяносто пять дней (95!), это происходит настолько медленно, что заметить какие-либо изменения может только наблюдатель-биолог, за следующие три-четыре дня — пруд зарастает на треть или даже наполовину, а за последний (100-й) день от засеянных в него «сорняков» водоем делается совершенно неузнаваемым.

Накопление знаний подчиняется этому же закону — **закону экспоненциальности**. Конечно, все случается не сразу. Конечно, нужно запастись терпением. Поэтому *толковость, рациональность подхода к занятиям повысится, если ты будешь делить работу на **стадии***. Стадии — это определенные отрывки работы: первый

отрезок работы над твоим умением, над твоим взрослением, второй отрезок работы, третий... Таких стадий мы определили пять. О них и поговорим.

В **первой стадии** мы можем требовать от себя много или мало. Конечно, наши требования должны касаться, прежде всего, основательности, то есть внимания к тому, что я делаю. Мы знаем, как сосредоточивать внимание: нужно переводить лучик внимания с одного фрагмента, с одной части работы на другую. И пользуясь этим лучиком, мы можем концентрировать внимание на какой-то части работы столько, сколько нам нужно. Ведь эту часть можно дробить все мельче и мельче, — тогда тебе удастся не терять контакт с материалом, все время чувствовать его. Первая стадия должна только на этом и держаться: больше никаких требований предъявлять к себе нельзя.

Мы уже проходили понятие-термин «уровень притязаний». На первой стадии этот уровень должен быть нулевым с точки зрения мастерства. Я просто знакомлюсь с материалом и не говорю себе: «Сякой-такой, выучи, запомни!» Нет, таких требований к себе я не предъявляю, не стараюсь во что бы то ни стало запомнить и не имею намерений получить навык или какое-то умение сразу. Мне нужно только лишь разобраться в материале. По этому поводу у нас есть правило: *никогда не старайся добиться от себя мастерства сразу*. Мастером становятся только за счет очень большой работы, и первая стадия нашего труда, первый отрезок работы по приобретению мастерства ни в коем случае не должен быть связан с кавалерийским наскоком. Ничего молниеносного в приобретении знаний не бывает мы обязательно должны помнить об этом.

Если пользоваться лингвистической (языковой) моделью (мы это уже обсуждали), на **первой стадии** мы занимаемся *звукодвижением*. стараемся разобраться, как у нас работает речевой аппарат, как двигается язык, откуда он начинает движение для того, чтобы добыть определенный звук — например, французский «м», или русский «м», или украинский, английский и так далее. У нас есть фокусировки, у нас есть все, что организует работу нашего речевого аппарата, делает ее осмысленной и подконтрольной. Значит, можно просто следить за ней и не переоценивать свои намерения: мы их занизили в первой стадии до нуля.

Во **второй стадии** наши намерения чуть выше, конечно. Почему? Потому что мы уже кое-что умеем. Это «кое-что» — звукодвижение. Когда я вижу, что у меня свободно получаются звуки и фокусировки на разных языках (так же точно и в любом другом деле: все начинается с мельчайшей составной части), то перехожу к *словодвижению*. Слово можно произносить, пока не предъявляя к себе слишком больших требований: ты — только начинающий, ты — во второй стадии работы. Важно ощущать, что у тебя **получаются** какие-то слова, исполняются тобой легко и свободно, то есть напряжения твоих мыслей, твоего речевого аппарата по этому поводу **целесообразны**. (Ты совершаешь каждое движение именно с тем напряжением, которое нужно, чтобы получилось слово, получилось движение, и тогда начинаешь развивать свое мастерство дальше.) Какие здесь нужно

предъявлять требования к себе? Очень простые: если у меня есть «провалы» — ничего страшного, они могут быть, я же тренируюсь. А тренировка обязательно устранил эти провалы, и ты перейдешь в третью стадию.

Третья стадия — тренировка не одного слова, а нескольких слов вместе, чтобы получить *пассаж*. Если ты уже умеешь немножко играть на фортепиано или, серьезно и давно занимаясь, научился играть хорошо, ты, скорее всего, знаешь, что такое пассаж. Пассаж — это много звукодвижений, много музыкальных фраз (а они соответствуют словодвижениям). Пассаж получается только тогда, когда в запасе есть уже много словодвижений, несколько хотя бы. Можно исполнить его с блеском, а можно и плохо. Чтобы ты понимал; что в третьей стадии свобода твоя, настроение зависят от твоих же требований к себе, мы еще раз подчеркиваем: не бойся думать о себе как не об идеальном мастере. Ты еще не мастер, «провалы» могут быть и здесь, потому что ты изучаешь пассаж. Но зато отдельные слова должны очень редко получаться с провалами. Ты постепенно становишься все более умелым человеком.

Если продолжать использовать для иллюстрации лингвистическую модель, можно сказать, что неполное понимание смысла текста на третьей стадии работы нормально.

Потихонечку нам захочется перейти в **четвертую стадию**. Почему? Потому что у нас появится возможность одновременно понимать текст и воспроизводить его. Ты исполняешь текст и синхронно понимаешь его — это и есть признак того, что ты уже в четвертой стадии развития своего мастерства. Но еще не в пятой, потому что в работе опять есть «провалы». И я не мучаю себя, а продолжаю работать над материалом, много работаю, и тогда, в конце концов, достигаю более высокого уровня, когда «Провалы» становятся очень редкими.

Только на **пятой стадии** я могу предъявить к себе жесткие требования: понимать целиком любой текст, даже самый сложный.

Делить работу на стадии очень важно. Теперь, когда мы немножко научились смотреть на себя со стороны, чувствовать, понимать, что в нас происходит, надо научиться использовать в работе знания о себе и никогда не заниматься насилием. Наверное, было бы очень плохо, если бы педагог взял да и побил тебя розгами, правда? А ведь в тебе, где-то внутри, тоже есть ученик — слушающий тебя, подчиняющийся тебе. Его очень легко обидеть. Этот внутренний человек требует такого же бережного отношения к себе, как и ты требуешь от педагога, от учителя в школе. Значит, ты становишься сам себе учителем, сам себе директором школы, и занимаешься собой так, как хотел бы, чтобы с тобой, внешним, занимались педагоги, учителя, директор школы. То есть ты относишься к своему внутреннему миру бережно и внимательно, не занимаясь насилием, не избивая розгами внутреннего ученика. Если ты видишь, что ему неинтересно, ты же для него учитель, ты для него должен создать все условия.

Если можешь посмотреть на себя как бы со стороны, увидеть в себе другого человека, ты как бы раздваиваешься. Это прекрасное раздвоение. Особенно если настроить сначала «правый мозг», потом быстро-быстро переключиться на обдумывание «левым», то, может быть, сумеешь поймать такое состояние, когда вдруг открывается все, что всплывает в мыслях. Это состояние называется, как ты уже знаешь, *медитацией*. Именно в состоянии медитации человек наилучшим образом проявляется как личность. Поэтому надо побольше думать над тем, что в тебе есть, в состоянии такой настройки. А для того, чтобы это проходило успешнее, не надо отвлекаться во время работы над учебным материалом. Всегда, когда ты учишься, можно найти момент, чтобы переключиться в поисках интереса с одного материала на другой, — пусть эта секунда станет для тебя своеобразным оазисом (так называется место в пустыне, где можно напиться воды и спрятаться от жары в тени ветвистых деревьев). А в результате ты вдруг — раз — и отдохнул.

Есть такое слово — «*успеваемость*». Давай его разберем. Оно произошло от глагола «*успеть*». Если я успеваю, значит, от чего-то не отстаю. Так от кого и от чего я не должен отставать, чтобы успевать? А от самого себя, который может, способен дорасти до Мастера. Я должен успевать, прежде всего, не в смысле не отставать от других, а поспевать за своими возрастающими потребностями — должен не отставать от физического уровня развития, должен развивать свой мозг. В школе говорят: «неуспевающий ученик» и считают, что быть таким позорно, потому что именно в неуспевающем ученике растет бездельник.

Нам нужно сделать все, чтобы научиться успевать, чтобы делать основательно, быстро и умело те дела, которые надо осуществлять, исполнять для успешного согласования меня думающего со мной тем, который всего лишь ест, спит и предается организменным наслаждениям. Эти два уровня нашей жизни, два вида жизни, надо тоже иметь в виду. Бывает, кто-то прекрасно себя чувствует, когда поест, но очень плохо — на уроке. Почему это происходит? Да потому, что в организме человека все время образуются самые разные вещества, одно из них называется *серотонин* — фермент (читай: инструмент!) хорошего настроения. А во время занятий должен выделяться другой фермент в организме, который тоже создает хорошее настроение, но уже по другой причине — не потому, что ты хорошо поел, не по «желудочным основаниям», а потому что ты до чего-то додумался. Это вещество называется *эндогенный опиат* (о нем мы уже вспоминали). «*Эндогенный*» — тот, который рождается в тебе. Слово «*опиат*» указывает на его связь с опиумом, наркотиком.

Вы, наверное, слышали о наркоманах — людях, которые принимают различные вещества (наркотики), чтобы создать в себе хорошее настроение. Они получают удовольствие от того, что у них в мозгу возникают всякие приятные картины, но вскоре начинают зависеть от наркотика, как пьяница от водки, их организм все больше разрушается, да и личность тоже. Такой человек уничтожает себя сам и ломает жизни многих близких людей. Наверное, он даже не догадывается, что его организм может сам выделять вещества, которые вызывают появление в мозгу

приятных картин, новых образов, создают ощущение подъема, радости. О такой награде позаботился сам Господь Бог. Но чтобы получить ее, надо хорошо творчески потрудиться, до чего-то додуматься.

Значит, чтобы хорошо жить, необходимо не только заниматься спортом и питаться, но и делать открытия, чтобы у тебя в организме все время были два этих вещества. Человек обязательно должен делать умственные открытия. Если он не додумывается до чего-то за день сто раз, или десять, или пятнадцать, то плохо живет. Так и скажи и папе, и маме: «Я сегодня еще ни до чего не додумался, очень плохо себя чувствую». А когда додумаешься, говори: «Я вот додумался и чувствую себя прекрасно». И это будет правда, потому что человек получает такую награду, когда сделал хоть маленькое открытие. И только тогда действительно чувствует себя лучше.

Мы можем выяснить сейчас и *причины замедления нашего умственного роста*, нашей работы. Ученик, который учится в школе, или дошкольник, который ходит в детский сад, очень много работают. Они работают столько же, сколько и взрослые, а, может быть, и больше. Некоторые ученые так и считают, что рабочий день у дошкольника гораздо длиннее, чем у взрослых. Мы успеваем в дошкольном периоде сделать очень много, например, научиться ходить, бегать, говорить. В школе учимся другим, тоже очень важным делам — писать, читать. Но это полдела, надо еще по-настоящему научиться читать — на другом, более высоком уровне, и это надо запланировать, чтобы потом понять сложные книги. К этому мы и идем. А если идем достаточно быстро, то за одну жизнь успеваем дойти, а если слишком медленно, то нет. Получается, что нам нужно еще несколько жизней. Но нам дана только одна, вот в этом виде. И можешь не успеть дойти до своего прекрасного, допустим, озера, до прекрасной вершины, потому что идешь медленно.

Что нужно делать, чтобы идти достаточно быстро? Прежде всего — *делить работу на стадии* и на каждой предъявлять к себе требования, соответствующие именно этому отрезку работы, от чего, кстати, скорость будет, безусловно, увеличиваться. А чтобы она не снижалась, никогда нельзя превышать требовательность к себе — выбрось розги, хватит бить себя. Что ты делаешь, когда говоришь: «Надо выучить уроки!»? Ты преодолеваешь себя, а надо сначала захотеть выучить уроки. Ты знаешь, как все организовать, чтобы возник интерес, — тогда будет желание. Видишь, ты сдобой помирился, ты с собой уже не ссоришься, здорово, что ты так хорошо все понимаешь теперь.

Еще одной причиной замедления может быть *недостаточность погружения в материал*. А как надо, помнишь? Двадцать раз подойти к учебнику, «перебить» себя, чтоб не выгорел интерес, отойти к другой книге или посмотреть другой абзац в учебнике, потом вернуться снова. Так и получится, что ты подойдешь двадцать раз. Конечно, такое занятие должно быть довольно продолжительным, чтобы тебе стало приятно об этом вспоминать: как я наработался! Если ты недостаточно погружаешься в материал, если нет приятного ощущения: «Ах, как я здорово

начитался, как здорово натренировался», — все замедляется. Человек должен испытывать удовлетворение прожитым днем именно по той причине, что он *наработался*. Каждый из нас, наверное, знает, как приятно спать, когда набегаясь, — подобное ощущение должно быть и от мозговой работы тоже. Нужно не только «набегаться», а и «надуматься»!

Отсутствие перерыва в работе и отсутствие перерывов в отношении с учебниками тоже может привести к замедлению работы. Если ты забыл отложить куда-нибудь подальше учебник, который надоел, ты опять замедлишь работу. Надо следить за собой, нужно всматриваться в свое настроение, а иногда объяснять маме, что тебе этот учебник надоел, но всегда понимать, что при этом ты не предъявляешь маме никаких претензий, а просто честно сообщаем о том, что тебе нужно было бы сейчас пообщаться с другим учебником. Если такой возможности нет, можешь кратковременно, хотя бы на вечер, спрятать этот учебник, а утром вернуться к нему. Или сделать нечто подобное. *Нужно* быть изобретательным, нужно придумывать. Главное, чтобы ты уважал внутреннего ученика в себе, и тогда придумается. Можно и вместе со взрослыми придумать, обсудив этот вопрос.

Что еще служит причиной замедления, то есть неуспевания, неуспеваемости? Это *неосознание того, что надо убыстрять темп работы*. Надо как бы опережать события, пытаться чуть-чуть забежать вперед, заглянуть, а что за материал впереди, иногда и всю книжку сразу просмотреть, познакомиться с ней. Это не значит, что надо выучить, нет, но название глав прочитать, увидеть маршрут, по которому дальше придется идти просто необходимо,

А теперь давай посмотрим по-другому на нашу работу: она должна доставлять радость, доставлять удовольствие, даже быть источником веселья. Если ты невеселый, когда исполняешь ее, наверное, делаешь что-то неправильно. Человек просто не может не испытывать чувства радости, не быть веселым, когда творит. Даже если поэт занимается трагической темой, он испытывает — это называется парадоксом — радость удовлетворения своей работой, потому что он мастерски ее выполнил.

А сейчас давай разберемся в радостях, которые нам доставляет работа. Первая — *радость познания*, вторая — *радость узнавания*. Мне очень приятно постигать новое — и это называется радостью познания. И мне очень приятно узнавать знакомое. Это все равно, что встретить друга, приятеля, соседа. Летом ты вдруг сталкиваешься в другом городе с девчонкой из параллельного класса: «Здравствуй! — говоришь. — Я тебя узнал, ты учишься в соседнем классе!» Она будет для тебя почти как родственница, потому что ты ее узнал. Вот такая радость узнавания должна цениться во время занятий. Ее даже надо организовывать. Как? Мы уже с тобой практически знаем: обязательно делать побочные открытия, забегать вперед, все время понемногу знакомиться с материалом, который окружает твой учебный материал, смотреть дополнительную литературу и разные другие книги, которые

помогут тебе достать взрослые (потом ты сам научишься добывать в библиотеке эти книги и будешь все время доставлять себе радость).

Достижения твои должны быть организованы на том уровне, который мы называем ежедневным, или тактическим. Сегодняшние твои успехи, например, могут заключаться в том, что ты научился какому-то одному, двум, трем или десятку движений в той стадии, в которой находишься: то ли это звукодвижение — элементарное, очень маленькое, то ли движение более сложное, то ли уже сумма движений, пассаж. Исполнять эти движения надо обязательно с заниженными требованиями к качеству их исполнения, в том смысле, что ты можешь исполнять их довольно четко, но в чем-то разрешать «провалы», ведь ты находишься пока еще в предыдущей стадии, в которой нельзя превышать требований, ей соответствующих. И так все время. Ты постоянно снимаешь психические напряжения, «не грызешь» себя, не бьешь воображаемыми розгами: «Вот тебе, вот тебе за то, что у тебя не получается!» Ты просто повторяешь, давая себе задание немножечко ниже.

Не забывай о правиле завышения далеких, стратегических задач и занижения близких, тактических, — и будешь не перенапряженным человеком. А когда у тебя все получится легко на этом, заниженном немножко, уровне, он сам поднимется, как травка, вырастет, дорастет. А если ты возьмешь упражнение, которое еще не можешь выполнить свободно, у тебя вместо радости в душе тут же поселится грусть-печаль. Хорошенькая творческая работа! Естественно, нам это не нужно. Нам нужна радость, и мы ее должны таким образом и выращивать. Кроме того, необходимо обязательно следить за развитием у нас внутри навыка, связанного с движениями, с мыслями. Мы можем внезапно почувствовать, что какое-то движение, допустим, в аэробике, вдруг выходит легко, связывается с другим. Такое ощущение готовности, сформированности движения мы ощущаем в себе, словно *щелчок*: как бы щелкнуло что-то и прошло. На душе становится свободно, ты вдруг понял, что добился определенного уровня, невысокого пока, но уже мастерства, перешел в другую стадию его развития.

Известные нам пять стадий все время повторяются — каждый раз на новом уровне. До бесконечности. Ты перешел из подмастерьев в качество первичного мастера? Замечательно. Начнем заниматься дальше: и снова пять стадий, и снова приходит, но уже более высокое, мастерство. Вся эта сумма стадий называется *макростадией*.

Как сжать время, чтобы не продула скука

А теперь мы должны научиться правильно *считать время*, которое затрачиваем на занятия. Во-первых, вспомним, сколько времени ты занимаешься иностранным языком? Предположим, три года. Давай теперь посчитаем это время так, как предлагает наша автодидактика. Ты что, не спал, не ел три года, а только занимался? Нет. Значит, отнимем примерно половину срока на сон и еду. Что ты еще делал? Целый день только и знал, что занимался иностранным? Нет же, правда? Где-то час-два посвящал этим занятиям. Отнимем еще год. А теперь отнимем те минуты, когда во время занятий английским ты не думал о нем, хотя перед тобой был учебник и ты сидел на уроке. Получается, что нужно отнять очень много часов, минут, секунд. Когда мы будем заниматься честной оценкой потраченного на, английский времени, получим очень маленькую цифру. Это примерно двадцать-тридцать, может, быть, сорок часов чистого времени.

А как мы определяем это время? При помощи актуализации интереса: если тебе было интересно в тот момент, все в порядке — это и было время, которое воистину твое, потраченное на занятия. Если интереса не было, и ты помнил о времени, значит, тебе было скучно. Время только тогда является настоящим человеческим временем, когда мы забываем о нем, когда мы счастливы. «Счастливые часов не наблюдают», — сказал Александр Сергеевич Грибоедов, именно потому что им, счастливым, не скучно. Какими бы мы ни были усидчивыми, эта усидчивость никуда не годится, если мы сидим, скучая. Мало взять учебник и сесть заниматься, нужно сделать так, чтобы тебе было интересно. Ты уже знаешь, как это делать, и ни к кому не имеешь претензий, знаешь, как раздробить материал, как переместить луч внимания, как обращаться с самим собой, как быть учителем для самого себя и директором собственной внутренней школы.

Теперь мы должны сделать еще одно дело — выбрать *воображаемого лидера*. Он может быть нами придуман. Пусть это будет отчасти, например, Петр Ильич Чайковский, великий русский композитор, отчасти Александр Сергеевич Пушкин, а отчасти знакомый десятиклассник, который нам очень нравится, которому мы подражаем. Пусть это будет сборный образ, составной. Наш воображаемый лидер — чаще всего и есть составной человек, мы сами придумываем его и считаем своим духовным образцом, постоянно сравнивая себя с ним и как бы соревнуясь с самим собой, но только не со своими друзьями. Я имею в виду, конечно, соревнование в духовной области, а не на спортивной площадке — там надо реально бежать наперегонки. В своих знаниях мы соревнуемся только сами с собой: вот позавчера я знал мало, сегодня по этому поводу я кое-что узнал, прочитал, исполнил правило заполнения *лакуны* (то есть пробела в знаниях): если лакуна есть, ее надо заполнить.

Пробел создан именно для того, чтобы его заполнять. Утром рано, когда мы просыпаемся, намечаем себе посмотреть в словаре нужное слово. «А где такой словарь есть? — думаем мы. — Ба-а, вот в такой-то библиотеке». Единственное, о чем нужно спрашивать взрослого человека, как добраться в эту библиотеку. Все

остальное узнаем сами, тогда раньше станем самостоятельными, быстрее повзрослеем и по-настоящему научимся делать многие дела. А это большая радость — быть самостоятельным.

Еще нам с тобой нужно обязательно обострить *чувство потерянного времени*. От этого ты испытываешь сначала много грусти, печали и даже горечи, а потом — огромную радость, если будешь знать, что больше не теряешь времени даром. Считай потерянным то время, которое потрачено не на придумывание чего-то прекрасного, не на рисование того, что тебе представляется сейчас самым важным в мире, а просто на бесплодное вождение карандашом по бумаге, бездумное пересыпание песка на пляже. Каждая твоя минута должна быть посвящена творчеству. Даже развлекаться и отдыхать можно творчески, помогая своему основному занятию и своему мастерству. Можно организовать все таким образом, чтобы ты постоянно чувствовал свой рост и успел за одну жизнь много-много сделать.

Важно помнить и о *внутреннем покое*. Чем лучше мы умеем сосредоточиваться на чем-либо, тем в нас его больше. Тренеры, мастера восточного спорта, который называется каратэ (а это и борьба, и философская система одновременно), говорят так: в самый разгар боя ты должен чувствовать, что ***твоя душа спокойна и напоминает гладь озера в безветренную погоду, в которой отражается небо***. А когда «внутреннее озеро» бывает спокойным? Только когда ты сам настроишься на внимательное и даже любовное, нежное отношение к чему-либо. В этом разгадка истинного, настоящего спокойствия твоей жизни, твоего спокойного сна и даже здоровья, в конце концов. Именно тогда не будет скуки, которая порождает разные болезни.

Если мы хотим быть спокойными, надо умело и много работать, получать удовлетворение от работы. Это тоже наше «питание». Но я не имею в виду работу, которую обычно называют механической, работу, которая тебя же и уводит куда-то. Допустим, сидит какой-нибудь Миша в классе, но с нашей точки зрения его здесь нет — он гуляет в мечтах далеко отсюда. Вот Миша и заболевает. Кто-то подумает, что он на сквозняке посидел. А Мишу просто «продула» скука! И беспокойство, которое в нем есть, конечно же, от нее. Чаше всего она и бывает причиной понижения сопротивляемости организма.

Разве можно жить вне радости, в вечной несвободе, тем более, что у каждого человека есть *рефлекс свободы*. Покой можно приобрести только тогда, когда ты все время сам ищешь интерес и находишь его в тот момент, когда тебе нужно. Для этого мы дробим материал, все время сами делаем его фрагментарным, то есть делим на «кусочки», и путешествуем по ним своим вниманием. Это закаляет нас, приводит к высшим ступеням мастерства в мышлении и, в конце концов, к успехам в жизни. Оказывается, спокойно жить — это жить интересно. Попробуй спокойно жить, бездельничая, ты же будешь обязательно тревожным. Надо уметь так работать,

чтобы эта работа была настоящей трудовой деятельностью, от которой испытываешь радость.

Мы уже знаем — внутри нас есть человек, которого надо уважать. И мы ничего не станем делать теперь против той природы, которая в нас. Будем делать все по справедливости и постоянно прислушиваться к тому человеку, который в нас иногда хочет сделать не то, что вроде бы сейчас надо. Интересно все-таки, а что же на самом деле он сейчас собой представляет. То есть, другими словами, что же чувствую я сам в этот момент, в этот миг. И каждый раз надо стараться словами назвать то, что ты сейчас чувствуешь, печально тебе или радостно. А еще стремиться понять, почему это происходит, разобраться в себе, увидеть себя взаимосвязанным с предметами, с явлениями, назвать точно и предметы, которые на тебя влияют, и явления, и все другое поименовать, как мы говорим. Это очень важно.

Теперь, пожалуй, пора поговорить о *быте*. Что такое быт? Это то, что ты когда-то давно изучал, а потом забыл. Ты ползал — и пол, ножки стола и стула, коврик стали твоим миром, ты изучал его, как астрономы небо. А потом привык, и этот мир стал скучным. Тебе захотелось на улицу. На улице ты изучал двор, маршрут, по которому тебя катали на коляске, водили за руку, чтобы ты не упал, делая первые шаги. И вот все, что ты изучил, превращается в быт, в котором ты живешь, от которого ты зависишь, потому что на этих дорожках обязательно встретишь своих друзей, по этим дорожкам пойдешь в магазин, в школу и будешь ходить много-много раз. И это привычное станет тебе надоедать.

Быт, как говорят взрослые, заедает нас, словно серый волк. Твоя задача — сделать быт таким, чтобы он стал другом, тоже превратился в источник радости. А для этого надо подходить к предмету с разных сторон, быть философичным, сравнивать, мысленно поворачивать вазу, чтобы она становилась для нас другой. Все нужно делать каждый раз по-другому: немножко иначе чистить зубы, немножко иначе брать стакан с чаем. Подумай, проанализируй, поиспытывай, как это лучше сделать, посмотри на себя со стороны, осознай, что сегодня день, которого еще никогда не было в истории и больше уже не будет.

В жизни все неповторимо всегда, значит, и в быту неповторимо. А мы начинаем скучать, потому что становимся, честно говоря, немыслящими какими-то, и если быть резким, то можно сказать, наверное, и глупыми, потому что не видим в быту того, что все время творится так же, как в Космосе. *Есть то, что будет общим и для неба, на котором звезды, и для пола, на котором пыль: везде творится Бытие, всегда загадочная жизнь. И надо рассматривать быт как возможность увидеть Бытие, превращая быт в Бытие.*

Вот какую мы можем испытать радость благодаря тому, что иначе посмотрим на повседневную жизнь. И такой подход тоже увеличит скорость нашего роста. Кроме того, можно связать это с нашим актуализированным интересом и понять, что, если

мы очень увлечены каким-то делом, то быт, естественно, перестанет быть тягостным, серым и превратится в многоцветный, как радуга, фон нашей работы.

Еще нужно понимать, что рядом с нами могут быть люди, которые насмешливо относятся к нам, особенно если мы занимаемся самообразованием. Когда-то Николай Васильевич Гоголь сказал так: «*Ко всякого роду намекам должно оставаться глуху*». То есть, если намекают, а не говорят прямо, я не слышу, что бы ни говорили. Мне очень нравится это выражение. Просто я не слышу, никак не оцениваю колкостей за спиной. Если хотят сказать — пусть скажут в глаза, прямо, а не намеком. «Там кто-то китайскую газету покупает», — намекнули, что человек занимается китайским языком. А что ж тут плохого? Это только обывателю, только мещанину кажется, что лишь ученые могут им заниматься, а ты, мол, задаешься, китайский учишь. Нехорошо поступает тот, кто намекает. Но не будем сильно осуждать его — у всех есть свои слабости. А если обратить внимание на подобный намек, появятся ангуасные состояния, тревожность, зажатость психики, истинной причины которой мы и не будем знать.

Давайте же останемся глухими к намекам — ведь нам надо идти вперед и развиваться. Мы все умеем удивляться. Но мало кому известно, что удивление — самое прекрасное качество для композиторов, поэтов и разных других придумщиков (естественно, мы говорим о придумывании прекрасного). Чувство удивления надо суметь в себе поддержать. Не потерять любви к удивлению — очень сложная задача.

Мы часто забываем присмотреться к какому-то явлению, к какому-то предмету и потому не удивляемся. А если присмотреться ко всему, что нас окружает, к Бытию, как говорят философы, то обязательно откроются такие стороны, которым нельзя не удивиться. То нас удивляет что-то необычное, то мы находим неожиданное сопоставление старого и нового. Но лучше всего эти мысли проиллюстрировать, снабдить картинкой. Ты идешь по городу, вокруг стоят дома. Они не могут взлететь, ты прекрасно это знаешь, разве что в сказке. Но физик, умудренный знаниями, опытом, долговременной работой, говорит, что могут быть такие физические условия на земле, при которых дома или, скажем, обыкновенный стол в твоей комнате поднимутся в воздух. Если ты живешь, к примеру, в пятнадцатом веке, такое заявление покажется тебе страшной ересью, но в веке двадцатом в этих словах нет ничего странного.

Необычное — это то, что не имеет обоснования на *уровне обыденного сознания*. Что значит «обыденное сознание»? Это не научное сознание, которое имеют ученые, а как раз наоборот — то, которое имеют все другие люди. Они получают сведения о различных предметах, явлениях, научных открытиях с большим опозданием. Такое сознание очень распространено среди обычных людей, потому и называется обыденным. Наука, находясь впереди обыденного сознания, все время 'питает его: обыденное сознание древнего грека или римлянина совершенно другое, нежели обыденное сознание нашего современника — киевлянина, москвича или

парижанина. Поэтому мы можем удивляться в большей или меньшей степени в зависимости от того, насколько владеем каким-то знанием. Если мы не удивимся чему-то, выходит, знаем: это возможно.

Когда-то у древних римлян была поговорка: *«nil admirari»* — «ничему не удивляйся». Они как бы предостерегали от однобокого мышления, советовали не торопиться с выводами: ведь все в этом мире может оказаться возможным, вероятным, простым даже, если хорошо разобраться. Но, конечно же, нам нужно *беречь в себе чувство удивления* по совершенно другой причине. Когда зимой надоест зима и хочется, чтобы было тепло, мы в феврале живем ожиданием весны и знаем, что она точно наступит. Но все равно весна приходит всегда неожиданно и удивляет, как удивлял поздней осенью первый снег, хоть мы и предвидели, что он будет белым и упадет с неба. Это удивление связано, наверное, не просто с научными данными, со знанием природы, явления, но и с *чувством поэтического*.

Мы всегда удивляемся прекрасному. А когда есть удивление, каждый раз обязательно делаем своеобразное маленькое открытие при помощи наших чувств, нашего внутреннего мира, И это самое важное, что связывает удивление с мышлением. Если ты умеешь удивляться, то есть умеешь волноваться по поводу своего ощущения, полученного от внешних событий, которые кажутся обычными, сможешь лучше мыслить.

А дело тут вот в чем: не бывает двух *одинаковых* первых снегов, не бывает двух одинаковых первых весенних громов — они все оказываются разными, нужно только иметь зоркий глаз и чуткое ухо. Если у тебя такие зрение и слух будут, ты сможешь лучше проникнуть в сущность явлений, лучше думать. А проникновение в сущность явления дает тебе еще и возможность сделать открытие. Оно тоже сопровождается обязательным удивлением, потому что ты удивляешься как раз самому открытию, новому видению. Тебе становится приятно это делать, ибо ты додумываешься и одновременно получаешь удовольствие. Такое удовольствие тоже является поощрением в твоём деле. И если ты уже сегодня умеешь заниматься с учебником так, как будто делаешь открытие за открытием, несмотря на то, что просматривал его неоднократно, значит, ты уже владеешь инструментом открытий.

Чувство удивления связано с поиском. Связано оно и с радостью. Когда не хочется скучать, ты инстинктивно стремишься найти что-нибудь новое. Но не надо торопиться сразу бежать в другое место из того, в котором находишься. Удивиться можно, просто иначе посмотрев на уже известную вещь, *«иначе* увидев то, что вокруг тебя: очень полезно все время смотреть иначе на все, что мы видим.

А теперь подошло время познакомиться еще с одним термином — *эвристика*. Это слово иностранное, от него можно образовать прилагательное «эвристический». Что значит «эвристика» и «эвристический»? Эти слова связаны с поиском, с открытием. Когда-то знаменитый физик древности Архимед, сделав открытие (кстати, это произошло в ванной), побежал по своему родному городу Сиракузы с криком: «Эврика! Эврика! Нашел! Нашел!» Отсюда и произошло слово «эвристика».

Нам нужно уметь искать, и специальная наука — эвристика — занимается тем, чтобы нам не было скучно, чтобы мы умели искать где угодно и находить. По-настоящему образованный, культурный человек никогда не будет скучать, потому что он сможет заниматься эвристической работой в любом месте: в поле, в лесу, на улице или на скамейке, под навесом, где ожидают троллейбус. Где угодно и когда угодно человек должен быть эвристичным и посвящать много времени новому видению мира, который кажется известным и очень даже обычным.

И еще одна вещь, очень важная в борьбе со скукой: мы можем представить *мысль как воительницу*, как амазонку (так называли героинь древнегреческого мифа — женщин, которые умели сражаться, охотиться). Мысль-воительница, мысль, которая должна вести себя твердо и непрерывно завоевывать все новые пространства в области неосознанного (того, что я еще не придумал), должна стать нашей героиней. Нам нужно полюбить такую мысль. Мысль вялая, которая не владеет нами, и которой не владеем мы, не должна нас восхищать.

Мы прекрасно знаем, что ассоциации, которые возникают в нас, являются мыслью тогда, когда они осознаются полностью, — я имею в виду мысль, выраженную словами. Но когда мы пытаемся думать, не подсматривая в глубины, в которых порождаются наши ассоциации, образы и связи, то получаем пустую мечтательность, получаем вялость, мышление, которым никак не можем овладеть. А нам необходимо *мышление как инструмент*, при помощи которого мы можем стать счастливыми, потому что правильно, без усталости умея думать, становимся Мастерами. Но делаем это не раз и навсегда, а постоянно в течение всего своего существования. А если ты снова и снова совершенствуешься как человек, значит ты и думаешь. И по-хорошему твое думание может быть успешным только тогда, когда твоя мысль «агрессивна», «наступательна», когда она завоевывает то, что в тебе творится.

Понаблюдать за собой, сделать все возможное, чтобы неосознанного было меньше, очень полезно и для твоего внутреннего спокойствия: ты сможешь лучше, спокойнее существовать только тогда, когда осознаешь какое-то свое затруднение, свое волнение и научишься хорошо рассматривать свой внутренний мир.

Кроме того, очень много дает тот тип умственной работы, который мы называем *связыванием* совершенно *далеких*, неродственных на первый взгляд *понятий*, неродственных явлений. Мы называем их далекими ассоциациями. И чтобы они заработали по-настоящему, нужно быть смелым, не бояться соединить очень странно соединяемое. Если ты хорошо подумаешь, то обязательно сможешь, как говорят, выйти из положения, сможешь придумать одно, второе, третье, четвертое звено и обязательно соединить их. Возьмем, например, два каких-нибудь понятия, которые совершенно не связаны: копейка и перестройка. Мы можем «связать» копейку с перестройкой просто, одним предложением: во время перестройки несколько копеек перестали считаться деньгами, об этом ты слышал от взрослых. А

когда-то копейка была настолько ценной, что на нее можно было купить не только школьный завтрак, а даже угостить приятеля. Это было очень давно.

Привлекая далекие ассоциации, мы берем копейку и перестройку и, связывая исторические данные, стараемся пробудить творческое мышление, которое помогает нам охватить (конечно, в меру своих знаний) какой-то большой объем сведений. Таким образом, если мы настроены на поиск, мы становимся способными сделать собственное маленькое открытие, которое и называется настоящей мыслью.

К этому и надо постоянно стремиться, смело связывая отдаленные друг от друга понятия, и часто гораздо более далекие, чем перестройка и копейка. Ведь можно взять такие по-настоящему очень далеко отстоящие друг от друга понятия, например, как скрипка и математика, или гайка и художник Рембрандт. Но их тоже можно соединить. Подумай сам, как это сделать.

Как найти свой талант

Мы все, так или иначе, участвуем в развитии человечества: ты родился — и тем самым продолжил развитие человечества, его *эволюцию*. Но эволюция гораздо качественнее проходит, если ты еще и осознаешь свою роль в ней. Многие люди, живя на этом свете, занимались скорее не эволюцией, а противоположным действием — дезэволюционированием. Это происходило потому, что они сами не прилагали усилия к развитию своей личности, только физически участвовали в эволюции, как это делают орлы, дельфины, олени — то есть на уровне инстинкта. Но человек должен эволюционировать еще и при помощи интеллекта, разума, чувств. И если мы сейчас вспомним, чем отличаются чувства от обыкновенных эмоций, ощущений, которые есть и у животных, то мы, конечно, поймем, что мышление и чувство в той форме, которая нам известна, есть только у человека.

Очевидно, мы становимся причастны к эволюции, если индивидуально мыслим, следовательно, и чувствуем. Когда ты волнуешься от мысли, значит, это мысль подлинная. Когда у тебя есть чувства (именно чувства, а не просто ощущения, эмоции, переживание без особой мысли, не связанное с пониманием), ты полностью *вочеловечиваешься*. Но есть высокие чувства, есть высокие состояния, и они как раз и эволюционируют, заставляют эволюционировать человеческую культуру. Поэтому, если ты находишься где-то в укромном, уединенном месте и читаешь стихи, ты больше *привносишь в эволюцию культуры*, чем кажется на первый взгляд. Чем *выше твое состояние*, которого ты достиг, тем оно более *значимо* для развития всего человечества. Твои высокие мысли, твои благородные состояния проникают в сознание других людей. Это пока трудно освещаемые для науки проблемы. Но в квантовой физике — есть такая наука — уже известно, что если воздействовать на какой-то предмет на квантовом (мельчайшем) уровне, ***он все равно испытывает воздействие.***

Теперь мы должны вспомнить о *веселье*. Веселье бывает от того, что нам смешно (когда мы смотрим веселый фильм или хохочем от забавной шутки), но бывает и от того, что нам просто радостно. Эта двоякость веселья нам нужна сейчас для того, чтобы мы могли объяснить себе, как же в нас «сотворяется» серьезность. А настоящая серьезность может быть очень, радостной. Ведь если она истинная, она обязательно связана с твоей заинтересованностью, следовательно, и с тем, что ты радуешься. Когда ты всерьез занимаешься какой-то проблемой, нужно обязательно радоваться.

Если мы путаем трагичность и серьезность, если мы путаем веселье по глупому поводу с радостью открытия, то мы еще очень плохо разобрались в истоках нашего серьезного отношения к миру. Чтобы человек научился понимать это лучше, у нас есть формула, заимствованная у одного выдающегося голландского ученого И. Хейзинги. Он говорит об *игре, которая может быть наполнена священной серьезностью*. Помните, мы говорили о богослужении как о ритуальной игре со священным серьезом? Пусть никого не пугает слово «игра», мы не сравниваем

богослужение с волейболом или другими видами спорта. Но, кстати, даже в спортивных играх, чем выше мастерство ее участников, тем больше у них изумительного свойства человека: играть, заниматься мастерством своим с ощущением священной серьезности, которая как бы ведет к неведомому достижению и постижению, узнаванию нового о самом себе, о человеке.

Приходилось ли тебе слышать слово «*полифония*»? Музыканты еще говорят «*полифония*». Это слово связано с двумя греческими корнями: «*поли*» — «*много*» и «*фона*» — «*звук*». На русский язык его можно перевести как «*многозвучие*». Вы понимаете, что речь идет, конечно, в первую очередь, о таких музыкальных произведениях, где есть не только одна мелодия, как в песенке, но еще и много других самостоятельных мелодий. Одна из них может быть главной, другие подчиняются ей, а потом становится главной другая и так далее. Когда ты лучше познакомишься с музыкальной культурой, обязательно встретишься с полифонией, потому что лучшие произведения музыкальной культуры написаны именно в полифоническом стиле — это и хоры, и симфонии, и квартеты, и многое-многое другое. Поэтому тебя ожидает очень интересное путешествие в мир полифоничности. Но есть и другая полифония — мыслей, занятий, деятельностей, которые тебя уже интересуют или будут интересовать в будущем.

Если пользоваться приемами полифонии, можно сделать по-настоящему многозвучной всю нашу жизнь. Как этого добиться? Мы узнали с вами сейчас, что существуют главные и второстепенные мелодии в музыкальном произведении, которое называется полифоническим, и это пригодится нам в размышлениях, которые мы сейчас проведем.

Что значит *думать*? Мы уже знаем, что можно **чувствомыслить**, а можно **мыслечувствовать**. Если на первое место мы поставим чувство или состояние (его называют иногда психическим состоянием, состоянием души), то сможем «зарядить» себя на целый день определенным настроением, снабдить определенным «материалом» нашу психику, нашу духовность. Это — не значит, что мы не можем «поселить» в себе другое состояние, — параллельно с этим уже существующим настроением. Таких настроений может быть много. Если ты хочешь это испытать, утром рано прочитай по несколько строчек из двух-трех стихотворений, или еще что-нибудь тебя интересующее, или послушай маленький музыкальный отрывок. Ты увидишь, как эти состояния начнут взаимодействовать в тебе: сначала главным будет одно, потом станет другое, появится как бы естественная музыка чувства, мысли, состояния. Таким образом мы и можем организовывать полифонизированные настроения, создавать *симфонию состояний*. Точнее, мы можем делать все, чтобы она самозарождалась, сочинялась сама.

Если ты часто сознательно переключаешься с объекта на объект, легко заметить, что у тебя в результате получается естественная *полифонизация занятий*, тебе интереснее жить: ты становишься духовно богаче и знаешь, что *сам* заработал это богатство. И лучше слишком часто переключаться с занятия на занятие в кругу

нужных предметов, чем недостаточно часто. Я уже говорил — нельзя засиживаться, доводить до выгорания интерес. Надо обязательно переключаться на другой предмет или на другую часть предмета, пока ты еще увлечен работой. Переходить к другому, испытывая скуку или утомление, уже поздно. Но при этом никогда нельзя забывать, что переключение должно происходить в кругу заранее намеченных тобой предметов. А если это один предмет, то в нем есть много составных частей, которые можно рассмотреть. И тогда ты станешь неуязвим, никогда не попадешь под власть слишком скорого утомления, будешь полон энергии и интереса, а твоя мысль окажется свежей и сильной.

Оттого, что ты сделаешь за день много полезных дел, к тебе, естественно, чаще, чем к тем, кто не умеет правильно работать, будет приходить хорошее настроение. Удовлетвориться прожитым днем можно только благодаря творчеству — когда ты что-то сочинил, когда достиг какого-то контакта с *Сущностью, известной под именем Бога*, притронулся к самому-самому заветному, спрятанному в том, что называется *Жизнью* или, как мы уже говорили однажды, *Бытием*. Оттого, что у тебя будет хорошее настроение, станет лучше и в твоём доме: сначала в семье, а потом во дворе, — и ты будешь распространять вокруг себя радость и благо.

Чтобы творчество стало фактом, нужно, повторим, очень много раз переключиться с объекта на объект, — и это необходимо делать физически, конкретно, погружаясь в те учебные предметы, которые стали интересны не потому, что тебе сказали в школе или дома: «Заинтересуйся», а потому, что ты сам сумел рассмотреть себя и научился создавать, конструировать интерес. Значит, *интерес связан с полифонизацией*, — это слово тебе уже понятно.

Мы должны, наверное, чувствовать праздник, когда делаем открытие. Радость приходит не только тогда, когда вокруг светит солнце и цветут цветы, — чувство праздничности может появиться также благодаря тому, что ты сделал

229 маленькое открытие внутри себя и рассказал об этом особым образом. Свое внутреннее открытие ты можешь перенести, скажем, на решение математической задачи. Конечно, это очень сложный путь, его называют *опосредованным влиянием на решение*, но он существует: если у тебя лучше настроение, если появились какие-то невероятные мысли, которые раньше были для тебя совершенно невозможными, значит, ты немножко вырос, значит, усилился твой ум, усилились твои чувства, повзрослела душа.

Когда-то великий писатель В.В. Розанов сказал, что у животных тоже есть душа, которая похожа на душу ребенка, и считал это причиной особенной тяги детей к животным. «Трехлетка, — говорил он, бежит за щенком, потому что они родственные души». Но души животных так и остаются в детском возрасте на всю жизнь, а твоя душа должна повзрослеть. Она взрослеет, потому что ты умеешь познавать мир, потому что умеешь создавать интерес, и, таким образом думая и чувствуя, развиваешь душу. А душа становится больше тогда, когда испытывает высшие состояния, связанные с добром, благом, любовью, с волнением от того, что

кто-то совершает достойный человека поступок, и от таких же поступков, которые совершаешь сам.

Увлеченность, необходимая для занятий, порождается за счет добытых тобою искорок интереса. Если умеешь заинтересовать себя благодаря дроблению материала («ломка игрушки»), то можешь развить и увлеченность, — мы называем это *«пафосным поведением»*. И пафос здесь нужно понимать именно как огромную увлеченность тем, что мы называем *творческой учебой*, а она должна быть только такой, иначе будет скучной. Мы так же можем найти и *собственную одаренность*, которую, оказывается, не так просто рассмотреть в себе. За счет интересов, которые сам же добываешь, ты выходишь на то, что лучше всего у тебя получается. Самое легкое, что выходит как бы само, возможно, станет началом твоего совершенствования в какой-то специальности, если твой интерес порожден внутренними природными данными. Получается или не получается — это естественная система, в рамках которой совершенствуется любой мастер. Получилось — можно продвинуться в этом направлении чуть дальше, не получилось — приходится останавливаться. Ты можешь выяснить эти направления, пробуя то или иное занятие. Найти собственную одаренность помогает знакомство с разными видами человеческой деятельности, с разными занятиями. Оно дает нам жизненный опыт, который, конечно же, пригодится и для того, чтобы прожить более счастливую жизнь.

Если в избранном тобой деле ты будешь продвигаться, не забывая о *чистоте помысла*, к тебе придет удивительное ощущение некоего *покровительства*. Оно, возможно, исходит от общности людей, которые одобряют хорошие поступки. Но мы называем это покровительство *астральным* (от латинского «*astra*» — звезда), то есть *звездным*. А можно назвать его покровительством *Небесным, Божественным*. Если у тебя будет большое творческое дело, если ты увлечешься занятиями, которые признаны благородными и поощряются сообществом людей, то будешь иметь надежную психическую опору, получишь как бы охранную грамоту от одиночества, от позабытости, заброшенности и даже от обид, которые могут нанести тебе плохо понимающие твое дело люди. Это очень важно — иметь психическую опору. И если ты хорошенько подумаешь, сконструируешь себе такую опору сам.

Очень важно, конечно, постоянно помнить и о практической стороне обучения, которую можно назвать *технологией, техникой обучения*. Инструментальные знания, которые мы приобретаем, изучая, допустим, языки или математику, могут послужить очень быстрому конструированию опоры. Отшлифовывая инструмент и навыки пользования инструментом, мы совершенствуемся в нашем главном деле, занимаясь им как побочным. Наверное, это сразу сложно понять, но нужно над этим подумать.

Зная слова, зная понятия, познакомившись с содержанием терминов, ты можешь разобраться в очень многом, потому что имеешь уже достаточно зрелый ум. Поэтому старайся перечитать еще раз то, что ты только что прочитал, старайся

подумать, дробя этот материал на части и переключаясь с одной части на другую. Тогда у тебя и получится результат, которого мы добиваемся. Над этой книжкой тоже надо работать, используя автодидактические принципы.

Мы можем гордо сказать, что являемся единственными живыми существами, которые пользуются письменностью. Ты научился писать, читать и, вероятно, не собираешься бросать эти занятия. Но мы можем читать, писать больше или меньше. Человек, много читающий, — это чаще всего человек культурный, который может быть назван и интеллигентным. Но очень редко можно встретить человека, который пишет столько, сколько надо бы писать для того, чтобы полностью использовать эту возможность в целях самоанализа. А нужно фиксировать, закреплять свои наблюдения, свои состояния в каком-то дневничке. Ведь знать — это и есть фиксировать в осознанном виде свое наблюдение. А чтобы возвращаться к такому наблюдению, нам надо его записать. Поэтому дневник самонаблюдений сможет помочь тебе в развитии мышления, чувств, в развитии души. И если у тебя в руках есть такой инструмент, как твоя грамотность, его надо, обязательно использовать, иначе он «заржавеет».

Но, конечно, чаще мы используем устный метод, который является главным при быстром обучении, допустим, таким наукам, как иностранные языки или история, — это известная вещь. Поэтому мы и используем (чтобы у тебя получалось быстрое формирование навыка) устный метод. Нужно заниматься культурой движений речевого аппарата — производить очень много различных движений, которые развивают мышцы и позволят овладеть различными навыками благодаря тому, что само по себе движение тоже совершенствуется. Наблюдая за развитием своих движений, своего навыка, ты сможешь делать очень интересные выводы о том, как из человека вырастает Мастер. А потом, понаблюдав за этим, сможешь перенести способ приобретения умения с одного занятия на другое — и это тоже будет мыслительный акт, мыслительное действие. Если говорить о последовательности использования устного метода и письма, то ты осязательно должен, выполняя письменно все задания, которые тебе задаются, все-таки еще делать и другие, но уже устно, чтобы хорошенько потренироваться.

За один раз нужно стараться охватить мысленно как можно больше материала, как будто ты стараешься «обнять» весь этот предмет, этот целый мир. От *единовременного охвата* будет во многом зависеть твое дальнейшее формирование как начинающего мастера. «Ни одного дня без строчки», — говорили когда-то. И сегодня это правило тоже может быть использовано, если употребить слово «строчка» в переносном смысле. Ни дня без усилия мысли, без — пусть маленького, но своего — *открытия*.

Когда ты не раз перечитаешь эту главу, сможешь свободно оперировать терминами, которые в ней встретил. И сможешь лучше применять те методы, которые узнал благодаря чтению предыдущих глав. Все это вместе с практикой, вместе с твоими занятиями, вместе с разговорами о *самообразовании*, которые очень полезно вести

со своими друзьями и родными, может по-настоящему помочь в обучении.
Желаю тебе удачи!

Об авторе

В. А. Куринский — действительный член Международной Академии педагогики, автор системы самообразования и саморазвития личности (Автодидактики), овладевший с помощью своей системы несколькими десятками иностранных языков.

Его новая книга посвящена серьезному разговору о философии нового образа жизни, об организации творческого самообучения, поиске собственного таланта, становлении личности, стирании граней между поколениями.

Сегодня после долгих лет изоляции нашей страны открылись двери к познанию культурных ценностей Западной Европы, к живому общению с народами этих стран. Но, к сожалению, в большинстве своем мы оказались «немыми», ибо только единицы наших соотечественников действительно владеют иностранными языками. Книга поможет преодолеть сложившееся годами убеждение об отсутствии дарования в овладении языками.